
Кодекс
Прехистората
Книга I: Суховей
WEB
ВЕРСИЯ
БИБЛИОТЕКА
АПОКАЛИПСИСА
Игорь Стенли

Annotation

Перегореть на работе в тридцать с небольшим — обычное дело. Бросить всё и пуститься на поиски смысла жизни — уже интереснее. Только я не предполагал, насколько далеко заведут меня эти поиски. Люди, события сплетутся в сложный узел, распутав который, я прикоснусь к тайнам древнего Ордена. Мне предстоит не только пройти трудный путь, увидеть закат цивилизации, испепелённые и поражённые инфекцией города, но и обрести, казалось, давно утерянную любовь. Только я об этом ещё не знаю.

Первая книга цикла «Прехисторат» в довольно редком жанре «Апокалипсис». Обычно, Концу света посвящено не более главы, а потом — бац — и начинается уже Постапокалипсис. Но лично мне этого мало. Я хочу знать: как, зачем и почему происходит коллапс цивилизации. Можно ли предотвратить трагедию? Что станет с главным героем — человеком, попавшим в водоворот истории, и, на первый взгляд, никак не готовым к этому.

Кодекс Прехистората I: Суховей

Пролог

Посвящаю Ирине. Спасибо за всё
Над клумбой бабочки порхают,
И небо льётся синевой.
В тени песочницы играют
Солдаты Третьей мировой…
(Николай Зиновьев)

Яркое солнце. Слишком яркое. До боли в висках. Ноги холодит вода, а под ладонями сырой песок. Я на пляже? Вон кто-то бродит по берегу, вразвалочку, лениво. Что же так раскалывается голова?

Если немного подвинуться, то можно спрятать лицо в тень от нависшего справа предмета. Так и сделал. Конечности словно ватные, да и шевелиться не хочется. Хочется лежать так до бесконечности. Правда, одежда снизу намокла, и тело начинает неприятно зудеть. Что я делаю на пляже в такой неудобной одежде?

Сел с третьей попытки. Попробовал оглядеться. Взгляд фокусировался с трудом. Вдруг что-то остро кольнуло в основании черепа, как будто тромб оторвался и поплыл по сосудам мозга. Вот только вместо сгустка крови в голове проносились обрывки фраз и образов. Память возвращалась болезненными резкими толчками с каждым ударом сердца, биение которого всё учащалось. Я ещё раз оглядел пляж, который оказался берегом реки: по песку и ниже по течению от меня тянулась тонкая струйка крови. Но кровь здесь была не только моя.

«Демоны! Это — демоны!» — всплыл в памяти истошный крик нашего чернокожего проводника, судорожно менявшего магазин в своём АК. Вон эти демоны, бродят или стоят, замерев, на отмели и на высоком уступе берега. Поблизости от меня, и дальше, лежат трупы членов отряда охранения. Экспертов, прибывших с нами, вообще не видно. Хотя нет, валяются какие-то обрывки ярко-синего цвета, такого же, какой был у их курток. Над кучей, похоже, недавно бывшей человеком, склонились аборигены. Они жадно рвут куски, толкаясь локтями и то и дело огрызаясь друг на друга.

Голова сильно закружилась, а к горлу подступил неприятный комок. Через секунду мой завтрак покинул утробу и отправился на корм рыбам. Я перевернулся на четвереньки, корчась в рвотных позывах.

Тихий прохладный ужас сковал всё тело и прошёл по позвоночнику, когда сознание уловило... нет, не движение, а его отсутствие. Заражённые насторожились, и я оцепенел оттого, что понял, кто именно привлёк их внимание.

Из положения с упором на четыре конечности вскочить оказалось не так трудно. Но тело не слушалось, а голову простреливала острая боль во время резких движений. Я побежал, как мог быстро, подхватив на ходу первую попавшуюся винтовку. Мой бросок не остался незамеченным, и по округе пронёсся жуткий нечеловеческий вой десятков глоток. Инстинктивно я искал место повыше, и грунтовый отвесный берег преподнёс мне неприятный сюрприз: карабкаться по нему оказалось невыносимо сложно. Преследователи уже рычали где-то за спиной, а я всё взбирался вверх, то и дело съезжая обратно по рыхлому склону.

Благодаря выбросу адреналина в кровь, прикладу винтовки и безудержному мату мне, наконец, удалось подняться на уступ. Внизу скрипели зубами и лезли по головам друг друга человекоподобные существа. Шансов достать меня у них не было, но вот дальше по берегу я увидел разрозненную группу таких же тварей, которая уверенно приближалась. Буквально в сотне метров от реки находилось какое-то поселение, и я тяжело затопал ботинками по высушенной пыльной земле в отчаянной попытке добраться до построек, чьи стены и крыши могли дать спасение.

Сейчас меня порвут на части и сожрут обезумевшие местные жители. А если нет, так подхвачу ту же заразу, что превратила их в монстров. За каким хреном меня занесло в это грёбаное западно-африканское приключение?! Ах да, я сам вызвался добровольцем! А ведь всё так хорошо начиналось…

1. Взгляд на залив

Утро понедельника — это момент, когда чары развеиваются: нужно снова встать в строй и вращаться в сложном механизме цивилизации XXI века. Кем бы ты ни был, как бы отвязно и сладко ни провёл предыдущие два дня и три ночи, сегодня ты нужен системе, так что встань и иди. Система зовёт, и ни один полноценный член социума не в силах ей перечить. Звучит зловеще, но именно Зов зачастую толкает на странные до безумия поступки — впрочем, как и неподчинение может обернуться неожиданными последствиями.

Сегодняшнее же утро понедельника — это моё частное и неприкосновенное утро. Захочу — перевернусь на другой бок, и поминай как звали. Или встану неспешно, выйду на кухню, где в косых утренних лучах летают пылинки, заварю чаю, сделаю вкуснейший бутерброд на подрумяненном хлебе и позавтракаю на лоджии, откуда открывается вид на Финский залив, то синий и безмятежный, то покрытый кое-где мелкими барашками. И стану разглядывать снующие вдалеке суда, и пить чай, и размышлять хоть до бесконечности.

Могу себе позволить, ведь сегодня я де-факто стал безработным.

Конечно, необходимо забрать документы, сдать пропуск, но всё это не более чем формальность. Почти пять лет, включая стажировку, я отработал на инвестиционного монстра «Западный горизонт» — компанию, ворочающую активами и фондами по всему миру. На выходе я получил бонусы и превосходные отзывы. Соответствующая запись в резюме и контакты рекомендателя — это пропуск практически в любую компанию. Но попав в «Горизонт» практически со студенческой скамьи (исключая два сумбурных года срочной службы), будучи взращённым там как специалист, сейчас я чувствовал себя в некоторой степени слепым котёнком.

«Ты слишком рано сходишь с поезда: из него нужно выпрыгивать с „золотым парашютом“», — вспомнилась шутка моего шефа Дубского, паталогического оптимиста лет за сорок, с которым у нас сложились приятельские отношения. Тот был абсолютно прав, но я устал или просто потерял запал, взяв высоту, о которой не мечтал.

Апофеозом карьеры стало получение грандиозного по моим меркам бонуса за удачное вложение в акции развивающегося регионального ритейлера, которое по итогам года принесло баснословную прибыль. А началось всё с одного-единственного параграфа в аналитическом отчёте отдела — параграфа моего авторства. Когда я в очередной раз сверхурочил, собирая данные в кучу, то, конечно, ни о чём таком и не думал: просто изложил собственное видение и отправил на почту шефа. А года через полтора департамент премировали — поголовно. Нам с начальником достались куски покрупнее плюс лавровые венки. Однако уже через месяц восторг схлынул, а через два стало попросту скучно. И даже маячившее на горизонте повышение перестало вдохновлять. Мог ли я, среднестатистический выпускник с дипломом защитника информации, метить на место аналитика и риск-менеджера в крупном инвестиционном холдинге с участием иностранного капитала? Нет, но верно говорят: «Что имеем — не храним…» Только плакать я не собирался — и ничтоже сумняшеся написал заявление с просьбой об увольнении. Рассмотрев заявление, шеф покрутил пальцем у виска, выдал ту самую шутку про «парашют» и отправил меня в отпуск с перспективой на отрезвление ума.

Последовавшие за тем недели были полны, как поётся в песне, «нездешних грёз и едкого тумана». Сначала я просто отсыпался и морально разлагался перед телевизором, за компьютерными играми и в социальных сетях. Питался исключительно полуфабрикатами и тем, что привозили угрюмые доставщики пиццы. Спал днём, а ночью пассивно бдел.

Далее наступила фаза просветления: я вставал рано и выбирался на пробежки по песчаным тропинкам вдоль залива. Стал питаться по-человечески. Покупал продукты и готовил дома, а в ресторанах выпендривался и заказывал только натуральные и низкокалорийные блюда. Стоит признаться, что за время сидячей работы и безнравственного начала отпуска я несколько заплыл жирком, и при моем худощавом телосложении выглядело это не очень красиво. В общем, я привёл себя в порядок и вышел в свет, восстановив остывшие контакты, коих за десять лет жизни в Северной столице у меня набралось не так много. Да и от этих встреч я не получил особого удовлетворения: мало что связывало меня теперь со старыми

знакомыми. С последней же дамой сердца, так получилось, я расстался незадолго до увольнения.

Сегодня отпуск закончился, а с ним и повинность в виде обязательной предувольнительной отработки. Имей я крылья, они бы точно уже зудели в предвкушении полёта. Никогда ещё я не был настолько свободен и независим. Нужно лишь передать дела новому счастливчику, занявшему моё место.

Ото всех этих мыслей я окончательно проснулся и поймал себя на бесцельном созерцании матовой глади потолка. Судя по освещённости, сейчас не больше восьми утра, а день обещает быть солнечным.

Приподнялся, посмотрел на часы. Так и есть — без четверти восемь. Сел на кровати и окинул взглядом гостиную. Вчера за ужином я начал смотреть фильм, потом прилёг, потом укрылся пледом, да так и заснул. Теперь мой просветлённый взор угнетали грязная посуда и общий лёгкий беспорядок. Да, и вот ещё что призрачно маячило на фоне этого безмятежного утра: вчера по окончании кинокартины я засыпал под CNN, где при участии пары сенаторов обсуждалась некая «красная угроза» — речь шла о тоталитарных режимах на территории бывшего СССР и о растущем Китае. А чуть раньше отечественные новостные каналы стращали меня агрессией НАТО, расползающейся по Европе военными базами и противоракетными комплексами.

Во времена Карибского кризиса я ещё не родился, однако впоследствии интересовался тем периодом биполярности мира, и происходящее сейчас попахивает чем-то вроде холодной войны — правда, на фоне вполне дружелюбных заявлений глав государств. Эта возня длится уже не первый год, и каждый раз, просматривая новости, я чувствую, будто в меня забивают гвозди. Но я должен пропускать всё это через себя — работа такая. Была.

В отпуске я, разумеется, отключился от назойливой информации, очищая мозги от шлака мультфильмами Миядзаки и киношедеврами Тарковского. Но вот реальность снова постучалась через голубой экран, и мысли закружились в голове пчелиным роем, вызывая лёгкие волны тревоги. Как если бы я вычитал что-то плохое между строк новостных лент, но ещё не осознал это, не сформулировал.

Подобная тревожность, к слову, выгодна любому режиму, так как позволяет отвлечь граждан от внутренних проблем и перенаправить энергию в нужное русло. Кто-то ухмыляется, разглядывая нас сверху,

как школьники разглядывают через микроскоп возню инфузорий. Поэтому и я никогда не стремился переполнять свой аналитический стек, просто держал в памяти общую картину событий. Но вот что странно: если до отпуска данная картина напоминала в основном цирк, то после стала больше походить на психиатрическую лечебницу.

А ещё запомнился тот ролик, в котором безумная толпа шла на приступ Денверского аэропорта — того, что находится близ американского города Денвер. Всё началось в долине, за пару километров от территории исполинской воздушной гавани. Местный фермер, очевидно воодушевившись славой коллеги, приютившего некогда «Вудсток», так же пустил на своё поле кучку хиппи. Якобы для проведения небольшого рок-фестиваля. Стоит заметить, что денверскому фермеру всё же удалось прославиться. Хозяин забеспокоился, когда однажды утром его работники не смогли вывести технику в поля из-за перекрывших дороги частных автомобилей и толп людей. К тому моменту на «фестиваль» собралось около ста тысяч человек. Власти тоже зашевелились, и в новостях наконец заговорили о секте Свидетелей Апокалипсиса. Когда к аэропорту прибыли все кто могли — армия, нацгвардия, полиция, в его сторону уже двигалось бескрайнее море людей. Патриарх сектантов поднял на штурм как адептов, так и простых граждан, руководствуясь двумя тезисами. Во-первых, по словам лидера, в ближайшие три месяца ожидается Конец света, а во-вторых, под Денверским аэропортом находится огромное современное убежище, построенное на деньги налогоплательщиков и обязанное стать их достоянием. Люди шли на приступ самоотверженно, неотвратимо, словно орда зомби. Подавляющее большинство защитников правопорядка в жизни не видели подобных скоплений народа: никто не мог противостоять, никто не смел сделать ни единого выстрела. Неравное, тихое противостояние длилось около девяти часов, и вот когда первые штурмующие ступили на территорию аэропорта, в вечернем небе появился вертолёт. Его заметили потому, что резко исчезли многочисленные вертушки новостных каналов. Затем разразился ад. Люди в одночасье обезумели и понеслись куда глаза глядят, давя и перемалывая друг друга.

Ну вот, я прямо чувствую, как мозги зашевелились, причём не в лучшем смысле. Теперь уже точно не расслабишься, нужно выходить из диссонанса. Я покинул уютный диван и направился на кухню,

вытряхивая из головы остатки сна и тревожные мысли. На пороге моего холостяцкого камбуза я получил первую порцию антистресса, потому что через приоткрытые створки широких деревянных жалюзи на меня смотрел залив, радуя своей безмятежной гладью. Кстати, кухню свою я называю по-корабельному прежде всего именно из-за этого вида и только во вторую очередь потому, что отделана она на манер судового помещения.

Поставил на плиту чайник со свистком — другие у меня не выживали — и принял душ. Завтракая, взглянул на часы — пятнадцать минут девятого. «Горизонт» начинает работать с девяти, и хорошим тоном было бы прийти к началу рабочего дня, заодно посветив своей посвежевшей физиономией. Но к девяти я уже никак не успею.

Хотя свеча офисного здания, расположившегося поблизости от Парка 300-летия, видна из моей многоэтажки на Васильевском острове, добираться до неё нужно через центр, то есть как минимум час. Дорога на работу занимала бы минут пятнадцать, если бы строители открыли наконец развязку на центральном участке скоростного диаметра. Но к счастью, теперь это не моя головная боль. Сегодня устрою неспешный променад с пересадками в метро и глубокомысленными прогулками. Погода располагает. А четырёхколёсный друг пусть немного поскучает у подъезда.

Закончив завтрак, я наскоро выбрал одежду и собрался. На пороге активировал охранную систему и вышел в прохладу питерского утра.

2. Официально безработный

Чередуя бодрый шаг с ездой на автобусе и метро, я добрался до места чуть больше чем за час. Мой «кардиотренер» в смартфоне насчитал около двух километров маршрута и выставил оценку восемь из десяти возможных. Занёс было палец над кнопкой «Поделиться с друзьями», но вспомнил гениальную фразу «Господи, да всем плевать!» и передумал. Люди сейчас больше озабочены колебаниями на валютных рынках.

Прошёл в здание по всё ещё активному пропуску, избежав тем самым общения с суровой охраной. Лифт мгновенно домчал меня на девятнадцатый этаж, и на выходе в холл я чуть не столкнулся со странным субъектом. Это был низкорослый, полноватый, бледный и лысеющий человек. Я видел его раньше в офисе, в память невольно врезались вечно влажные большие глаза, прозрачная кожа: весь он был какой-то студенистый. Казалось, тронь его чем-нибудь острым — оболочка разорвётся и выпустит наружу аморфную массу. Глаза человека без возраста выражали злую безысходность, пронизывающую посильнее, чем страх случайно проткнуть его. Именно поэтому я обошёл неизвестного бывшего коллегу по гораздо большей дуге, чем было необходимо. Он исчез в лифте, а я направился в свой отдел, миновав большой холл и симпатичную офис-менеджера Марину, с которой обменялся приветственными улыбками. Когда я уже почти скрылся в коридоре, девушка окликнула меня по имени, я обернулся.

— Ты вышел из отпуска? — спросила она скорее неофициально, нежели в служебных целях.

— Я увольняюсь, пришёл за документами, — попытался я выразить некоторое сожаление.

— Жаль, — сказала она и на секунду опустила взгляд в такт каким-то своим мыслям. — Полонский вот тоже уволился, и мне кажется, не по собственной инициативе.

Собеседница делилась ещё какими-то новостями, но тут я вспомнил студенистого человека — это и был Полонский, один из ведущих юристов холдинга. Я редко видел его, потому что обитал он

где-то на верхних этажах. Вот так. Видимо, что-то не заладилось в компании по части юриспруденции.

— Много человек уволилось за последний месяц, — закончила Марина свой отчёт.

Я откланялся, поблагодарил её за интересные новости и продолжил путь. Я бы мог развить нашу беседу вплоть до приглашения на ужин, но пришёл не за этим. Проходя мимо стеклянных стен родного аналитического отдела, как и ожидал, я застал стандартную понедельничную планёрку. Мой бывший шеф Дубской с серьёзным видом увещевал подчинённых. Увидев меня, он кивнул, поднял ладонь с разведёнными пальцами и изобразил кружку у рта, что означало: «Подожди пять минут, попей кофе в курилке».

Курилкой у нас называлось общественное помещение в конце коридора, где никто не курил, но где сотрудники отдыхали, обедали и пили горячие напитки в перерывах. Главной особенностью помещения было панорамное остекление с видом на парк и водную гладь. Наличие, назначение и положение этой комнаты говорили о любви компании к сотрудникам. А курильщики использовали для своих нужд просторные балконы на противоположной стороне этажа, но уже с видом на спальный район.

Зайдя в пустую в это время комнату отдыха, я словно магнитом притянулся к окну, из которого были видны парившие в воздухе беззаботные чайки и зелень парка, где ветер раскачивал липы и берёзки. Ну и, конечно, высокие белые облака над посветлевшим заливом. Да, я уже скучаю по этому месту.

Почему я ухожу, на самом деле? Потеря мотивации, кризис достижения цели — ага. Кому я вру?! Мне просто однажды стало страшно, реально страшно. В юности, насколько я помню, у меня случались вспышки гнева. Я был абсолютно спокойным ребёнком, однако стоило кому-то сильно достать меня, действительно достать, добиваясь этого усердно и планомерно, — как я взрывался. Пару раз даже покалечил кого-то слегка. Слава Богу, бывало это редко, а в советских образовательных учреждениях не водилось всякого рода психологов. Оттого-то я и не угодил ни на какой учёт. Затем всё прошло. Но прошло ли? Может, просто моя жизнь превратилась в рутинное болото, где нет места сильным эмоциям и хоть каким-то приключениям, а все трудности сводятся к периодическому осознанию

невозможности купить что-то дорогое. Вот что меня испугало, вот от чего я бегу.

Я купил в автомате бутылку воды, сделал пару глотков и продолжил рассматривать окрестности, когда моё внимание привлекли три объекта в небе, пересекавшие с юга на север пространство над Невской губой. Когда те приблизились, я различил военные вертолёты — преимущественно тёмно-зелёного цвета, с голубым брюхом и красной звездой на борту. Вертолёты над городом не редкость, но вид трёх армейских машин, уверенно шедших клином невысоко над водой, невольно внушил трепет. Следом за ними вдалеке двигались ещё пять грозных силуэтов, но в отличие от первых, явно более новые и однозначно боевые. Призрачное чувство тревоги, которое я отогнал утром, снова вернулось.

Проводив взглядом процессию, я обнаружил, что прошло уже минут десять и Дубской, скорее всего, освободился. Оглядев напоследок так полюбившееся мне помещение, я отправился на аудиенцию к шефу. Тот действительно закончил совещание и сидел в своём отдельном «аквариуме». Увидев меня, сразу пригласил войти. По пути к стеклянному кабинету начальника я поздоровался с бывшими коллегами, ряды которых за месяц… поредели?! Половина рабочих столов не просто временно пустовали, они были свободными. И это там, где совсем недавно кипела работа, словно в улье.

Когда я зашёл в кабинет и поздоровался, моё недоумение, видимо, по-прежнему читалось на лице, потому как Дубской сразу спросил:

— Ну что, заметил убыль личного состава? Так и живём. Руководство избавляется от балласта в условиях новых экономических и политических реалий, как мне пояснили.

— Месяц назад дела обстояли более оптимистично, — констатировал я.

— Друг мой, ты что, не следил за новостями всё это время? — шеф пододвинулся ко мне. — Мир лихорадит, как в начале прошлого века, какой уж тут оптимизм.

— Да, я выпал, конечно, из информационного поля, но не думал, что настолько. С другой стороны, в новостях ничего сверхъестественного не афишируется — обычная политическая возня.

— Возня вознёй, но наши западные друзья, — махнул он рукой куда-то в сторону Атлантики, — резко закрутили краны. Кстати

сказать, награда за твою голову ещё сильнее возросла. Если вернёшься сейчас, то сразу на место моего заместителя.

— Артемий Петрович, вы без ножа режете, — покачал я головой, — я никак, ну просто никак не могу сейчас вернуться.

— Ну и скатертью дорога, — заявил Дубской в своей вечно саркастической манере, выуживая из сейфа папку с документами. — Распишись здесь и здесь и отметься у офис-менеджера. Сдай пропуск. И не забывай про свой автограф на документе о неразглашении.

— Шеф, вы же мой профессиональный крёстный отец, подставлять вас не собираюсь, — уверил я, расписываясь в документах. — Да и «Горизонт» мне ничего плохого не сделал.

— Знаю, знаю… И именно поэтому прошу об одолжениях, — он посерьёзнел. — Во-первых, когда перебесишься и будешь тщетно пытаться устроиться куда-либо снова, приходи ко мне, может быть, здесь найдётся для тебя местечко. Во-вторых, если откроешь свою компанию и станешь финансовым воротилой, обязательно позови меня к себе. И в-третьих, если мёртвые восстанут и пойдут по улицам, обещай вытащить меня из города, так как из всех моих знакомых только у тебя есть дробовики.

Когда Дубской заканчивал тираду, лица наши уже растягивались в улыбках. Вот это человек, вот это жизнерадостность. Никогда не устану восхищаться его здоровым легкомыслием, которое, кстати, не помешало ему стать главным аналитиком в компании. Пожалуй, по нему, как и по курилке, я тоже буду скучать.

— А если серьёзно, то просьбы есть: сейчас у нас неразбериха, но когда мы перераспределим обязанности, возможно, от тебя потребуется ввести кого-то в курс дел. Подъедешь на пару часов, надеюсь, не откажешь? И ещё одно, подожди минуту, — он снял трубку телефона и набрал внутренний короткий номер. Когда на том конце провода ответили, Дубской произнёс абсолютно ровным голосом, как будто и не веселился только что:

— Юрий Игнатьевич, доброе утро, у меня Сергей Романов… Да, тот самый... Хорошо.

Я не сразу понял, что происходит, но о личности собеседника шефа догадался — это наверняка Юрий Асташев, председатель совета директоров холдинга, главный человек в компании. Пока я гадал, что

ему могло понадобиться, Дубской уже положил трубку и ехидно уставился на меня.

— Я вижу, ты понял, куда тебе идти. Ничего не спрашивай, я сам ничего не понимаю. Он ещё недели две назад просил отправить тебя к нему.

— Но он же в курсе, что я увольняюсь?

— Разумеется, в курсе. Просто не представляю, что ему нужно, — шеф явно просчитывал что-то в уме. — Но ты сходи. Я бы хотел, конечно, узнать, о чём вы поговорите, но боюсь, это уже будет попадать под разглашение. А теперь иди.

После недолгих, но душевных прощаний с бывшим начальником и остатками коллектива я побрёл по коридору к резиденции главного. Крайне эффектная и «нордическая» секретарша разрешила мне пройти, и я оказался в просторном кабинете. Панорамное остекление с видом на парк и залив, как в курилке, только гораздо большей площади, дизайнерский интерьер: из стереотипных атрибутов кабинетов топ-менеджеров здесь было, пожалуй, всё, кроме мини-гольфа. За массивным, словно вросшим в ковровое покрытие столом сидел лощёный мужчина лет пятидесяти и подписывал документы, перекладывая из одной папки в другую. Когда я вошёл, он жестом пригласил присесть за его брифинг-стол. Подписав несколько бумаг, Асташев наконец закрыл авторучку и небрежно отбросил папку. Взглянув на меня поверх линз своих ультрашикарных TAG Heuer, о бренде которых говорил характерный логотип на футляре очков, он заговорил.

— Так ты и есть Сергей Романов, аналитик? — уточнив, протянул руку. — Здравствуй.

— Здравствуйте, — я ответил на крепкое рукопожатие. — Никогда не думал здесь оказаться.

— Нет ничего необычного в том, что руководитель проявляет интерес к подчинённым, — пояснил Асташев. — Ты лучше расскажи, почему покидаешь компанию. Что тебя не устроило?

— Всё устраивало, претензий нет. О таком месте я мог бы только мечтать. Но я потерял мотивационные факторы для эффективной работы. Не хочу быть балластом для компании, я так не могу.

— Не скажу, что разделяю твои принципы. Но я уважаю право каждого на самоопределение, тем более что ты внёс хороший вклад в

общее дело, — главный достал что-то из ящика стола. — Однако пригласил я тебя ещё вот зачем.

Я вопросительно глядел на то, как он перебирал извлечённые визитные карточки, и вдруг остро почувствовал ненормальность своего нахождения здесь. Этот шикарный кабинет был чужд мне, как и я ему. Приглашение на аудиенцию к председателю совета директоров равносильно попытке акулы завести светскую беседу со своим лоцманом или прилипалой: не то чтобы им не о чем было поговорить — просто незачем. Кстати, со зрением у главного, как и у акулы, было не очень: визитные карточки он разглядывал на расстоянии вытянутой руки, щурясь. При том что пять минут назад подписывал документы, глядя на них без заметного напряжения. Данное наблюдение навело меня на мысль о том, что он не особо вдаётся в подробности документов. И потом, к чему этот анахронизм в виде очков? Человек и с гораздо меньшим достатком может позволить себе современные методы коррекции зрения.

— Есть у меня один знакомый, — между тем продолжил Асташев, отыскав нужную карточку, — некто Лавров Лев Борисович, академик РАН, профессор… Говорит тебе что-нибудь это имя?

Я судорожно пробежался по алфавитному указателю и по индексам в своей памяти: однозначно имя знакомо. Но при каких обстоятельствах оно запечатлелось в моём мозгу? Нужно время, чтобы вспомнить.

— Да, имя знакомо, — подтвердил я, — но сейчас не вспомню, откуда.

— Хорошо. Вспомнишь. А у меня будет к тебе одна, так сказать, последняя просьба, — Асташев наклонился ко мне и многозначительно придвинул визитную карточку. — Встреться с академиком Львом Борисовичем. Это довольно примечательный и влиятельный человек, который проявляет интерес к молодым специалистам из различных областей. Встреча с ним может быть очень полезна.

— Но я не планирую в ближайшее время выходить куда-либо на работу, — попробовал я возразить, совсем запутавшись в происходящем. — Если бы я собирался и дальше работать в аналитике, то уж поверьте, не стал бы покидать вашу компанию.

— Я уже говорил, что не имею претензий к твоему выбору, — остановил меня Асташев и продолжил каким-то неприятно заискивающим тоном. — И раз ты тоже не имеешь претензий к нам, то настоятельно рекомендую встретиться. Поверь моему опыту, это нужно прежде всего тебе. Мне небезразлична судьба молодых дарований, пусть они и покидают родное гнездо.

Закончив речь, он как-то неестественно рассмеялся: «О-хо-хо-хо». Видимо, в поддержку высказывания про гнездо. А я смог выдавить лишь жалкую улыбку и сразу понял, что продолжать дебаты с этим человеком просто неприятно. Под внешним лоском, казалось, скрывалась истлевшая мумия древнего старика. Легче дать согласие на встречу и отвязаться.

— Хорошо, — я забрал визитную карточку, приняв тот факт, что просьбу Асташева придётся удовлетворить. — Позвоню и договорюсь о встрече на этой неделе. Благодарю вас за рекомендацию.

— Вот и отлично, только не откладывай, свяжись с академиком Лавровым сегодня. Человек, сам понимаешь, занятой, — главный снова откинулся в кресле и принял снисходительную позу. — А я прямо после твоего ухода позвоню и предупрежу его.

— Благодарю за всё. Мне было приятно и интересно работать в вашей компании, — сказал я, вставая и уверенно продвигаясь к выходу, после того как стало понятно, что разговор исчерпан.

— Всего доброго, — ответил Асташев, направив взгляд обратно на свой стол цвета венге, и когда я уже положил ладонь на дверную ручку, вдруг бросил мне вслед: — Да, и вот ещё что. Обязательно зайди к нам через некоторое время, поделишься своими успехами. Я знаю, вы в хороших отношениях с Артемием Петровичем. Уверен, он будет рад визиту… мы будем рады.

Я улыбнулся, кивнул, пробормотал что-то вроде: «Хорошо, спасибо, до свидания» и вышел из кабинета.

Когда я закончил все формальности, сдал пропуск и покинул офисное здание, на улице было уже довольно жарко под солнцем, но ветерок веял прохладой. Поэтому я решил не снимать пиджак, а держаться в тени раскидистых лип, росших по обе стороны тротуара.

3. Предложение неопределённого характера

Вырвавшись на свободу, побрёл по улице вдоль парка, обдумывая дальнейшие действия. В голове крутилось всё: от покупки мотоцикла до кругосветного путешествия. Не хотелось только думать о том, что скоро, как ни крути, придётся снова трудоустраиваться. При моём аскетичном с точки зрения среднего класса образе жизни имеющихся денег должно хватить на какое-то время. Но затем — не только по финансовым соображениям — мне понадобится новая сфера деятельности. Нельзя сидеть без дела, да и Система зовёт — за жизнь в городе нужно платить вне зависимости от уровня твоего бытия.

Так добрёл до крупного торгово-развлекательного центра, со стороны которого пахнуло ароматом свежей выпечки. Неужели аромамаркетинг — или правда пекут сдобу в одном из кафе? Так или иначе, мне вдруг жутко захотелось кофе промышленного изготовления с чем-нибудь печёным. Верно, что мозговая деятельность требует углеводной подпитки.

Смирившись с тем, что, возможно, стал жертвой воздействия маркетинговых технологий, я через десять минут уже сидел за столиком «Старбакса» и употреблял вполне приличные, на взгляд обывателя, латте с чизкейком, вручённые мне приятной рыжеволосой бариста. Девушка за стойкой всем своим видом внушала приятное спокойствие и уверенность в сваренном ею кофе, а внешность её словно была перенесена со средневекового портрета дамы из высшего сословия. Хотя в те смутные времена рыжеволосых дев не повсеместно жаловали: в частности, испанская инквизиция не гнушалась их публичным сожжением, признавая ведьмами. Хорошо, что в наше время можно свободно любоваться этими прекрасными созданиями. Белая бархатная кожа, круглое лицо, окаймлённое яркими локонами, собранными в неплотную косу, лёгкие контуры тела… Поглощённый образами, я не сразу заметил, что девушка смотрит в ответ, не понимая природу такого пристального внимания с моей стороны. Я приподнял чашку кофе, как будто в честь неё, и улыбнулся.

Она ответила мне не дежурной, но всё-таки более официальной улыбкой, и на этом наш визуальный диалог был исчерпан.

Передо мной лежал телефон, а в пальцах крутилась визитная карточка некоего академика Лаврова. Сейчас мне не хотелось никакого делового общения, и при других обстоятельствах я бы точно отложил звонок на неопределённое время, но интрига имела место, и уже страсть к разрешению неясностей подталкивала к набору номера.

— Добрый день, это Сергей Романов, я звоню вам по рекомендации Юрия Асташева из «Западного горизонта», — отрапортовал я, когда Лавров снял трубку.

— Здравствуйте, Сергей, — ответил собеседник немного скрипучим голосом. — Да, я ждал вашего звонка. Предлагаю не тянуть кота за хвост, а лучше встретиться и обсудить одно потенциально интересное для вас предложение.

— Лев Борисович, я готов встретиться, но сразу хочу предупредить: я только что уволился и в ближайшие месяцы не планирую выходить на новое место. Есть другие планы, — выложил я свои условия профессору.

К слову, конкретные планы-то у меня как раз и отсутствовали. Но я был уверен, что они появятся, и мне требовалось время, чтобы «перевести дыхание». Однако академика Лаврова предупреждение ничуть не смутило, и он попросил как можно скорее прибыть к нему в офис на набережной реки Мойки.

Тон и манера общения собеседника мне понравились. Сомнения отчасти улетучились. Я неспешно завершил второй завтрак, исподтишка разглядывая девушку за стойкой, и, собравшись с мыслями, отправился на встречу.

Проехав пару километров на автобусе, я спустился в метро — в подземную реку разномастной питерской толпы. Деловой день разгорался, к массе горожан примешивались многочисленные в это время года приезжие, которых выдавали восхищённые взоры по сторонам и неумение маневрировать в людском потоке Северной столицы.

В этом году чувствовался существенный приток гостей — даже учитывая пик сезона, людей всё равно было больше, чем обычно. Очевидно, отечественные туристы всё меньше испытывали судьбу на неспокойных зарубежных курортах, предпочитая устранять белые

пятна на территории необъятной родины. В любом случае весёлые и впечатлённые приезжие всегда вносили оживление в бледнолицый поток горожан, чей отпуск ещё не наступил или не предвиделся вовсе.

Я же неизменно любил Питер таким, как есть, без прикрас: и сырой, но разноцветной осенью, когда низкое солнце золотит и без того огненно-рыжие парки и аллеи; и серой весной, когда даже самая затяжная хлябь не может отвлечь от всё чаще проступающего лазурного неба. Мне часто не нужны были дополнительные впечатления помимо тех, что даёт сам город, и некоторые отпуска я провёл не уезжая далеко от дома, а большинство других — либо в загородном доме родителей, либо колеся по стране. Кстати, сейчас моя тяга к путешествиям снова напомнила о себе: «крылья зачесались». Покачиваясь в такт движению вагона метро, я представлял, как проведу недельку с отцом и матерью в коттедже в сосновом бору, а потом рвану, вполне возможно, куда-нибудь за Урал.

Пара-тройка дней в их уютном загородном доме всегда ставили меня на ноги, особенно в разгар карьеры, когда мозги на работе кипели изо дня в день. Несмотря на то, что отец вот уже семь лет частично парализован и мать ухаживает за ним, живут они самодостаточно, размеренно и вполне счастливо. Травму, повлёкшую паралич, отец получил на производстве. Они с мамой сразу после института, в пору сельскохозяйственных инноваций пришли работать на табачную фабрику в родном Саратове, там и познакомились. Когда после развала Союза завод стал чахнуть, отец был уже замначальника производства, а мать — технологом. Обоих сократили. Все сбережения обесценились в начале пресловутых девяностых, и мы из процветающей советской семьи превратились в нищих. Родители хватались за любую работу. Помню, как отец приносил в больших сумках рулоны неразрезанных сигарет с завода и кустарно напечатанные упаковки. Рулоны нужно было нарезать на сигареты нормального размера, пачки склеить, набить дешёвым куревом и отдать коммерсанту на реализацию за копейки. Хотя нет, тогда — за тысячи.

Спустя время табачную фабрику выкупила западная компания: новые хозяева начали с модернизации производства. Родителей пригласили на работу. Жизнь стала налаживаться, зарплаты постоянно росли, но и работа сделалась более напряжённой и ненормированной.

Однажды, когда на заводе шёл очередной ремонт из бесконечной череды, отец проводил осмотр цеха. Проходя по мосткам над табачными станками, он сорвался вниз с плохо закреплённой лестницы. В компании, на удивление, признали вину в полной мере и начали выплачивать компенсации. Но только через три месяца папа более-менее пошёл на поправку: стал чётко узнавать нас с мамой и шевелить рукой, начала восстанавливаться речь.

После выписки из больницы появились новые проблемы. Наша многоэтажка была совсем не пригодна для проживания инвалида: коляска не помещалась в лифт, а из подъезда не было никакого съезда. Хоть отец и поправлялся, жизнь в заточении отнюдь не способствовала выздоровлению. Ситуация резко изменилась после приезда старого папиного друга. Увидев наше положение, он предложил перебраться жить на природу, в свой коттеджный посёлок на Ленинградке. Решение было, на первый взгляд, сложным, но и единственно верным, и мы согласились. Сбережений и компенсаций хватило на то, чтобы купить участок и за два года выстроить небольшой, но добротный и продуманный дом. К тому времени я уже учился в Петербурге, на втором курсе госуниверситета аэрокосмического приборостроения на кафедре защиты информации. Первый курс я скитался по съёмным комнатам, но на втором пробился в общежитие. А во время третьего года обучения родители продали нашу большую квартиру в Саратове и купили скромную, но уютную квартирку в новостройке на Васильевском острове, где я и обитаю по сей день.

Вагон дёрнулся, притормаживая, и люди засуетились. Плотность туристов значительно возросла, слышалась разнообразная иностранная речь. Ещё бы: центр, Исаакий. Мне тоже подниматься на поверхность здесь, на «Адмиралтейской», воздушный потолок и витражи которой всегда улучшали настроение. Выходя из вагона, я ощутил такой любимый подземный ветер метро, состоящий из тёплого воздуха и неповторимого сочетания запахов смазочных материалов, пропитки для шпал и иногда еды.

Поднявшись по казавшемуся бесконечным эскалатору, я выбрался на свежий воздух — если таким можно назвать воздух в центре мегаполиса. Наверху сразу сориентировался по рельефу — идти нужно вниз, к набережной. Вдоль реки я прошёл два полных квартала и без труда обнаружил арку, о которой рассказывал профессор. К этому

времени небо, ещё час назад радовавшее приятной синевой, заволокло тучами. Вблизи воды стало прохладно.

Миновав ворота, я оказался в довольно широком внутреннем дворе. Здесь находилось несколько заведений, но мне требовалась деревянная дверь без опознавательных знаков. Я сообщил через аудиопанель о цели визита — и через минуту был внутри здания, пройдя через портал с незамысловатым барельефом. Но оказавшись в небольшом вестибюле, оцепенел от его убранства. Казалось, что из суетного питерского дня я шагнул сразу в середину XIX века, куда-то в гостиную в центре Лондона. Примерно так я когда-то представлял апартаменты миссис Хадсон, читая и перечитывая Конан Дойля. Стены до середины были покрыты тёмными резными панелями; далее до потолка поднималась благородная бордовая обивка. Крестовый свод комнаты украшала фреска, изображавшая, как мне показалось, некий библейский сюжет. Искусные витражи в окнах и дверях добавляли помещению сказочности. Одну сторону холла полностью заняло раскидистое растение, а с другой находилось что-то вроде лобби с кофейным столиком и парой антикварных кожаных кресел.

Я так впечатлился, что не сразу заметил женщину, стоявшую за приёмной стойкой напротив входа.

— Здравствуйте. Ваш офис заворожил меня, — поприветствовал я сотрудницу и манерно раскашлялся.

— Нестрашно, вы не первый зачарованный, проходите, — ответила она и тепло улыбнулась. — Лев Борисович готов принять.

С обеих сторон от стойки располагались двери, мы направились к левой. Сама стойка, к слову, не являлась рабочим местом, а лишь служила основой для пульта контроля доступа. Женщина шла впереди, размеренно покачивая бёдрами, а я разглядывал отделку коридора — неширокого, но не уступавшего по благородству вестибюлю. Здесь были те же деревянные панели и бархат. Пространство освещалось медными светильниками с матовыми плафонами. В простенках между дверьми висели рукописные портреты неизвестных мне людей разных эпох и стилей. Мы проследовали до крайней левой двери, куда я и шагнул навстречу интригующим предложениям.

Профессор Лавров принимал в просторном кабинете, соответствовавшем по стилю увиденным мною ранее помещениям. Это был пожилой, полноватый, но коренастый человек с короткой

стрижкой и седой, идеально ухоженной бородой. Учреждение, в которое я попал, было не из бедных: в глаза то и дело бросались элементы технического оснащения явно высокого класса. На рабочем столе профессора стоял моноблочный персональный компьютер такого футуристического вида, что я не смог распознать даже производителя устройства. И вообще я вёл себя крайне нетипично: никогда так жадно не глазел по сторонам, попав в незнакомое место. А здесь взгляд цеплялся за каждую мелочь. Любая вещь несла некий смысл и была совершенна по форме и назначению. Оборудование и отделка офиса не шли ни в какое сравнение с ультрамодными и шикарными интерьерами больших боссов, в которых мне доводилось бывать.

— Добрый день, — поздоровался я с некоторой задержкой.

— Добрый-добрый, — радушно ответил Лавров и указал на ближайшее кресло. — Присаживайтесь, не стесняйтесь.

И вдруг, как только профессор заговорил, я вспомнил, откуда его знаю. Лев Борисович Лавров находился в комиссии, когда я защищал свой дипломный проекта в университете. В общем и целом он никак себя не проявлял, только прочитал краткую наставительную речь для выпускников. Так я запомнил его необычный голос.

— Кажется, вы меня вспомнили?

— Да, вспомнил, — кивнул я.

— Вот и отлично, тогда перейдём к делу. Скажите, Сергей, какие у вас сложились планы на ближайшее будущее?

— Планов много, но большинство из них личного характера.

— Значит, сворачивать горы вы пока не намерены?

— Было б что сворачивать. Всё уже свёрнуто до меня.

— Удачно сказано, — улыбнулся Лавров. — Но это можно рассматривать двояко. С одной стороны, многое в современном мире уже «свёрнуто», и тут вы правы. Но сворачивание гор в смысле открытия новых перспектив сейчас актуально, как никогда за последние несколько веков. Хотели бы вы принять участие в действительно значимом деле?

— Заинтригован, но ничего не понимаю, — попытался я отшутиться.

— Хорошо, я расскажу о нашей организации, — начал профессор. — По сути, мы представляем собой фонд, призванный накапливать и сохранять культурное наследие человечества. Нам нужны специалисты

с аналитическим и гибким умом, чтобы отслеживать и собирать лучшие образцы деятельности людей.

— Боюсь, я слабо разбираюсь в искусстве. Я из тех, кто до сих пор видит шесть пальцев у Папы на «Сикстинской Мадонне», — продолжал я острить.

— Под культурным наследием я подразумеваю не только предметы искусства — и даже в меньшей степени их, — ответил Лавров как ни в чём не бывало. — Мы храним достижения, открытия, знания, историю, выраженные в фактах и конкретных предметах и продуктах.

Углубляясь в подробности, Лавров заметно посерьёзнел, смотрел на меня неожиданно острым и испытующим взглядом. Появилось странное чувство дискомфорта, как будто туманная пелена стала наползать на сознание, и я невольно перебил собеседника, стараясь сбросить наваждение.

— Лев Борисович, так в чём конкретно заключаются обязанности по вакантной должности? — спросил я довольно резко.

— Не волнуйтесь, — улыбнулся вновь профессор, став прежним, — вы распознали мой НЛП-манёвр. Я прошу прощения, но это часть собеседования. С какими техниками воздействия вы знакомы?

— Я не владею никакими техниками, но умею распознавать, как вы говорите, «воздействие», — удивился я такому повороту событий. — Не обучался специально, просто общался со специалистами и получил небольшой опыт. Не ожидал ничего такого, вот и отреагировал остро, больше подсознательно.

— Хорошо, будьте спокойны, больше я не буду — без крайней необходимости — применять к вам технику. Это была лишь проверка, идём дальше, если вы не против.

Беседа вернулась в прежнее непринуждённое русло, но оговорку про «крайнюю необходимость» я запомнил. Со слов собеседника выходило, что работать меня приглашают в крупную международную некоммерческую организацию, миссией которой являются поиск, сбор и хранение всего того хорошего и полезного, что создал человек за свою многотысячелетнюю историю. Моя же функция во всём этом — выезд к потенциально ценному объекту, сбор данных о нём и передача информации и своих личных выводов руководству. Гипотетически командировки могут быть в любую точку мира, но скорее всего, не

дальше евразийского континента, поскольку филиалы фонда расположены в разных странах и каждый мониторит свою территорию. Прежде чем приступить к работе, необходимо будет пройти обучение длительностью в два-три месяца.

— И если у вас вдруг возник вопрос о занятости и оплате труда, — резюмировал Лавров, — то скажу, что оплата будет высокой. То есть такой, что голова будет занята только делом либо отдыхом, но не планированием бюджета. А график предполагается, конечно, ненормированный, в основном из-за поездок. Но по завершении каждого задания вы сможете отдыхать достаточное количество времени. Да, и постоянное нахождение в офисе тоже не требуется.

Закончив, профессор откинулся в кресле, взял со стола устройство, похожее на коммуникатор, и бегло изучив содержимое экрана, снова испытующе посмотрел на меня. Похоже, он ждал от меня решение прямо сейчас.

— Это очень интересное предложение, — только и сумел выдать я, — но всё равно я не понимаю многих деталей работы и не могу дать вам ответ сразу.

— Сергей, — Лавров снова придвинулся к столу и продолжил мягким тоном, — вам может показаться, что я оказываю давление, и отчасти это так. Но тому есть причины. У нас крайне мало времени на реализацию задач, под которые мы набираем людей. И если вы после долгих раздумий не согласитесь, то мне придётся вычеркнуть это время, которое я мог бы потратить на работу с другим кандидатом. Поверьте, я предлагаю вам уникальнейший шанс не только заняться делом, пользу и престиж которого переоценить нельзя, но и освоить принципиально новые знания и навыки. То, что данная возможность предоставляется вам так просто, на блюдце, а не зарабатывается потом и кровью, обусловлено в основном спешкой. Но я надеюсь, что вы достойно распорядитесь этой находкой и не спустите её бессмысленно, как случайный выигрыш. Ваше решение, пусть оно и непростое, нужно мне сейчас. Скажу только, что вы не пожалеете, если согласитесь.

— Можно банальный вопрос? Почему именно я?

— Что ж, отвечу, — профессор улыбнулся. — Вы видели меня, может, пару раз, и я удивлён, что запомнили. Но вот я слежу за вами в числе других претендентов ещё со времён университета, и в этом нет

ничего предосудительного. Ведь крупные компании забирают перспективных специалистов прямо со студенческой скамьи. Только при нашей специфике нужны особые качества.

— Что за качества, если не секрет?

— Как я упомянул, мы выбираем людей широкого и гибкого ума, способных осознать и принять мир таким, каков он есть на самом деле. Такими качествами, как мне кажется, вы и обладаете. Мои объяснения могут показаться довольно абстрактными, но более предметно я пока не могу с вами говорить. Итак, вы с нами, Сергей?

С этими словами Лавров снова откинулся на спинку кресла и как будто отгородился от меня сомкнутыми в замок на груди пальцами — давая хоть какое-то время на принятие решения. И я только сейчас всерьёз почувствовал, что решение это действительно краеугольное. Либо я с чувством потерянной возможности вернусь к прежним жизни, либо возьму на себя ответственность и буду обязан реализовывать эту возможность до конца, во что бы то ни стало. И точка невозврата — это моё следующее слово, которое, дав однажды, я уже не смогу нарушить. Ладони вспотели, внутри всё сжалось, и я произнёс как можно отчётливее: «Я согласен».

4. Не очень томительное ожидание

Дома я был около трёх. Неплохо для делового дня с двумя встречами. Только обратный путь — от набережной Мойки — я проделал на полном автомате. Когда я покинул викторианский вестибюль офиса фонда, количество мыслительных нитей в мозгу уже переваливало за десяток, и в конечном счёте все они слились в серый шум, который надёжно изолировал меня от окружающей среды. То есть домой моё бренное тело привели подсознание и рефлексы. Единственным пунктом, где пришлось отклониться от маршрута, стал продуктовый магазин, там я закупил, не глядя, вечерний холостяцкий комплект еды. Я недели три не употреблял полуфабрикатов, и вот потянуло на что-то эдакое — первый признак морального перенапряжения, которое я всегда сбрасывал либо физическими нагрузками, либо вот так, поедая нечто сомнительное, но вкусное и питательное.

Всю дорогу пытался понять, на что же я подписался в кабинете академика Лаврова. Некоторые сомнения вызывало ещё и то, что как только я согласился, встреча довольно быстро свернулась. Профессор отправил меня восвояси, взяв обещание не распространяться о разговоре и заверив, что позвонит в течение недели.

Небо плотно заволокло тучами, а накрапывавший то и дело мелкий дождь промочил волосы и пиджак насквозь. Наконец, я закрыл изнутри дверь своей квартиры, уют которой успокаивал и ощущался особенно выразительно на контрасте с испортившейся погодой. Глубинное чувство тревоги отступило. Включил пару светильников, так как в комнатах царил неприятный полумрак, сбросил сырую одежду, затем минут двадцать, пока не засвистел чайник, отогревался в душе. Выйдя из ванной, облачился в тёплый домашний костюм и заварил травяной чай покрепче. С чайником и кружкой я вышел на лоджию и устроился за столиком. Пришлось полностью поднять жалюзи, чтобы рассмотреть пейзаж. Небо слилось серой гладью с заливом. В воздухе висела нетипичная для июня взвесь мелкого дождя. Плеснув заварки и добавив мёда, я осушил кружку залпом. По телу разлилось приятное тепло. Есть перехотелось.

Понаблюдав какое-то время за скользившими по стеклу каплями, я не нашёл ничего лучше, чем отправиться в комнату и, развалившись на диване, включить телевизор. Сейчас подойдёт любой канал, где нет назойливой рекламы и анонсов. По «Культуре» транслировали итальянскую оперу на языке оригинала, и я не заметил, как провалился в глубокий и безмятежный сон.

Проспал, по ощущениям, всего ничего. В комнате царил тот же полумрак, телевизор шелестел голосами ведущих телепередачи, а из затемнённой глубины комнаты на меня смотрели два жёлтых светящихся глаза. Стало немного не по себе, хотя то были всего лишь пара светодиодов на блоке охранной сигнализации, которые неудачно отражались в зеркале стенного шкафа. Давно хотел заклеить чем-нибудь эти огоньки, но так руки и не дошли.

Не без труда рассмотрел положение стрелок на настенных часах. Понял, что проспал часов семь, не меньше. А неугомонное июньское солнце продолжало бодрствовать даже за плотной завесой туч. Тут-то голод меня и настиг. В следующие пять минут я смёл из холодильника без разбору всё, что было готово к употреблению, запив холодным травяным чаем.

Послонявшись немного по квартире, я поставил пластинку «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады 50-х — 60х» и расположился за рабочим столом. Из динамиков полился тихий, но чистый и глубокий звук. Через минуту запылившийся лэптоп готов был утолить мой уже информационный голод.

Прежде всего проверил, как там в Денвере. В ключевых отечественных СМИ, обычно падких на подобные сенсации, новость не афишировали. Кое-какие данные вращались в интернете: «Число погибших и пропавших без вести приближается к десяткам сотен; департаменты полиции и отделения Национальной гвардии спешно комплектуются новыми видами вооружений и спецсредств; ключевые объекты взяты под особый контроль». Нечто подобное можно было наблюдать в сентябре 2001 года. Странно, очень странно и жутко.

Оставив список новостей до поры, решил поинтересоваться насущным. Меня так ошеломило предложение Лаврова, что я даже не удосужился запомнить точное название организации, в которую трудоустроился, и теперь судорожно формулировал запрос к поисковой системе. Помню, что речь точно шла о некоем фонде по «охране», нет

— по «сохранению» культурного наследия цивилизации. Введя запрос в различных интерпретациях, я получил множество ссылок на всевозможные фонды, ни у одного из которых не было филиалов по данному адресу.

Оценив сложность задачи, я решил обратиться к старому проверенному методу поиска в интернете, который заключался в использовании собственного приложения, разработанного совместно с моим университетским приятелем. Витя, так его звали, работал в страховой аналитике, а я в инвестиционной, и приложение очень помогало нам в сложном интернет-поиске. Нужно было ввести запрос в программу один раз, чтобы получить результаты от сорока поисковых баз по всему миру. Приложение переводило запросы и их результаты на разные языки и обратно, а также умело выделять наиболее релевантные страницы по их информационной ценности, а не по рейтингу веб-сайта.

Приложение загрузилось и показало сохранённые данные с момента последнего использования. А было это чуть не полгода назад, когда у меня гостил другой однокурсник — Гоша Мелихов из Ростова-на-Дону, который испытывал чудо-программу. Гоша, абсолютно в своём репертуаре, не смог выдумать более сумасшедшего поискового запроса, чем «девки оптом в москве», введя который, он потешался и был горд своим остроумием. После чего быстро потерял интерес к приложению. И теперь, спустя шесть месяцев, я наблюдал довольно противоречивые результаты в своём лэптопе.

Вспомнив о хорошем приятеле и постановив связаться с ним в ближайшее время, я очистил непристойные результаты поиска. Отправил наконец свой запрос. И программа принялась подгружать во встроенный браузер блоки с ответами. Многие из этих результатов я уже видел ранее, но вдруг на первую страницу загрузился блок, помеченный приложением как стопроцентное соответствие запросу. Я, не вчитываясь в текст и заголовок блока, сразу перешёл по ссылке.

То, что произошло дальше, окончательно выбило меня из колеи. По ссылке открылась белая страница, на которой в центре, крупным шрифтом было набрано сообщение: «Сергей! Успокойтесь, пожалуйста, и займитесь чем-нибудь приятным. Вы получите ответы на все свои вопросы. Привет от Льва Борисовича». В адресной строке вместо привычного доменного имени значился простой ip-адрес.

Острое ощущение сюрреалистичности происходящего вновь захлестнуло меня. Чисто машинально я проверил адрес по базе интернет-адресов, получив ничего не значащую информацию о том, что он зарегистрирован где-то в Нидерландах в числе сотен таких же адресов из одного пула.

Я откинулся на спинку кресла и потёр глаза. Сумерки сгущались, я сидел, освещённый только голубоватым светом экрана, проигрыватель тихонько пел голосом Мари Лафоре. Во что же я вляпался? Да, я согласился на работу, но если за организацией стоит что-то незаконное, то я вполне могу отказаться, ведь принимал другие условия. Так я постарался успокоить себя. Всё равно если Профессор (как я уже стал для себя называть доктора философских наук академика Лаврова) влез в мой компьютер и, возможно, в мои мозги, то я сижу на крючке. И лишние движения в этом состоянии только ухудшат положение. Кроме того, интуиция, к которой я привык прислушиваться, сейчас ничего плохого не сулила. Всё же я закрыл ноутбук, отправив его в сон, и достал планшетный компьютер.

Я не придумал, чем себя занять, будучи выспавшимся на ночь глядя. Поэтому решил опять пробежаться по новостным порталам и заглянуть в социальные сети. Ничего нового в информационных лентах я не обнаружил, кроме того, что в нескольких густонаселённых городах на северо-востоке Китая был объявлен карантин из-за острой лёгочной инфекции, которой СМИ ещё не успели придумать страшного и броского названия. Далее я отправился ворошить социальные аккаунты и удивился, найдя среди прочих пару сообщений от Гоши. Тот спрашивал, не собираюсь ли я на встречу выпускников, которая состоится девятнадцатого июня. Я ответил, что ни о какой встрече не знаю и, соответственно, не собираюсь.

Отправился было дальше бродить по просторам интернета, но тут пришло сообщение от Гоши. Видимо, пользуется мобильным приложением, раз так быстро отреагировал.

«Здорово, культурная столица. Ты что, не получал сообщения от Танюхи старосты? Все собираются девятнадцатого. Это через два дня», — написал он.

«Ты прекрасно знаешь, где я видал эти сборы. Нечего там делать. С тобой и Витькой я и так могу встретиться. И почему, кстати,

устраивают в июне? Обычно же в феврале», — выразил я отношение к данной идее.

«Да я тоже не особо туда рвусь обычно. Но вот поругался со своей и со злости купил билет. Прилетаю, встречай. Смирись со своей холостяцкой долей. А собираться решили в июне, потому как белые ночи и всё такое. Собственно, для таких, как я, иногородних. Зимой ведь никто не приезжает, делать там у вас нечего».

Я не стал расспрашивать о подробностях ссоры приятеля с женой, так как для них это дело обычное. Милые бранятся — только тешатся. Девушка — осетинка, редкой красоты, темперамент горячий. Знал, кого в жёны берёт. Я уточнил только время прилёта, чтобы встретить в «Пулково». Приезд Гоши, пусть даже на несколько дней, для меня очень хороший вариант. В его компании я быстро развеюсь.

После общения и прогулок по сети я часа три-четыре упорно засыпал под фантастический сериал. В итоге заснул, снова на диване.

***

Встал поздно, около одиннадцати. Спал крепко, но, видимо, неудобно, потому что мышцы шеи неприятно тянуло. Хорошо, что не простыл после прогулки под дождём. Проверил мобильный телефон — пусто. Потянулся и выглянул в окно, погода не сильно улучшилась. Хоть солнце и пробивалось немного сквозь тучи, всё равно общее настроение было пасмурным. Но как по мне, такая погода вполне ничего. Хуже, когда летом неделю на небе ни облачка, а продолжительность светового дня приближается к двадцати часам. Вот тогда-то и начинаешь мучиться бессонницей и повсюду держаться затенённых мест.

Посмотрел на улицу, а там бурлила суета, несмотря на погоду. Люди, машины сновали туда-сюда, даже на моём отшибе. Я же пока был свободен, сидел в тепле и уюте. Хоть за мемуары берись. Свободен я был именно что «пока», и поэтому киснуть дома в ближайшие дни было категорически не круто. Решил посетить торговый центр, дабы пополнить гардероб к встрече выпускников. Никогда не страдал страстью к покупкам, но заглянув сегодня утром в свой шкаф с одеждой, вынужден был признать, что многолетняя работа в офисе наложила на его содержимое определённый скучный отпечаток.

Прикупил модной, по заверениям продавцов, одежды, бесцельно побродил по магазинам с электроникой, заглянул в охотничье-рыболовный. Присмотрел отцу комплект снаряжения, с которым в его положении было бы удобно отдыхать на природе. На охоту мы вряд ли выберемся, но вот рыбалку нужно непременно организовать.

Домой попал только вечером. Решил больше не мучиться мыслями о предстоящей миссии в фонде Лаврова, однако вспомнив крайне странный случай с онлайн-приветом от Профессора, всё же заклеил изолентой камеры на компьютере, телефоне и планшете. Спать наконец-то отправился на большую кровать, предварительно опустив светонепроницаемые шторы.

Утром меня разбудило сообщение, пришедшее на телефон. Интернет-банк уведомил о поступлении денег. Видимо, «Горизонт» перевёл какие-то остатки зарплаты.

Проснувшись окончательно, я позвонил и вызвал приходящую горничную, а сам отправился за продовольствием, чтобы не упасть в грязь лицом перед Гошей из-за пустого холодильника. Когда же я вернулся, квартира сияла первозданным блеском, и я мог спокойно бездельничать и готовиться к завтрашнему дню.

Решив праздно провести вечер, я пропустил довольно важную, как оказалось впоследствии, новость — сообщение о штормовом предупреждении.

5. Они уже здесь

Утром девятнадцатого июня немного распогодилось, стало выглядывать солнце, заметно потеплело. Я поднялся рано и решил устроить пробежку. Песок мягко принимал стопы, когда я лёгкой трусцой бежал вдоль берега. Передвигаться было комфортно. Вкупе с хорошими кроссовками бег по песчаному пляжу снижает негативное воздействие на суставы, а нагрузка на мышцы возрастает. То тут, то там виднелись собачники, уныло бродившие в компании своих четвероногих друзей. Деловито шумела строительная техника, трудившаяся над опорами будущей эпической развязки. Как-то быстро утренняя прохлада сменилась влажной духотой, солнце стало отчаянно разогревать и высушивать песок и асфальт. Я повернул в сторону дома.

Закончив утренний моцион, я принял контрастный душ, а после удобно устроился на диване с молочным завтраком и включил телевизор. Я стараюсь не принимать пищу параллельно с просмотром телепередач, но люблю это и иногда даю слабину.

Телевизор подловато включился на новостях: ничего нового — то же дерьмо, только день другой. А за кулисами разворачиваются незаметные, но глобальные процессы. Новый экономический завет трещит по швам, пылают войны, идёт передел стран и континентов. В такие моменты понимаешь, насколько в действительности циклична история: хорошие времена рождают слабых людей, что приводит к плохим временам, рождающим сильных людей, создающих хорошие времена. Спорное высказывание, но можно констатировать точно: хорошим временам приходит конец. Однако пока кризис не вырвался на свободу и не начал подминать под себя миллионы людей, его стараются не замечать. Авось обойдётся. И вот я поймал себя на том, что в попытке оградиться от истеричных средств массовой информации тоже закрываюсь от осознания надвигающейся катастрофы.

Дабы исправить ситуацию, решил позвонить тому самому приятелю Вите Кононову, который обретался ныне в центральном управлении крупного банка. На удивление, он не ответил сразу, но уже через пять минут раздался ответный звонок.

— Привет. Как дела, ты чего звонил? — послышался в трубке голос Витьки.

— Привет. Дела нормально. Вот решил узнать, как у тебя. Наверное, занят на работе?

— На работе? — усмехнулся приятель. — Я уже месяц как безработный. Выперли с жалкими отступными.

— Я тоже уволился из «Горизонта», — выдавил я после некоторой паузы, просто не зная, что сказать.

Я был уверен, что Витя — последний специалист, которого уволили бы из компании. Ещё в университете он хорошо тащил в математике, программировании и других профильных дисциплинах. Как аналитик он поднялся на голову выше меня и многих однокурсников.

— А ты-то чего сорвался с места — или тоже «попросили»? — поинтересовался он.

— Предложили новую работу, — слукавил я. — Всё как-то стрёмно и нестабильно на нашей кухне. У тебя нет соображений на этот счёт, что вообще происходит?

— У меня соображение такое, что если я вскоре не найду работу и задержу выплаты по ипотеке, то меня выселят из квартиры и поедем мы всей семьёй жить к родителям, — невесело констатировал Витя.

Больше ничего существенного от товарища я не добился, по всему выходило, что личные проблемы полностью захватили его внимание. Я только пообещал помочь в поиске работы и узнать о вакансиях в своей бывшей компании. Даже позабыл поинтересоваться о его решении насчёт предстоящей встречи выпускников, перед тем как мы попрощались.

Тем временем дело шло к обеду. Гоша позвонил и сообщил, что вылетает из Ростова-на-Дону. После семнадцати часов он уже должен был прибыть в «Пулково». Я решил не тратить время зря, а уделить внимание своему автомобилю. Около двух недель мой старичок Nissan X-Trail стоял без дела, под открытым небом двора. Пыль и песок оседали на кузов, а мелкий дождь превратил это покрытие в серый неприглядный панцирь. Однозначно на мойку.

Уже через пятнадцать минут я прибыл на довольно приличную автомойку неподалёку от дома. Очереди не было. Более того, один из боксов стоял пустой. Я понял причину отсутствия клиентов сразу, как

только вышел из машины. С северо-запада на город надвигалась зловещая и бескрайняя грозовая туча. Стоило свериться с прогнозом погоды ещё утром, но в последние годы метеорологи бесстыдно врали, и я утратил привычку следить их предсказаниями. В любом случае мне этот ливень погоды не сделал бы — даже машину бы не отмыл. Я жестом уточнил, можно ли загонять автомобиль, и молодой парень кивком пригласил заезжать. При этом он покосился на стремительно чернеющее за моей спиной небо. Здесь, на берегу, ещё вовсю светило солнце, но в нескольких километрах от нас, над заливом перемещался огромный грозовой фронт. Вспышки молний то и дело озаряли тьму, раскаты грома слышались уже вполне отчётливо. И когда я садился назад в автомобиль, мне пришлось с усилием закрывать дверь, борясь с налетевшим ветром.

Обычно в ожидании машины я прогуливался на свежем воздухе, но сейчас не успел сделать и двух шагов, как новый порыв бросил мне в лицо первые крупные капли дождя вперемешку с песком. Решив не испытывать судьбу, я укрылся в комнате ожидания, где находились несколько других автолюбителей, решивших помыться перед дождём. Двое из них прильнули к окну, что-то живо обсуждая. «Говорю тебе, там смерч, смотри правее», — один из мужчин указал куда-то в тёмно-серую пелену над водой. Заинтересовавшись, двое других вскочили с дивана. Я тоже усиленно всматривался во мглу сквозь стеклянную дверь.

То, что на город шла не обычная гроза, стало понятно буквально через несколько минут. Видимость упала до десяти метров, по улице неслись листья, ветки и охапки различного мусора. Что-то большое пролетело в метре от окна. Я понял, что это сорвало одну из штор, которыми мойщики пытались прикрыть ворота боксов. Я посмотрел в их сторону, прижавшись к стеклу. Как там дела у моего автомобиля, я не мог видеть — выглянуть из двери не представлялось возможным. Ветер гудел, как двигатели реактивного самолёта, а хлипкое здание мойки раскачивалось и скрипело. Я интуитивно прижал низ двери ботинком и упёрся рукой в её ручку, опасаясь, что ураган сейчас ворвётся внутрь. Проезжая часть скоро скрылась за пеленой ливня, и лишь фары редких автомобилей да вспышки молний прорывали тьму. Но это было только начало.

Дождь и так сильно бил по односкатной крыше из тонкого металлического профиля, а тут к дикой какофонии примешались звонкие и частые удары. Град. И я увидел, как тротуар перед входом начинает покрываться белым ковром из многочисленных ледяных шариков. Сначала они немного шумели, ударяя по стёклам и отливу, а затем раздался оглушительный грохот, как будто небеса обрушились на моё ненадёжное убежище. По затемнённым окнам побежали белые трещины. Мужчины у окна что-то выкрикивали буквально в метре от меня, но я ничего не мог разобрать: видел только ужас во взгляде. Уверен, на моём лице тоже мелькнул страх перед неистовой силой стихии за секунду до того, как погас свет.

***

Первым делом после того, как ветер и дождь стихли и мы выбрались на улицу, я осмотрел свой автомобиль. Ни царапины. Помыть, конечно, не успели, но сохранили в целости. Благодаря слаженным действиям ребят-мойщиков, которые быстро сориентировались и опустили роллеты на всех боксах, ни одна из находившихся там машин не пострадала. Высвободили нас из комнаты ожидания тоже они, высадив треснувшие стёкла заклинившей входной двери, раму которой перекосило вместе со зданием мойки. Нам повезло, что окна были покрыты плотной тонировочной плёнкой и осколки не разлетелись под ударами огромных градин. Куски льда до сих пор лежали на асфальте, мои товарищи по несчастью снимали самые крупные из них на камеры мобильных телефонов. Я не раздумывая достал из бумажника крупную купюру и отдал молодому кавказцу, который буквально спас мою машину. Ни о какой мойке речь уже не шла — и по техническим, и по этическим соображениям. Я просто аккуратно выгнал машину из накренившегося здания и медленно поехал прочь.

На проезжей части тут и там стояли, мигая аварийкой, искалеченные автомобили. Их хозяева бродили в растерянности вокруг, изучая повреждения. Не лучше выглядела и местная растительность: деревья и кустарники в разной степени лишились листьев и ветвей. Улицу везде, куда ни глянь, покрывали мусор и обломки. Некоторые биллборды валялись плашмя, а другие опасно накренились. Сквозь приоткрытое окно я отчётливо слышал множественные сирены спецтранспорта. По тротуару, размахивая

руками и крича, бежала насквозь промокшая пожилая женщина, высокая, прилично одетая, но с алыми потёками на прядях седых волос. Я хотел было остановиться и предложить помощь, но женщина, сверкая безумным взглядом, быстро удалилась. Я лишь расслышал обрывки её стенаний: «Идиоты, вы что, ослепли?! Они там, они спустились с грозой!..» Дождь снова усилился.

***

Только спустя полтора часа мне удалось вырваться из задыхавшегося в пробках города на Западный скоростной диаметр. После происшествия я, конечно, заехал домой, дабы удостовериться в целости окон, но всё было в порядке. Проезжая через центр, отметил, что стихия пощадила город — ураган прошёл по касательной. Серьёзно досталось лишь прибрежной части моего района, однако и этого было достаточно для введения режима ЧС.

Движение по шоссе было плотным. Всю дорогу я безуспешно пытался дозвониться родителям, предполагая, что новостные каналы уже передают шокирующие подробности недавних событий. Нужно было успокоить мать с отцом, прежде чем они узнают об этом, но как назло, вызов не проходил.

Как только я съехал на кольцевую автодорогу, телефон принял сообщение. Гоша пытался дозвониться — видимо, уже из Москвы. Я вызвал его в ответ. Узнав, что приятель сидит в «Шереметьево», а «Пулково» пока не принимает из-за погоды, я сразу после разговора с ним позвонил родным. На этот раз звонок пробился, и как это часто бывает, трубку взяла мама. К счастью, до них ещё не дошли известия о стихии, и я спокойно рассказал о событиях, заверив, что со мной и моим имуществом полный порядок. Пообещал скоро приехать и попрощался.

С Гошей договорились, что я дождусь его прилёта вблизи аэропорта, так как других вариантов всё равно не было. Так и сделал. Добрался до ближайшей к «Пулково» бесплатной парковки, выбрал место с наиболее приятным видом и принялся ждать. Чтобы время проходило приятно, откинул спинку кресла, устроился в нём поудобнее, включил музыку. Потом музыку выключил. Дождь так успокаивающе шумел, что никаких других звуков было не нужно. Вода заливала стёкла снаружи, а изнутри они запотели. И так, полулёжа, я сам не заметил, как задремал.

Проснулся от резкого стука в окно прямо у меня под ухом. Немного пришёл в себя и приопустил стекло. В щель заглянуло морщинистое серое лицо с опухшими красными глазами, затенёнными капюшоном дождевика.

— Что нужно?! — спросил я с раздражением, вызванным внезапной побудкой.

— Это временная стоянка для машин с водителем, — просипел субъект.

— Ну так я водитель! Стою, жду прилёта! Временно!

Я закрыл окно, чувствуя, что распаляюсь на ровном месте. Странный мужик, чей силуэт чёрным пятном вырисовывался за запотевшим стеклом, немного постоял и пропал. Значит, в аэропорту есть и такая должность, заключающаяся в хождении по окрестным парковкам и проверке автомобилей. Понятно тогда, откуда такие дикие сервисные сборы. Может, конечно, это банальные мошенники: собирают деньги на бесплатной парковке или шерстят пустые автомобили. Или… очередной сумасшедший.

Перед глазами стояла та женщина с разбитой головой, ужас и безумие в её глазах. Похоже, она мне только что снилась. Что могло так напугать взрослого человека средь бела дня? Из сумрачных мыслей меня вырвал переливчатый звонок телефона. Звонил Гоша. Я бросил взгляд на немного прояснившееся небо и ответил.

— Слушай, тут такое дело, — начал Гоша, — позвонила жена, вся в соплях, извинялась. Плохо ей. А тут, как назло, задержка. Вылет до сих пор не объявили.

— И что ты надумал? — я поник, уже понимая, к чему клонит приятель.

— Знаешь, не могу я так. Как камень на душе. Полечу обратно. Ты извини. Я потом реабилитируюсь.

— Что ж, обратно так обратно, — сказал я. — Только сообщи, как вернёшься.

В этом весь Гоша Мелихов: заварит кашу, а ты расхлёбывай. Я уже настроился на его приезд, предвкушая нескучное времяпровождение, и тут на тебе. Оказывается, нужно было слетать за тысячу километров, чтобы помириться с женой. А я остался один, под дождём, на окраине побитого ураганом города.

6. Мальвина

Дабы не погружаться в меланхолию, решил попробовать вернуться в город до наступления вечернего транспортного коллапса. Разогнался до ста по шоссе, настроение поднялось, но быстро сбросил скорость из-за неважной видимости и плотного потока. В город я возвращался по Московскому проспекту. Вездесущие мотоциклисты, поодиночке и парами, рискованно маневрировали среди автомобилей так, что дух захватывало. Эти ребята окажутся дома явно раньше меня. Подумав об этом, образно сплюнул через левое плечо по студенческой привычке, дабы не сглазить.

Между тем движение замедлялось, пока в районе Московского парка Победы все полосы не остановились окончательно. Автомобили дёргались, выигрывая у пробки по метру, но скорость была такой, что пешеходы без труда обгоняли нас и скрывались в туманной дали. И тут вдруг нахлынуло довольно редкое для меня чувство скуки и неопределённости. Я отчётливо представил, как приеду в пустую квартиру, угрюмо поужинаю и усядусь перед телевизором или компьютером, коротая часы до сна. А небо продолжит свой плач, и Гоша встретится с любимой, вместо того чтобы открыть очередную бутылочку пива на моей кухне и взяться травить пошлые ростовские анекдоты. Я медленно и неотвратимо начинал себя жалеть, пока в конце концов не счёл подобное недопустимым для абсолютно свободного мужчины в полном расцвете сил.

Как ни странно, возможность пойти на встречу выпускников я теперь не рассматривал в принципе, сомневаясь, что она вообще состоится из-за недавнего разгула стихии. Однако накатившая тоска заставила потянуться к телефону. Из всех однокурсников в списке контактов у меня были только Гоша и Витя; первый легкомысленно самоустранился, а на номер второго только что улетел мой вызов. Витя ответил на удивление быстро.

— Вообще-то я не собирался с тобой разговаривать, — безо всяких приветствий начал он, — но у меня есть пара минут, так что излагай.

— Какая муха тебя укусила? — не понял я, шутит приятель или нет.

— Та же самая муха, что сообщила мне о сборе группы и о приезде Мелихова, — ответил Витя без единой нотки в голосе, по которой можно было бы понять, насколько он серьёзен.

— Да я сам узнал недавно. Гоша, как обычно, взбаламутил в последний момент. И вот тебя набрал, как только всё разрешилось, — я попробовал оправдаться так, чтобы это не звучало как оправдание.

— Да ладно, шучу. Знаю же, что ты не ходишь на эти встречи, — сменил тон Витя. — Но с Гошей-то вы пойдёте? И не говори, что он впишется не у тебя, — этот жлоб никогда не раскошелится даже на хостел.

— Гоши не будет, их рейс задержали в Москве из-за погоды, и он улетел обратно.

— Что за чушь?! Недавно передали, что «Пулково» работает по фактической погоде.

— Он застрял в Москве, а потом улетел обратно… по семейным обстоятельствам, — сообщил я, не вдаваясь в подробности. — Возвращаюсь ни с чем.

Витя, видимо, тоже поначалу обрадовался, узнав о приезде Гоши. При всех недостатках, у того были и неоспоримые достоинства: доброе простодушие и неуёмный оптимизм. Любое общение с ним снимало стресс как рукой. Любые проблемы для него — пустяки, кроме семейных, как выяснилось. Но всё равно он был, есть и будет душой нашей довольно странной компании. Поэтому Витя, как и я, заметно огорчился, узнав о сорвавшемся приезде приятеля.

Несмотря на разочарование, мы с Витей всё же решили отправиться на мероприятие. Тем более что встреча не отменилась и явка предполагалась довольно высокая. Меня устроил намеченный сценарий, и уныние мгновенно растворилось в вечернем питерском воздухе.

В такую минуту, по законам жанра, мне стоило бы вдавить педаль газа, развернуть автомобиль на сто восемьдесят градусов, подняв синий дым сгоревшей резины, и умчаться вдаль навстречу приключениям. Но увы, я уже минут тридцать стоял в мёртвом заторе без особой надежды на скорое высвобожденье. Самые отчаянные из торопящихся водителей умудрялись выезжать на трамвайные пути и

двигаться по ним. Сначала проскочил один такой индивидуум на тонированном «в ноль» Porsche, и уже через минуту его примеру последовали другие одарённые водители, очевидно, с мыслью: «А чем я хуже?» Я постарался терпеливо отнестись к такому проявлению нетерпения, тем более что настроение сменилось с минуса на плюс. Включил радио и поймал новостную волну. Девушка-диктор щебетала о последних событиях, картина которых уже набивала оскомину: экономический спад, конфронтации в политической сфере, пикеты и митинги в крупных городах, эксперты предвещают новый виток холодной войны (словосочетания, которые я бы с удовольствием удалил из своей памяти навсегда)… и под конец блока: «По последним данным, город наполнили многокилометровые пробки. Бригады МЧС и коммунальных служб устраняют последствия стихии в усиленном режиме».

Новостей пока хватило, переключил магнитолу на проигрывание собственной музыкальной коллекции. Тем временем поток подполз к железнодорожному мосту, пересекавшему проспект поперёк. Здесь открылась причина всего затора: под мостом стоял трамвай, причём, как оказалось, уже не первый на проспекте. Видимо, линия обесточилась ещё в грозу. Этим объяснялось и большое количество прохожих. Сразу за стоящим трамваем произошла авария: два внедорожника столкнулись, практически лоб в лоб, на линии общественного транспорта. От удара их отбросило на ближайшие автомобили, что повлекло почти полное перекрытие проезжей части. Объехать место происшествия удавалось только по тротуарам, а учитывая количество пешеходов в час пик, процесс протекал пугающе медленно. Дождавшись своей очереди, я протиснулся между пострадавшими автомобилями и каменной опорой моста. На выезде из ловушки многие водители выкрикивали различные оскорбления в адрес виновников происшествия. Я не стал им уподобляться, а воспользовавшись неожиданно свободной дорогой, разогнался до невероятных шестидесяти километров в час. Объективно оценив дорожную обстановку, я передумал заезжать домой и направился сразу к месту встречи. Благо формат выбранного кем-то добрым заведения не претендовал на светскость и я никого не смог бы шокировать своим нарядом лесоруба.

На Московских воротах и дальше автомобили снова сбились в кучу, и я недолго думая ушёл вправо, на Лиговку. Ещё до того, как я припарковался недалеко от бара на Марата, мы созвонились с Витей, он сообщил, что тоже подъезжает к месту.

Рукопожатие у приятеля всё то же — крепкое и уверенное; правда, былого превосходства во взгляде поубавилось. Именно эта лёгкая надменность отталкивала меня и не давала нам сдружиться по-настоящему. Хотя часто мне казалось, что Витя в принципе отрицает такое понятие, как дружба. Мы с Гошей стали тесно общаться, поскольку как у соседей по комнате в студенческой общаге у нас не было другого выхода. А вот что Витя нашёл в нашем дуэте, я всегда мог лишь догадываться. Возможно, его привлекли балагурство и безрассудство Гоши, но напрямую общаться с подобным субъектом не позволял статус, я же как более степенный персонаж позволил компании сложиться. Правда, Витя ничуть не стеснялся называть Гошу деревенщиной, на что тот ни капли не обижался и в ответ определял Витю как вшивого интеллигентишку. Я же всегда соблюдал нейтралитет и стоически выдерживал причуды обоих. Вот и сейчас мы встретились довольно тепло.

Мы прибыли раньше на полчаса, и администратор сообщила, что заказанный стол пока не готов. Тогда мы с удовольствием разместились у длинной барной стойки. Я взял бокал безалкогольного пива, а приятель, сказав, что абсолютно не употребляет спиртное, заказал свежевыжатый сок. Мы немного посидели, уставившись на бармена, а потом я, не зная, с чего начать беседу, поведал о своём утреннем приключении. После обсуждения этой истории и прочих климатических, политических, экономических аномалий разговор сам собой скатился к теме потерянной работы.

— Зря ты связался с этим элитным жилым комплексом, — вскрыл я, как казалось, источник всех бед. — Взял бы обычную квартиру — уже бы выплатил, а не выплатил бы, так занял бы немного у родителей и закрыл кредит.

— С отцом у нас всё сложно, да и у него самого теперь проблемы: многое было завязано на импорте. Короче, денег он не даст, а мама не владеет финансами. Никто из родственников не раскошелится без гарантий отца. Все готовы скупать хоть туалетную бумагу вагонами,

лишь бы деньги не висели в воздухе. Нужно выкручиваться самому. Ты лучше скажи, что там в твоём «Горизонте»?

— Честно говоря, я ещё не общался с ними по поводу тебя, — признался я, и в этот момент меня озарила идея: — Хотя знаешь, есть хороший шанс. Дело в том, что мой бывший шеф — ну, тот самый Дубской, который похож на Остина Пауэрса, — однажды увидел нашего с тобой поискового «паука» и с тех пор не спит спокойно в надежде заполучить такого же. Я, конечно, так и не дал ему копию и потом узнал, что он поручал программистам найти или создать нечто подобное, но ничего не вышло. А теперь представь, что я предложу ему программу вместе с разработчиком. Думаю, это сработает. Только не надейся на прежние премии, а в остальном — не самый плохой вариант по теперешним временам.

Как бы то ни было, приятель оживился, и дальше беседа пошла более непринуждённо. Да и у меня часть груза упала с души, поскольку если в «Горизонте» идёт чистка кадров в пользу качества, то Витя, с несколько усечёнными амбициями, им гарантированно подойдёт.

За разговором мы не заметили, как минутная стрелка сделала пол-оборота и в дальнем углу зала стала собираться колоритная группа знакомых. Мы рассчитались с барменом и влились в компанию. До сего дня я почему-то избегал подобных встреч, но признаюсь, теперь мне было приятно увидеть многих из пришедших. А людей собралось немало. Каким-то чудом прибыли и наши иногородние однокурсники — все, кроме Гоши. Как выяснилось, секрет успеха мероприятия заключался в его спонтанной и быстрой организации. Кстати, самого инициатора — нашей старосты Татьяны — видно не было. Не то чтобы многие жаждали её видеть, характер у девушки был не вполне приятный, просто нужно было компенсировать ей оплату брони, которую она внесла при заказе банкета. Одна из девушек сообщила, что, по её данным, Таня уже несколько месяцев проживает за границей и как она могла организовать встречу — непонятно. Никто особо не прислушался к этим словам, так как компания уже вовсю оживлённо галдела, разбившись на несколько групп по интересам. Даже трезвая голова не мешала и мне увлечённо общаться с уже ощутимо подгулявшими товарищами.

Я не заметил, как за столом появился ещё один весьма неоднозначный персонаж. Вернее сказать, появилась. К застолью присоединилась девушка Вика с необычной фамилией Малтис. Помню, за глаза мы, парни, называли её «Мальвиной». Прозвище это приклеилось к ней благодаря несколько кукольной внешности и скупой на эмоции манере держаться. Вика действительно невольно создавала впечатление о себе как о красивой глупой куколке, хотя таковой не являлась. Красота её была нетривиальна, и даже учитывая скромное число представительниц слабого пола на курсе, большинство парней не решалось завязывать с ней отношения. Мне же Вика всегда нравилась, но это так и не подтолкнуло меня сделать первый шаг. Всё ограничивалось редким общением, в процессе которого я убедился в наличии у Вики правильного женского ума и приятного характера.

Вот и сейчас, встретившись взглядами, мы тепло улыбнулись друг другу. Как показалось, она так же искренне обрадовалась встрече. Но толпа требовала жутких подробностей моего сегодняшнего приключения на автомойке, и мне пришлось отвлечься на общение в своём кругу. Витя со скучающей миной слушал историю по второму кругу, то и дело вставляя свои комментарии. Вечер продолжался, и, как по волшебству, из головы вылетела вся напряжённость. Мы сфотографировались и отправили Гоше снимок того, чего он лишился. Кажется, народ не беспокоился относительно завтрашнего рабочего дня — никто особо не ограничивал себя в выпивке, кроме нас с Витей.

То и дело небольшие группки отделялись и выбегали на улицу посплетничать и покурить. Я и сам, было дело, покуривал в юности. Но вот однажды, вроде как случайно, попал на табачное производство, и папа лично устроил мне экскурсию по цеху, в процессе рассказав и показав, из каких материалов и химикатов теперь изготавливаются сигареты. «Табачным» это производство можно было назвать лишь номинально. Проводил отец пропаганду вреда курения или нет, но с тех пор сигаретный дым я стал воспринимать по-другому, буквально чувствуя, как он оседает внутри. Не знаю, насколько шагнули вперёд табачные технологии сегодня, но родители утверждают, что популярная в конце XX века «американская сигаретная смесь», усиленная аммиаком, — это просто детские шалости по сравнению с современными химическими коктейлями. В общем, спустя пару месяцев после той экскурсии я бросил курить, но не позабыл

приятных тактильных и эмоциональных ощущений, которые даёт выкуренная под настроение сигаретка. Поэтому я отказался от сигарет, но не от табака — настоящего благородного табака, забитого в трубку либо собственноручно скрученного в душистую самокрутку. Однако такое курение представляет собой целую церемонию и суеты не предусматривает.

Людей в баре прибавилось, яблоко бы вряд ли свободно упало в этой толпе. Беспрерывно, как ужаленные, повсюду сновали официанты. Стало душно. Я решил выйти размяться и сменить обстановку. Дождь прекратился, небо просветлело, но на улицы опустилась не очень приятная, влажная дымка. Отчаявшись вдохнуть свежего воздуха, побрёл обратно, завернув по пути в туалет. Зайдя в мужскую уборную, я решил было, что ошибся дверью: там стояла Вика. Вид у неё был странный. Когда она успела так захмелеть?

— Привет. Ты что здесь делаешь? — задал я банальный до боли в зубах вопрос.

— Вот досада, я что, ошиблась дверью? — ответила она вопросом на вопрос, поправляя макияж.

Внутрь зашёл парень, окинул нас с Викой равнодушным взглядом и, как ни в чём не бывало, собрался делать то, за чем пришёл. Я мягко, но настойчиво взял девушку под руку и вывел из туалета. Та поддалась мне, и под тонкой тканью изящного чёрного платья с серой пелериной я почувствовал тепло её тела. Внезапно в мозгу пронеслась тактильная ассоциация с одним давним случаем: в посёлке, где жили родители, в гостях у знакомого фермера я держал на руках молодого кролика; зверёк представился мне круглым и пушистым, но когда поднял его, под пышной шерстью почувствовал щуплое тельце с бешено бьющимся внутри сердечком. Что-то подобное промелькнуло и сейчас. И Вика показалась мне хрупкой и беззащитной, но не как кролик, а скорее как горлица с перебитым крылом.

Алкогольное опьянение, а особенно у представительниц слабого пола, вполне можно определить как временное состояние крайней уязвимости, а здесь, по всему видно, алкоголь наложился на что-то ещё, явно негативное. Почему-то я вдруг обрадовался тому, что оказался в нужное время в нужном месте. Девушке нужна защита на то время, пока она плывёт по волнам внутреннего психологического шторма. И я абсолютно точно смогу обеспечить ей такую защиту.

В зале царила жуткая какофония — это компания молодых людей активно следила за ходом спортивного мероприятия. Да и без них хватало шума. Пиво текло рекой, с кухни тянуло запахом жареного мяса, кто-то втихаря покуривал вейпы, отчего под потолком собралось характерное сизое облачко. Я с трудом представил, что творится здесь во время «Алых парусов», которые, кстати, ожидаются буквально на днях. Свернул к выходу, и Вика безропотно последовала за мной. Мы вышли в белый, как молоко, питерский вечер.

— Это похищение? — лукаво поинтересовалась Вика, пристально глядя мне в глаза, словно выискивая что-то.

— Да. Только я не определился с мотивами, — прервал я обмен вопросами.

— Давай присядем и обсудим это, — показала она на заботливо застеленные глянцевыми журналами отливы окон заведения.

Мы устроились на не очень удобной, но вполне подходящей в нашем случае поверхности. Мимо сновали прохожие и автомобили.

— Твоя история про ураган стала темой вечера — усмехнулась Вика, завязывая разговор.

— Чудом выжил... А в какой ураган попала ты? — перешёл я к сути.

— Я?! — Вика инстинктивно поправила причёску, но потом, видимо, уловив смысл вопроса, ответила: — Ты прав, я напилась. Ты впервые за столько лет пришёл на сбор, и тут на тебе. Я правда так плохо выгляжу?

— Ты выглядишь прекрасно, но дело ведь не в алкоголе? Он только усиливает настроение.

Она сбросила псевдобеззаботную маску и отвела глаза, рассматривая вереницу пешеходов. Я решил сбавить натиск:

— Не обижайся, я не собираюсь копаться у тебя в голове, я не психолог. Помнишь, мы иногда болтали о всякой ерунде? Можем поговорить и сейчас. Столько лет прошло, а ты не изменилась.

Вика обернулась ко мне и одарила грустной, но непритворной улыбкой. Я понял, что она расположена, но до конца не готова к разговору по душам. Мы немного посидели молча, и мне показалось, будто девушка еле заметно вздрагивает. Только сейчас я понял, что на ней тонкое платье, а Санкт-Петербург даже в июне далеко не Сен-Тропе. Как назло, на мне была только толстовка на голое тело, которую

не снимешь и не предложишь озябшей спутнице, как можно было бы предложить тот же пиджак.

— Могу завезти тебя домой. Мне спешить некуда: дома никто не ждёт, — предложил я и заметил, что собеседница сама собралась что-то сказать. — Извини, что перебил.

— Я хотела узнать… — Вика улыбнулась уже более жизнерадостно. — На самом деле, ты уже ответил на оба моих вопроса.

Не знаю, какое впечатление произвёл на девушку мой грязненький автомобиль, но припаркован он был совсем рядом, и уже через минуту мы погрузились в тёплую тишину его салона.

— Я удивлена, — сообщила Вика, вкрадчиво изучая меня с пассажирского кресла. — Ты предвосхитил мой вопрос и даже мои мысли.

— Такая сонастройка встречается у близких, часто общающихся людей, — констатировал я. — В нашем случае это просто совпадение, вызванное характерной ситуацией.

— Спасибо, ты успокоил меня на предмет того, что мы с тобой чужие люди.

Сарказм — это хорошо. Значит, она приходит в себя. Море слёз и безысходности мне сегодня не грозит. Я не торопился заводить машину, понимая, что завязывается та самая, нужная беседа.

— Что мешает познакомиться ближе? — предложил я максимально нейтрально, дабы исключить превратное толкование фразы. — Мы почти пять лет бок о бок проучились, а я о тебе ничего не знаю.

— Будь джентльменом, уступи даме право второй рассказать свою историю, — после минутного раздумья сказала Вика.

— Конечно, — начал я без лишних размышлений. — После университета отдал долг Родине. Когда вернулся, сразу устроился в крупную компанию. Прошёл там путь от курьера до специалиста-аналитика. В прошлый понедельник сменил работу. Постоянно что-то ищу, сам не знаю чего.

— Потрясающая лаконичность. Могу пересчитать по пальцам знакомых, кто служил в армии в то время.

— Да, мне пришлось. Хотя была отличная возможность, как говорится, откосить: у отца есть хороший друг дядя Миша —

подполковник и просто умный мужик. Помню, он изрёк, когда встал вопрос призыва: «Для современного юноши счастье не в том, чтобы откосить, а в том, чтобы отслужить как полагается». Все были согласны с тем, что служба в вооружённых силах молодой Российской Федерации на рубеже девяностых и двухтысячных годов шла на пользу далеко не всем новобранцам. Но у дяди Миши появились идея и возможность устроить меня в одну из приличных ракетных частей недалеко от Питера, куда я и отправился.

Я начал углубляться в малозначимые подробности, но вовремя спохватился, заметив, однако, что девушка слушает меня не без интереса.

— Подожди, — прервался я, — а почему ты упомянула именно армию, неужели тебе это интересно?

— Да, интересно, — голос Вики дрогнул, и она отвернулась, словно пытаясь сдержать слёзы.

Стараясь понять, чем вызвал у неё такую резкую реакцию, я вдруг ясно вспомнил картинку из прошлого: солнечный летний день, выпускной в университете; Вика идёт под руку с высоким широкоплечим мужчиной в парадной военной форме — очевидно, это отец; по другую руку мужчины красивая женщина с букетом цветов — мать.

— Я вспомнил, — нарушил я молчание. — Твой отец — военный. Я видел вас на вручении дипломов…

— Мой отец… был военным, — прервала меня Вика, поворачиваясь. Тёмные разводы под глазами красноречиво свидетельствовали, что я не ошибся относительно её эмоций. — Он погиб… совсем недавно…

Она опустила солнцезащитный козырёк, открыла зеркальце и принялась торопливо приводить лицо в порядок. А я, не зная, что сказать, уставился в пустоту запотевшего стекла. Всякого рода банальности вроде «Мне жаль» или «Прости» не лезли из горла, хотя я действительно сочувствовал её горю. В салоне стало душновато, и я завёл двигатель, чтобы кондиционер просушил и освежил воздух.

— Прости, — извинилась девушка вместо меня. — Тебе не нужно это знать.

— Тебе не за что извиняться. Я сочувствую, хоть лично и не знал твоего отца.

— Спасибо, — шепнула Вика и кивнула, поднеся ладонь к лицу в попытке сдержать высохшие было слёзы.

— Может, поедем? — предложил я и, получив в ответ ещё один кивок, мягко тронулся с места.

Небо упорно не желало темнеть. Гуляющее недалеко за горизонтом солнце высвечивало в облаках над городом розовые пряди. Поток транспорта заметно поредел, и я решил предаться одному из своих любимых занятий — неспешной езде по вечерним набережным и проспектам Питера.

Время от времени я смотрел на Вику. Сначала она то отвечала мне робкими взглядами, то отрешённо глядела в окно, но спустя минут тридцать, как мне показалось, мирно уснула.

Я мог бы колесить так хоть всю ночь, и до разведения мостов оставалось достаточно времени, однако решил разбудить пассажирку, ведь совсем мало знал её и уж абсолютно ничего не знал о её планах.

— Вика, проснись, — тронул я девушку за плечо. — Мы уже проехали все триста мостов, куда теперь тебя отвезти?

— Я живу на Академической, но сейчас перебралась в Купчино, — выдала она не открывая глаз, а только повернувшись ко мне. — А где живёшь ты?

— Мой дом на самом берегу Васильевского острова.

— Отвези меня, пожалуйста, к тебе домой, на берег острова, — попросила Вика, поудобнее устраиваясь в кресле.

Вот таким вот сюрпризом заканчивался мой день, и без того полный всяких приключений и неожиданностей.

7. Знакомство с коллективом

Пятница началась для меня в девять утра, вернее, в начале десятого. Спал я вновь на любимом до оскомины диване, потому что кровать, да и всю спальню занимала Мальвина. Только подумать, моя однокурсница, всё предыдущее общение с которой можно сравнить разве что с кокетливым ковырянием в песочнице под «грибком», мирно спит в соседней комнате.

В квартире так тихо, что слышно, как стрекочет, перебирая обмотки трансформатора, стабилизатор напряжения в коридоре. Там же помигивает зелёным глазком блок бесперебойного питания, который оберегает от отключения электричества точку доступа в интернет, охранную систему, док-станцию телефонной трубки и резервную розетку. В случае отключения света я не останусь в темноте и без городского телефона, смогу зарядить мобильный. Вот такой я хитрый. Только почему я думаю непонятно о чём, когда рядом прекрасная молодая девушка?

Хотя пусть спит. Если вчера я не притронулся к ней в минуту слабости, так как сам вызвался защищать её, то сегодня и подавно не притронусь. Поезд, как говорится, ушёл. Хотела ли Вика близости? Возможно. И я хотел, но сдержался. И основная причина — это её состояние, как физическое, так и душевное. Нет, она не напилась в стельку, скорее походила на очень уставшего человека. И неудивительно. Сколько было её отцу? Ну пусть даже под шестьдесят. Но всё равно, как я его представляю спустя годы — крепкий, уверенный мужчина, глава семейства, любящий отец. Это тяжёлая потеря, способная выжать все соки, привести в состояние, абсолютно не совместимое с алкоголем. Да как Вику вообще занесло на эту вечеринку? Как туда занесло меня?

С такими мыслями я встал, принял контрастный душ и отправился на кухню. Солнце номинально освещало город, создавая призрачное ощущение не закончившегося вчерашнего дня. Родилась было идея пожарить стереотипную яичницу с беконом, но бекона почему-то не нашлось. Да и гостья ещё спала. Не хотелось запахом жареного портить воздух в квартире.

Тогда я отварил семь прекрасных деревенских яиц до почти крутого состояния, при котором желток уже не жидкий, но и не совсем твёрдый. И да, яйца настоящие, домашние: разной величины, белые и рыжие, с налипшими кое-где перьями, соломинками и кусочками помёта, но натуральные и вкусные; на рынке такие найти сложно, а в магазине и подавно. Подобными редкими деликатесами меня иногда балует мама, которую в свою очередь снабжают соседи. Летом домашние куры несут яйца в таком избытке, что приходится раздавать хорошим людям. А народ в посёлке родителей, действительно собрался неплохой.

Так вот, для получения великолепного, нет, не сандвича, а бутерброда к завтраку нужно отварить не очень вкрутую яйцо, взять тонкий ломтик душистого бородинского хлеба, намазать на хлеб сливочное масло, слегка приправленное солью, чесноком и свежим укропом. А сверху положить половинку вышеупомянутого яйца. Именно такой, очень простой, но вкусный завтрак подойдёт мне этим утром. Я съел один бутерброд, запил крепким чаем. Решил, что полностью насытиться будет нечестно по отношению к гостье, которая, к слову, так пока и не осчастливила меня своим появлением.

Вчера я буквально нёс Вику от машины до квартиры, а потом выдал для переодевания длинную домашнюю футболку и уложил девушку в кровать. Единственное, что я позволил себе, — бережно отвести прядь её волос, упавших на лицо. Пожелал спокойной ночи и собрался было выйти из комнаты, как Вика тихо спросила: «Серёжа, скажи, я тебе нравлюсь?» Я не задумываясь ответил: «Ты мне очень нравишься и нравилась всегда». «Тогда почему ты так и не решился сказать мне?» — поинтересовалась она безо всякого упрёка, а больше с грустью. Она смотрела на меня из ореола своих тёмных волос, разметавшихся по подушке, глаза блестели в свете ночника. «Я обещаю дать тебе ответ завтра, а сейчас отдыхай», — сказал я, так как вопрос был, по сути, риторическим, и убедившись, что мой ответ устроил девушку, потушил свет и вышел.

Посидев минут десять за завтраком, я подумал, что, возможно, Вика просто стесняется выйти ко мне после вчерашнего. Да и чтобы попасть в ванную, нужно пройти мимо кухни, где сижу я. Решил дать девушке возможность без стеснения привести себя в порядок, а заодно

самому прогуляться до ближайшей булочной, купить ещё чего-нибудь к завтраку. Вдруг Вике придутся не по вкусу мои кулинарные изыски.

Написал записку, что ухожу ненадолго, накинул спортивный костюм и ушёл. В соседнем доме располагалась недешёвая, но весьма приличная кулинария с мини-пекарней, где я провёл минут десять, только выбирая, что купить из всего многообразия. Наконец, взяв пару симпатичных булочек и несколько настоящих круассанов, вернулся домой. Вики я там уже не обнаружил — видимо, и правда, ей было крайне неловко видеться со мной в сложившихся обстоятельствах. Конечно, это глупо, но у девушек своя логика.

Мне не оставалось ничего другого, как продолжить завтрак в одиночку. И пока уплетал булку с маком, обнаружил свежие рисунки внизу своей записки. Рисунок Вики был странным: рука, торчащая из воды с расходящимися концентрическими кругами, и длинная, странного вида палка, как будто тянущаяся на помощь руке. И больше ничего. Что бы это могло означать? Просьбу о помощи? Но благородные рыцари спасают девушек иначе, чем протягиванием палки, если, конечно, действие происходит не в трясине или на тонком льду. Я бы, несомненно, разгадал эту загадку, но зазвонил мобильный телефон.

Спустя полчаса я уже трясся в вагоне метро, спеша на новую работу. Профессор Лавров позвонил и пригласил в офис на набережной Мойки. Мой первый рабочий день начался необычно. К тому же это была пятница.

***

Дорога не заняла много времени, хотя город был ощутимо нагружен. В последний рабочий день все стремятся закончить дела, начатые в предыдущие дни, и поскорее свалить кто куда. Менеджеры всех мастей и рангов бросились на переговоры, закрывать сделки и «трясти руками» с клиентами. Работники госучреждений, предвкушая короткий рабочий день, украдкой улизнули за покупками, чтобы явиться домой пораньше и с полными пакетами разной снеди. Кто-то рассчитывал вырваться в область до наступления часа пик. В общем, жизнь кипела, и на фоне этой суеты прохладный вестибюль офиса на Мойке встретил меня незыблемыми спокойствием и размеренностью.

Навстречу вышла та же девушка, что и в прошлый визит. Вернее, не девушка, скорее молодая женщина лет сорока, в безупречной

физической форме, с умным, даже пронизывающим взглядом. По виду она тянула как минимум на замдиректора, но никак не на офис-менеджера.

— Привет. Проходи, — сказала она просто, но без фамильярности, и я сразу почувствовал себя в своей тарелке.

Подходя к стойке, за которой стояла хозяйка офиса, я поприветствовал её в той же манере, легко перейдя на «ты».

— Лев Борисович ждёт, но для начала я должна передать тебе вот это… — женщина извлекла из-под стойки узкий, но толстый конверт без опознавательных знаков и протянула мне. — Это понадобится для работы. И распишись о приёме материальных ценностей.

Она достала планшетный компьютер, сделала несколько пасов своими тонкими пальчиками на экране и провела большим пальцем по небольшому тачпаду в нижней части устройства. Затем протянула мне.

— Я передаю, ты принимаешь. Вместо подписи и печати у нас биометрия, — улыбнулась, видя моё удивление. — Привыкай.

Я пробежался глазами по экрану планшета. Судя по лаконичному тексту, мне передавались для служебного пользования коммуникационное устройство с идентификационным модулем и смарт-карта. Мне ничего не оставалось, как заверить сей факт отпечатком большого пальца. Получив требуемое, документ мигнул зелёной рамкой и исчез где-то в недрах системы электронного документооборота, а само устройство отправилось под мышку сотруднице. Женщина зашагала в глубь офиса, пригласив меня следовать за ней и посоветовав не распаковывать конверт с ценностями до особого распоряжения.

— А, Сергей, как замечательно! — обрадовался профессор, выходя из-за своего стола и пожимая мне руку. — Очень хорошо, что удалось добраться так быстро. Если вы не успели познакомиться, то это Галина — душа нашего офиса и моя верная помощница. А это Сергей.

Мы с Галиной переглянулись и скрепили отложенное знакомство лёгким рукопожатием.

— Только сразу хочу предупредить, — продолжил Лев Борисович, — Галя не подаёт кофе, как это принято в некоторых организациях, но по всем вопросам обеспечения твоей работы в этом здании можешь обращаться к ней. Галочка, — повернулся профессор уже к своей

сотруднице, — проверь, пожалуйста, всё ещё раз, мы отправляемся немедленно.

Женщина кивнула и вышла из кабинета, прикрыв за собой дверь.

— Собственно, ждал только вас, давайте присядем на минутку, — предложил мой новый руководитель, указывая на кресла для гостей. — Внезапно у меня организовалась срочная командировка с не менее срочным вылетом, поэтому я буду краток. У вас на сегодня есть два важных задания. Во-первых, нужно пройти собеседование в службе безопасности, а если точнее, то с начальником этой службы Череновым Игорем Ивановичем. Признаюсь, Черенов — неоднозначный человек, но всерьёз опасаться его не стоит, достаточно лишь включить мозги перед разговором с ним. На вопросы отвечайте правдиво, но по возможности односложно. Лишних подробностей и задушевных бесед избегайте. Не то чтобы от него зависит ваше трудоустройство, но его департамент охраняет как наши скелеты в шкафу, так и наши собственные скелеты, поэтому если вы вместо приветствия решите сплясать «калинку-малинку» у него на столе, Черенов будет вынужден «заморозить» вашу кандидатуру. Здесь, надеюсь, понятно?

— Можете не переживать, Лев Борисович, опыт общения с безопасниками у меня есть, — поспешил я заверить собеседника.

— Превосходно, тогда перейдём ко второму делу, — профессор поправил очки. — Если с Череновым у вас всё пройдёт удачно, в чём я не сомневаюсь, то после собеседования возвращайтесь сюда и отыщите Паскаля. Так его зовут, это наш компьютерщик, он введёт вас в курс дела по своей части. Затем можете быть свободны до вторника точно, а вот дальше готовьтесь к стажировке, возможно, и к поездке. Засим откланиваюсь, ибо самолёт ждать не будет. Желаю удачи!

Последние слова профессор произнёс, уже вставая и снова пожимая мне руку. А через несколько минут я стоял на улице и вбивал в навигатор адрес департамента безопасности. Оказалось, он расположен на удалении от основного офиса — правда, в шаговой доступности. Проходя по Синему мосту через Мойку, я невольно оглянулся и простоял с минуту, наблюдая чудесную картину: яркое солнце играло на золочёном куполе Исаакиевского собора, а на заднем плане поднималась иссиня-чёрная монолитная грозовая туча.

Вспомнив о капризах погоды, я поспешил к месту назначения и меньше чем через десять минут был у нужного здания.

Перед тем как войти, бросил взгляд на странный объект на противоположной стороне улицы. Это было заброшенное здание — вернее, оставшийся от него фасад, обнесённый забором и обтянутый обветшавшей сеткой. Судя по тому, что стройплощадка уже поросла деревьями, реставрация объекта пошла не по плану. Меня всегда удивляли подобные медвежьи углы в центре Петербурга, где цена клочка земли близка к астрономической. Впрочем, в последнее время таких мест становится всё меньше и меньше.

Офис департамента я нашёл без труда. Организация занимала целое крыло третьего этажа в небольшом импровизированном бизнес-центре. Табличка при входе гласила, что здесь располагается некое охранное предприятие «Дип Корп Россия», официальное представительство DEEP Corp. Помещение, куда я попал после привычного общения с аудиопанелью, было единым, но рабочие места сотрудников, расположенные группами по два-три стола, были разделены высокими перегородками, похоже, звуконепроницаемыми. А в дальней части помещения, куда меня пригласили пройти, находились три кабинета-«аквариума» с матовыми стеклянными стенами. В приёмной одного из них мне было предложено ожидать. Ожидание длилось ровно полчаса, за которые я успел подробно изучить обстановку и попереглядываться с приятного вида секретаршей. Когда я от скуки принялся копаться в телефоне, ожило переговорное устройство, из которого прозвучала неразборчивая команда запускать меня.

Я вошёл, поздоровался и сел на один из стульев у конференц-стола. Хозяин кабинета не удостоил меня вниманием, а производил какие-то операции в настольном компьютере. Только спустя минуту он перевёл взгляд на меня и скептически поприветствовал: «Здравствуй-здравствуй. С чем пожаловали, молодой человек?»

Происходящее, начавшееся с томительного ожидания и продолжившееся незаслуженно сухим, на грани презрения приёмом, начало меня раздражать. Черенов представлял собой крупного, холёного и надменного индивида лет сорока пяти, с явно военным или МВД-шным прошлым и выбритой до глянца физиономией. Я бы мог отнестись к нему с уважением, однако тон, с которым хозяин кабинета

встретил абсолютно незнакомого человека, начисто отмёл возможность серьёзного его восприятия. Но всё же я, вспомнив совет профессора, поумерил пыл и спокойно продолжил беседу.

— Меня направил Лев Борисович Лавров, для прохождения собеседования на предмет трудоустройства, — и тут я сбился, поняв, что не помню точное название фонда.

— И куда вы трудоустраиваетесь, если не секрет? — точно подловил меня безопасник, с ходу обнаружив слабое место.

Черенов обращался ко мне на «вы», но через раз и лишь в рамках служебной этики, всем видом демонстрируя снисхождение. Я собрался и, стараясь не выказать замешательства, спокойно отразил выпад.

— Фонд охраны культурного наследия. Я только устраиваюсь в организацию и не успел заучить наизусть точное юридическое наименование.

— Тогда я проведу маленький ликбез, — предложил Черенов. — «Глобальный Фонд Мирового Наследия» — это наименование «организации», на работу в которой вы претендуете. «Дип Корп» — так называется международная охранная корпорация, обеспечивающая безопасность деятельности фонда и его сотрудников в тридцати трёх странах мира. За этими мало значащими для вас названиями стоят многолетняя история, серьёзные глобальные проекты и выдающиеся люди. Так почему вы считаете, что достойны работать у нас?

— Меня пригласили работать в фонде, — равнодушно выдал я, как будто пропустил мимо ушей высокопарную речь безопасника.

— Значит, вы избранный? Ну, это всё меняет, — усмехнулся он и переключил внимание на компьютер, где явно перелистывал какие-то документы, бегло их изучая.

Далее последовала стандартная для таких случаев череда вопросов: «Где работал? Почему уволился? Сколько получал? Чем занимался? Чем планируешь?..» и тому подобное. На что я давал односложные, лишённые подробностей ответы, в которых преобладали слова «да», «нет», «предполагаю…» Закончив допрос, как будто по регламенту, глава безопасности снова прилип к экрану своего шикарного моноблока от Apple, кликая мышью и что-то печатая на клавиатуре.

Моё внимание невольно привлекла большая картина прямо за креслом руководителя. Убранство кабинета было современным и

минималистским, и живописное полотно метра полтора шириной как-то выбивалось из общего стиля. Очень яркий сюжет картины передавал, очевидно, историю первых испанских покорителей Америки. На приставшей к берегу шлюпке красовался в полный рост под развевающимся флагом идеализированный конкистадор в сопровождении бравой команды и священника. Аборигены в цветастых головных уборах подносили дары своим завоевателям. На заднем плане виднелась эскадра кораблей, на глади лазурного океана, под прозрачным голубым небом. Черенов заметил направление моего взгляда и неожиданно снова обратился ко мне.

— Нравится? — спросил он, впрочем, не интересуясь ответом. — Это подлинник, середины XVIII века. Помимо материальной и культурной ценности эта картина имеет ещё одно назначение: она напоминает нам о довольно неприятных моментах истории, когда люди истребляли себе подобных именем Бога и ещё какого-то императора. Кстати, это не Колумб, как ты мог подумать, это Кортес — палач, покорявший Мексику, сейчас больше известный как человек, подаривший Старому Свету шоколад. Но где же все прежние империи теперь? Где их мощь и великолепие? Кто из последних сил выжимает дивиденды из былых заслуг, кто влачит жалкое существование, а кто и превратился в прах. Они действовали грубо и самоуверенно.

Продолжавший удивлять меня безопасник закончил тираду и усмехнулся каким-то своим мыслям, будто он сам создавал лишённую каких бы то ни было недостатков империю. Тон Черенова немного смягчился — возможно, оттого что я дал возможность блеснуть риторическими навыками и знанием истории. Я точно не первый, кому он втирал здесь про конкистадоров. Я посмотрел на часы. С момента моего прихода минуло уже больше часа, включая ожидание.

— К слову, по поводу открытия испанцами Америки, — снова завёлся Черенов, — есть мнение, что индейцы смотрели, но не видели подошедшие к их берегам корабли, так как в их примитивном мозгу не было образов, позволявших осознать увиденное. Как считаешь, возможно ли такое?

Признаюсь, я несколько опешил от такого вопроса, начав ворошить свои исторические знания и анализировать услышанное на предмет подвоха.

— Я думаю, что какими бы примитивными аборигены ни были, они жили на островах и, скорее всего, передвигались между ними на лодках. То есть они должны были иметь хоть какие-то образы объектов на поверхности воды, пусть даже и незнакомых, пусть даже удалённых, — выдал я теорию после некоторых раздумий. — И насколько мне известно, до испанцев в Америке побывали скандинавы, которых в большей степени можно назвать первооткрывателями.

Черенов посмотрел на меня словно на идиота. Чем вызвал тихий гнев и стойкое желаний разбить о его голову его же дорогущий компьютер. Хозяину кабинета таки удалось вывести меня на суждение, а затем наглядно указать место и действительную ценность моего мнения. Вновь пришлось успокаиваться и силой поддерживать невозмутимый вид. К чему весь этот долбаный цирк?

— Собеседование окончено, вы можете идти, — бросил Черенов после некоторых манипуляций с компьютером.

— Всего хорошего, — бросил я, поднимаясь и направляясь к выходу из кабинета.

— Подожди, — остановил меня безопасник, я застыл в двери, промелькнуло лёгкое ощущение дежавю. — Теперь можешь открыть пакет.

8. Точка входа

Конечно, я и раньше встречал не вполне адекватных людей, но в прошедшем собеседовании чувствовалось что-то неуловимо ненормальное. Черенов с лёгкостью вывел меня из себя, словно зная, за какие ниточки дёргать, и это при том что назвать его проницательным вряд ли бы повернулся язык. Хотя возможно, мне лишь почудилось предвзятое отношение и безопасник общался таким образом со всеми. В любом случае — плевать; я покинул офис «Дип Корп» с надеждой никогда больше не пересекаться с его руководителем.

На обратном пути к набережной Мойки я не удержался и вскрыл пухлый конверт. Первым делом извлёк то самое «коммуникационное устройство». Им оказался обычный на вид смартфон средних размеров, только весьма тяжёлый и толстый, чуть ли не в сантиметр толщиной. Следующим я достал пластиковый чехол, в котором лежали две сим-карты: одна стандартная, а вторая совсем крошечная, необычная. По всей видимости, в акте сдачи-приёмки карточки шли как «идентификационный модуль».

Я осмотрел смартфон. Помимо кнопок, на боковой поверхности располагались пара заглушек: под первой похоже прятался разъём зарядного устройства, а утопив ногтем вторую, я извлёк тонкую пластину. В ней было два углубления, куда однозначно легли обе сим-карты. Вернув пластину на место, я включил аппарат. На экране засветился замысловатый логотип, на котором я разобрал аббревиатуру названия фонда. Внизу показался маленький товарный знак Motorola. «Так вот ты что за зверь», — подумал я. Устройство шустро загрузило неизвестную мне операционную систему и перешло в режим ожидания. Телефон отправился до поры во внутренний карман пиджака.

Остался последний пункт списка — «смарт-карта», скользнувшая ко мне на ладонь как пропуск в какой-то новый, неизвестный мир. Обычная пластиковая карта с чипом и несколькими штрих-кодами. Правда, когда я перевернул незамысловатый кусочек ПВХ, то не без удивления обнаружил на аверсе своё фото. Оборотная сторона карты

была оформлена в виде удостоверения личности, но без имени, фамилии и каких-либо других понятных человеку данных. Поверхность содержала несколько строк буквенно-цифрового кода, магнитную полосу и голографическую эмблему фонда. Я точно не фотографировался для этого документа, а изображение напоминало то, которое у меня в загранпаспорте. Я хмыкнул и убрал карту в карман брюк.

Снова переходя Мойку по Синему мосту, я ещё раз запечатлел Исаакий на фоне грозового неба. Тучи плыли на восток, не приближаясь к городу и не удаляясь от него. Пока я протирал штаны на собеседовании, на мосту обосновался колоритный живописец в плаще и берете, умело клавший мазки на холст. Художника тоже заинтересовал крайне редкий и завораживающий пейзаж. Я искренне обрадовался тому, что увиденная картина останется не только в моей памяти, но и на материальном носителе. Мелькнула идея взять контакты художника с целью последующей покупки картины, но вдруг зазвонил рабочий телефон, и я от неожиданности потратил несколько лишних секунд, разбираясь, как принять вызов.

Быстро заговорил приятный женский голос: «Сергей, это Галя. Лев Борисович передаёт тебе привет и поздравления. Не забудь про второе задание. Когда будешь у офиса, просто приложи карту выше дверной ручки — и попадёшь внутрь. Удачи!» Разговор прервался. Похоже, помощница профессора спешила. А тот уже в курсе. Да, информационный обмен и делопроизводство в фонде организованы на приличном уровне.

Воспользовавшись советом Галины, я без труда попал в уже знакомый вестибюль. И совсем недолго постоял в нём, соображая, куда идти дальше, как из правого коридора показался высокий худощавый парень с кучерявой шевелюрой. «Ты Сергей?» — спросил он и, получив утвердительный ответ, сказал: «Привет. Я Паскаль. Иди за мной». Мы прошли по коридору, оказавшемуся близнецом своего левого собрата, но заканчивавшемуся выходом на лестницу, ведшую вверх. Поднялись на второй этаж, его отделка уже не была столь богатой и изысканной, однако и здесь чувствовался некий уют. Из просторного холла вело только три двери, в одну из которых мы и проследовали.

Сказать, что в кабинете компьютерщика царил творческий беспорядок, значит не сказать ничего. Просторное прямоугольное помещение разделялось стеллажами на три зоны. Первая была чем-то вроде гостиной; кроме пары утилитарных столов и шеренги металлических шкафов вдоль стены здесь располагались журнальный столик в окружении диванов и кухонный уголок. Дальше шла рабочая зона. Сквозь первый стеллаж как-то просматривались детали интерьера: широкие рабочие столы по двум сторонам и крутые ортопедические кресла, какими в «Горизонте» баловали только начальников отделов. Что было за вторым рядом стеллажей, можно было только предполагать — плотно наставленные коробки закрывали обзор. И везде, буквально везде что-то стояло, лежало и висело: от повседневных предметов и компьютерных потрохов до футуристических устройств и гиковской атрибутики всех видов. Мы расселись на противоположных диванах, и Паскаль как-то по-приятельски предложил знакомиться. И я неожиданно для себя выдал довольно лаконичную и структурированную историю, начиная со знакомства с профессором.

— В определённый момент показалось, что Лавров и Черенов сговорились разыграть партию «Плохой и хороший полицейский», настолько это собеседование было абсурдным, — поделился я с Паскалем.

— А ведь правда, я раньше не задумывался. Насколько адекватен старик, настолько же идиотичен бывает Черенов, — щёлкнул пальцами Паскаль. — Радует, что он никоим образом не влияет на нашу работу в мирное время и лично появляется здесь крайне редко. А Лев Борисович — хороший наставник, он всегда за нас горой, можешь ему доверять.

— Что значит «в мирное время»? — спросил я, не в силах пропустить мимо ушей важную оговорку.

— Ну… Это когда всё спокойно и нам ничто не угрожает, — замялся Паскаль. — Давай лучше перейдём к основной теме. Сегодня пятница, и не скрою, я собираюсь пораньше свалить с работы. Начнём с твоего нового телефона. Такой не купишь в магазине, береги его как зеницу ока. Хоть он и высококлассно защищён от всего, экран уязвим для грубого воздействия. Этот гаджет — твоё рабочее место и вообще твоё всё. В нём коммуникации: почта, мессенджер, звонки. В нём

спутниковые навигация и связь. Да-да, ты не ослышался, можно звонить из любой точки планеты, как по сотовым сетям, так и через космос. Можешь пользоваться этим телефоном и в личных целях, ведь таскать помимо него ещё что-то будет неудобно. Я могу прошить сюда твой собственный номер и привязать к нему группу личных контактов. Но это по желанию.

— Кстати, не прояснишь, чем конкретно мне предстоит заниматься, раз уж мы коснулись этой темы, а Лев Борисович уехал, толком не введя в курс дела?

— Попробую... Достань свой ID… Ну, эту карточку с фотографией, — попросил Паскаль.

Я передал ему карточку. Парень взял со стола планшет, навёл его камеру на штрих-коды с тыльной стороны удостоверения, взглянул на экран.

— Твой статус — «стажёр», — сообщил он, — больше пока ничего не известно. Я думаю, тебе достанется оперативно-наблюдательная функция, но придётся пройти подготовку, прежде чем начнутся реальные задания. Держи телефон при себе и будь на связи, следи за зарядом. Аккумулятор там очень мощный, но и он иногда не выдерживает, если перегрузить аппарат задачами. И вот ещё что, там у нас наверху есть диспетчерский отдел, мы зовём их «ангелами». Диспетчеры обеспечивают поддержку сотрудников на заданиях и связь между ними и их операторами. Операторы ведут задание с момента постановки до окончания.

Я внимал замысловатым объяснениям, которые рождали лишь новую череду вопросов, а воображение неустанно рисовало причудливые картины, как если бы Сальвадору Дали поручили сделать мультфильм про Губку Боба.

— Скажи, это какая-то разведка или шпионаж? Чем вы вообще занимаетесь? Как я понял, фонд — некоммерческая международная структура, фактически иностранный агент, деятельность которой заключается в сборе информации и в проведении каких-то сомнительных операций.

Теперь уже Паскаль округлил глаза, а затем прыснул.

— А мне вот было не до смеха, когда кто-то из ваших покопался в моём компьютере, а на этом, как ты сказал, ID, оказалась моя фотография, взятая из официальных документов без моего ведома.

— Keep calm and carry on, мой друг, — вскинул руки Паскаль в примирительном жесте. — Теперь я вижу, что общение с Череновым не прошло для тебя бесследно.

Он поднялся с дивана и, покопавшись в холодильнике, вернулся с двумя небольшими бутылками минеральной воды, одну из которых пододвинул ко мне. Я не отказался, вода пришлась очень кстати.

— Если хочешь, можно сделать чай, кофе, всё что угодно. Там наверху у нас есть полноценная кухня с ништяками, — предложил компьютерщик, указывая пальцем вверх, видимо, на третий этаж. — Чувствую, наш разговор сегодня затянется.

Спустя пару часов я брёл по узким питерским проулкам, в то время как проспекты уже плотно стояли в пробках. Разговор с Паскалем по фамилии Бонне, сыном французского дипломата, вышел и правда сложный. Нет, общаться с парнем было легко, тот оказался открытым и приятным человеком, но вот темы, которые мы обсуждали, выходили далеко за привычные рамки. Не скажу, что я узнал много нового, просто, сам того не желая, убедился в правдивости некоторой информации, которую раньше считал вымыслом, фантастикой, конспирологией и околонаучным бредом. И это при том, что Паскаль был уполномочен обсуждать только ограниченный круг вопросов.

Блуждая по центру, я миновал здание своего института, где меня кольнула ностальгия, и проследовал дальше в поисках укромных мест. Сквер напротив Мариинки запрудили по периметру чадящие и переругивающиеся на все лады автомобили. Я брёл, пока не упёрся в сад собора Святого Николая, где и решил устроиться на скамье в тени вековых дубов и клёнов, в относительном спокойствии.

Первым делом Паскаль попытался оправдаться за «взлом» моего компьютера, который и взломом-то не был, а являлся лишь результатом перехвата и модификации интернет-трафика. Паскаль без труда идентифицировал меня во всём информационном потоке посредством мощной аналитической системы, базирующейся в собственном дата-центре фонда. Парень когда-то принимал участие в разработке программы, а сейчас выполнял операторские функции и занимался поддержкой. Когда я справился о цели данного сомнительного акта, то поразился, узнав, что Паскаль просто демонстрировал возможности системы мне как невольному соавтору

некоторых её частей. Дело в том, что при разработке модулей анализа русскоязычного сегмента интернета использовались мои идеи, изложенные в дипломной работе, сданной и забытой много лет назад. Сей факт хоть как-то объяснял интерес ко мне со стороны фонда, но, по заверению Паскаля, работать мне предстояло отнюдь не в сфере программирования. Напротив, меня ждала полная приключений полевая работа, связанная с выездом на определённые события и к определённым объектам, на которые распространялись обширные интересы фонда. К слову, организация косвенно или прямо курировала девяносто пять процентов всех исторических, археологических, палеонтологических и прочих подобных изысканий на планете. При том что штат фонда не превышал и тысячи человек. Все же остальные, включая видных учёных и исследователей, трудились на аутсорсинге. Упомянув данный факт, мой собеседник как бы в очередной раз подчеркнул всю важность оказанного мне доверия. Правда, важностью я проникся и без того.

Дальше мы погрузились в дебри информационных технологий, которые не были чужды мне и уж тем более моему визави. Здесь всё прошло более-менее без шокирующих откровений. Паскаль дал мне вводную по материально-техническому обеспечению работы фонда, умолчав, впрочем, об источниках такого обеспечения. Уровень применяемых средств бескомпромиссно доминировал над гражданским сектором. И честно говоря, я уже настроился на шпионские ботинки с телефоном и выкидным ножом, но вся мощь технологий сводилась в основном к анализу информации и быстрому принятию решений. Паскаль узнавал новости по заданной им тематике задолго до появления информации в СМИ. Первостепенную роль в этой работе выполняла вышеупомянутая программа, которая на поверку оказалась сложным автоматизированным аналитическим комплексом с зачатками искусственного интеллекта. Внутри фонда систему именовали просто — «Сестра», её ядро было децентрализованным и располагалось в нескольких дата-центрах по всему миру. Паскаль даже как оператор национального кластера и разработчик имел весьма ограниченный доступ, которого, впрочем, хватало для поистине фантастических манипуляций.

— За каждым пользователем интернета тянется длинный хвост обезличенных свойств и характеристик, собираемых на основе данных

из аккаунтов социальных, почтовых, поисковых и других веб-сервисов. Обезличенность эта весьма условна, и любой «хвост» без труда может быть сопоставлен с его хозяином. Даже если ты указал вымышленные данные для почтового ящика, то в какой-то из соцсетей обязательно использовал реальные. Даже если ты удалил свой старый реальный аккаунт и зарегистрировал новый, вымышленный, то с большой вероятностью он всё равно будет сопоставлен с тобой. А людей, принципиально соблюдающих анонимность в сети, не так много, потому что существуют ещё и псевдозащищённые системы онлайн-банкинга и электронных валют, которыми пользуется «продвинутая» аудитория, — сообщил мне собеседник факт, который я и так давно знал. На мой вопрос: «Зачем фонду информация?» Паскаль расплывчато ответил, что затем же, зачем и всем остальным, намекнув, что это тема для отдельного разговора.

И вот когда я практически разложил по полочкам всю информацию и сформировал представление о своей новой работе, Паскаль выдал мне краткую, но ёмкую картину мира по версии Глобального Фонда Мирового Наследия. После чего я и отправился бродить по городу, осознавая услышанное. Это был уже второй раз, когда я выходил из офиса на набережной Мойки в подобном состоянии. То ли моё восприятие загрубело за время последних рутинных месяцев работы в «Горизонте», то ли я постарел, но поверить на слово всему, что узнал, я пока был не в силах. Фундамент моих представлений о реальности пошатнулся и дал трещину.

9. «Спаси», «бо»

Я сидел на лоджии, задрав ноги на корзину с грязным бельём, и пил чай. Идиллию нарушали звук неугомонной строительной техники и лёгкий мандраж перед выходом на новую работу. Минуло больше суток со встречи с Паскалем, но я до сих пор не навёл порядок в голове. Стоило лишь на минуту отвлечься от бытовых мыслей, как их место, толкаясь и цепляясь друг за друга, занимали грандиозные конспирологические теории.

В итоге я не выдержал и вновь принялся ворошить интернет на предмет восполнения пробелов в новой картине мира. Проводя инструктаж, Паскаль был откровенен, но весьма лаконичен, поэтому я хотел найти хоть какое-то подтверждение услышанному. Перелистывая веб-страницы, я постоянно ожидал новых хакерских сюрпризов, подобных тому, какой мне уже устроил коллега. Однако большой брат — вернее, Сестра — никак себя не проявлял.

Какую бы из деликатных тем, о которых француз рекомендовал не распространятся, я ни поднимал в интернете, по каждой имелось достаточно разносторонней информации. Однако источники все как на подбор оказывались, мягко говоря, сомнительными. Не знай я теперь всей подноготной, ни минуты бы не задержался на примитивных и замшелых сайтах, муссировавших концепции вроде «Конца света 2012 года». А сейчас среди абсурдных новостей и блоговых записей я находил данные, которые априори мог считать правдой: о периодах в десятки тысяч лет, когда на Земле зарождались, развивались и погибали цивилизации; о величайших войнах и природных катастрофах; о тайных обществах, испокон веков присматривающих за людьми.

За таким вот нехитрым делом я умудрился просидеть до позднего вечера — время пролетело пугающе незаметно, словно я выпал из его течения. Не забыл уточнить и «что там в Америке». Тема секты Свидетелей Апокалипсиса заиграла новыми красками. Никто не ожидал, что среднестатистическое сообщество чудиков, каким представлялась секта, окажется столь массовым и так сильно повлияет на умы ещё большего числа обычных граждан. ФБР жёстко взялось за

Свидетелей, но рядовых членов практически не за что было брать, а главарь бесследно исчез несколько дней назад, оставив в «Твиттере» запись следующего содержания: «Не ждите Апокалипсиса! Апокалипсис уже наступил!»

Сигнал домофона настолько резко и неожиданно резанул по ушам, что я буквально подскочил на диване. Никого не ожидая на ночь глядя, я насторожился. Не успел сойти с места, как аппарат затих. Квартиру окутала призрачная тишина. В полумраке комнат я прокрался ко входной двери и посмотрел в глазок. Слабая энергосберегающая лампочка освещала пространство лестничной площадки невнятным тусклым светом. Я ждал. Послышался непонятный приглушённый шум где-то в недрах подъезда. Иногда люди ошибаются номером квартиры или звонят всякие разносчики рекламы. Я было решил списать происходящее на это, как вдруг картинка в глазке исчезла. Кто-то или что-то перекрыло обзор. Сердце забилось чаще. Сознательно я понимал, что мне ничто не грозит за прочной дверью, но лёгкий иррациональный страх проникал в мозг напрямую из чёрного отверстия. Переливисто зазвенел дверной звонок. Я немного постоял, вслушиваясь в тишину за дверью, а затем максимально грубым голосом пробасил: «Кто там?!»

Удивиться я уже не смог (за последние дни такое чувство просто атрофировалось), когда на пороге возникла Мальвина собственной персоной. Тело её было затянуто в чёрно-красный кожаный комбинезон — изящный, но добротный мотоциклетный костюм с защитными вставками и панцирем на спине. О назначении её одежды говорили и жёсткие пластиковые ботинки; однако ещё один необходимый атрибут — шлем — отсутствовал. О чём я и не преминул спросить с порога.

— Шлем?! — Вика округлила глаза и улыбнулась.

— Ну да, шлем, — я спохватился и завёл девушку внутрь, закрывая за её спиной дверь. — Или ты гоняешь без него?

— Шлем я оставила внизу, но какое это имеет значение? Неужели ты за меня переживаешь? Это так трогательно.

Мы стояли друг напротив друга в нешироком пространстве прихожей. Вика смотрела мне в глаза немного растерянно, немного испытующе. Глупая улыбка первых мгновений встречи постепенно

улетучилась. Её грудь, затянутая в плотную кожу комбинезона, мерно поднималась и опускалась в такт дыханию.

— Давай забудем о том, что было вчера, — предложила Вика уже без шуток.

— Я согласен забыть обо всём, кроме твоих волос на моей подушке, — сказал я, приблизившись.

Пальцы скользнули по гладкой поверхности её облачения, и я обнял тонкую талию, несильно притянув девушку к себе. Вика склонила голову, но через секунду наши губы слились в поцелуе. Как и наши тела затем сплелись в замысловатом любовном танце. Давние чувства, желания, фантазии вспыхнули единым пламенем, объявшим нас без остатка. Примитивные звериные ласки сменялись невероятно нежными поцелуями и касаниями. Страсть то затуманивала сознание, то отступала, рождая бессвязные признания. Шёлковый шёпот, чуть слышные стоны, разбросанные одежда и предметы интерьера наполнили сумрак коридоров и комнат моего дома.

Спустя пару часов, проведённых в сладком безвременье, мы лежали, обнявшись, посреди разворошённой постели, приходили в себя и тихо беседовали. Вика развеяла тайну своего необычного появления. Вышло так, что она набрала номер моей квартиры на домофоне, но из подъезда кто-то вышел, и Вика проскользнула в открытую дверь, сбросив вызов. Дальше она ошиблась этажом и некоторое время блуждала в поисках нужной двери. Ну и под конец закрыла дверной глазок рукой по старинной русской традиции, решив сделать сюрприз. Позвонить заранее она не могла, так как забыла у меня телефон во время поспешного бегства. Здесь я в очередной раз убедился в непостижимой женской хитрости — если, конечно, таковая имела место в данном случае. Телефон Вики оказался разряженным. Или же выключенным заранее.

Но всё это не имело никакого значения теперь, когда нежная и непостижимо желанная девушка лежала рядом, в моих объятиях. Только сейчас, спустя годы я понял, как на самом деле была близка мне милая однокурсница Мальвина с грустными и умными глазами. Была ли это любовь, страсть в общепринятом понимании? Не знаю, но чувство было такое, словно наши души, являющиеся половинками, наконец воссоединились в единое целое.

Отдохнув, мы снова сплелись в узел тел и чувств, а бледная питерская ночь смотрела на нас в окна спальни и улыбалась. Ближе к утру я с трудом поднялся и опустил плотные шторы. Вика в изнеможении заснула, и я последовал её примеру.

***

Новый день выдался пасмурным. По жестяному отливу то и дело постукивал лёгкий дождик. Проснувшись, я освежился в душе и занял любимое место на лоджии, потягивая кофе со сливками. На минуту мне показалось, что зайди я сейчас в спальню, снова не найду там Вику. Что ночное событие было лишь прекрасным сном. Но через некоторое время моя гостья показалась в дверном проёме кухни и, прошлёпав босыми ногами по полу, подошла и села ко мне на колени. На ней была только длинная футболка, выданная мной ещё в пятницу. Мы долго сидели, обнявшись, пока желудок девушки не потребовал еды настойчивым урчанием. Мы переглянулись, и Мальвина смущённо улыбнулась. В этот момент ночные чары как будто развеялись, и мы вернулись в реальный мир. Я на правах хозяина отправился готовить завтрак, а Вика разглядывала открывавшуюся из окон панораму.

Пока я крутился на кухне, мы переговаривались на отстранённые темы, но тут мне попалась та самая записка со странными рисунками. Я привлёк внимание девушки и показал листок бумаги.

— Что это значит?

— Это? Примитивный ребус, — Вика шутливо постучала пальцем по моему лбу. — Я думала, ты сразу разгадаешь.

— Прости, но у меня не было времени. Пришлось ползать под кроватями и рыскать в шкафах в поисках тебя. А потом срочно вызвали на работу.

— Мы же договорились забыть этот случай? — Вика надула губы, но затем повернула ко мне листок и принялась объяснять: — Ну вот смотри, что ты видишь на первом рисунке? Человек тонет, так?

— Так, — констатировал я и поцеловал её в шею.

— Что нужно делать? — продолжила Вика, поёжившись и помурлыкав от щекотки.

— Спасать.

— А что бы я сказала тебе, показывая на тонущего человека, не умей я плавать?

— «Спасай», «спаси», — выдал я варианты.

— Правильно, «спаси», — удовлетворённо приняла мой ответ девушка. — Идём дальше. Что вот это, по-твоему?

— Труба, шест, посох, — снова перечислил я первое, что пришло в голову.

— Это бо, — сообщила Мальвина с гордостью. — Японский боевой посох бо. Что получится, если сложить два слова вместе?

— «Спаси-бо»?

Вика отпустила записку и обняла меня за шею, нежно, но с каким-то отчаянием, покрывая моё лицо поцелуями.

— Да, «спасибо». Это то, что я хотела тебе сказать. Спасибо за то, что ты такой, каким я представляла тебя. Спасибо, что приехал на ту встречу. Поумней я раньше и будь ты немного решительнее… Как глупо всё вышло.

Вика прильнула к моей груди, так и не закончив мысль. Тихо всхлипнула. Я поцеловал её макушку, напоминавшую очень красивую спиралевидную галактику, вдохнул сладко-терпкий аромат волос.

— Будь я решительнее, а ты умнее, это были бы уже не мы, — я купал пальцы в волнах густых чёрных прядей. — Мы настоящие — здесь и сейчас, и я счастлив… Слышишь? Счастлив! Что наши пути наконец сошлись.

Девушка промолчала, только сильнее прижалась всем телом. Время снова остановилось, звуки окружающего мира стихли. Ветер разгонял столпившиеся над заливом серые тучи.

— Знаешь, — проговорила Вика тихо-тихо, словно не хотела, чтобы нас кто-то услышал, — а ведь я и правда оставила свой телефон случайно. Я даже забыла о нём. Я проспала весь день, после того как сбежала от тебя. А вечером не помню как оделась, села на мотоцикл и помчалась куда глаза глядят. Сначала ехала медленно, потом быстрее и быстрее, словно в трансе. У меня там почти тысяча триста кубов. Не уверена, что затормозила бы перед ограждением на набережной или на перекрёстке, проезжая его на красный свет. Но каким-то чудом я оказалась здесь, на Васильевском острове. Решила остановиться и позвонить тебе, а потом вспомнила, что телефон, скорее всего, у тебя же и оставила…

— Теперь всё хорошо, мы и это забудем, — сказал я, покрепче прижимая девушку. — Мы нашли друг друга, и это главное.

Остаток воскресенья и понедельник мы провели неразлучно, прогуливаясь по берегу и в спокойных окрестных двориках. Беседовали обо всём на свете, периодически предавались любви, пили чай и перекусывали на лоджии, отдыхали и всё повторяли заново.

Вечером понедельника ожил мой рабочий коммуникатор: пришло сообщение от Галины с просьбой завтра с утра быть на связи для получения дальнейших распоряжений относительно моей стажировки.

Вика всё поняла и засобиралась. «Вечером нам будет легче расстаться, чем утром», — сказала она. И мне пришлось провожать её до дома, кое-как уместившись на заднем подобии сиденья её внушительного Honda Crosstourer.

Обратно я возвращался на такси через полупустой город, и мысли мои постепенно сводились к предстоящей работе, но уже в гораздо более конструктивном русле, чем раньше. Ощущались лёгкие нетерпение и тревога. Но в целом я был спокоен и смиренно готовился принять свою миссию. Я добился того, чего хотел. Я не просто кардинально сменил род деятельности, я сменил привычный мир на новый, неизвестный и пока ещё полный для меня белых пятен.

10. Мой «ангел» Дария

К половине восьмого утра, когда зазвонил коммуникатор, я настороженно дремал, периодически просыпаясь и глядя на часы. Минувшим вечером заснул на удивление быстро, крепким здоровым сном: видимо, сказались выходные, проведённые с Викой. Галя позвонила, чтобы пригласить меня в офис к одиннадцати часам. Также она посоветовала подготовиться к срочному выезду в командировку.

Дабы не собираться в спешке, судорожно вспоминая, не забыл ли чего, я воспользовался советом и снарядиться для поездки заблаговременно. Необходимых вещей у меня — раз-два и обчёлся. В путешествиях всегда обходился небольшой дорожной сумкой, которая проходила как ручная кладь и избавляла от волокиты с багажом.

Времени было предостаточно, и я собирался вдумчиво и размеренно, ощущая при этом какой-то лёгкий азарт — желание быстрее приступить к делам. Возможно, поэтому я прибыл на место за полчаса до назначенного времени. Однако ждать не пришлось, Галя с порога подхватила меня и отвела в небольшой конференц-зал на первом этаже. Мы расположились друг напротив друга в удобных офисных креслах и не успели начать разговор, как к нам присоединилось очаровательное создание — милая, хрупкая юная девушка с большими голубыми глазами и русой косой.

— Познакомься, Сергей, это твой «ангел», — улыбнулась Галя.

Признаться, я не был готов к такой терминологии от официального лица. Хотя Паскаль неоднократно упоминал в беседе «ангелов»-диспетчеров.

— Сергей, — представился я.

— Дария, — протянула руку девушка. — Можно Даша.

Внешность моего диспетчера была нежной и наивной, однако если внимательно присмотреться, от девушки исходили какие-то бескомпромиссные решительность и собранность. Даша мне понравилась сразу. Если я правильно понял её функции, то работать с таким человеком будет приятно.

— Итак, — обратилась ко мне Галя, — твоими операторами будут только два человека: лично Лев Борисович и я. Это значит, что ты

должен принимать задачи только от наших ID и только по защищённому каналу. В стандартном режиме взаимодействия мы не ставим задачи голосом, но в исключительных случаях такое может случиться. Даша полностью ведёт тебя по ходу выполнения задания. В это время ты и она для нас — одно лицо, равно как и мы здесь, в офисе — одно лицо для тебя. Твой «ангел» всё время знает, где ты, в каком ты состоянии и как продвигается работа. Она может практически в реальном времени принимать аудио- и видеопоток с твоего коммуникатора. Паскаль выдаст тебе гарнитуру и специальные очки с камерой — в особых случаях Даша сможет стать твоими руками и глазами. Во время стажировки вы отработаете взаимодействие и привыкнете друг к другу.

Пока мой оператор вводила меня в курс дела, я периодически глядел и на Дашу, как бы согласовывая с ней поступающие данные. Девушка смотрела на меня, практически не мигая, как-то изучающе и лишь изредка кивала. Но её взгляд не был неприятным, напротив, мне нравилось внимание этой юной особы.

— Кстати, о стажировке, — продолжила брифинг Галя, — она начнётся для тебя уже завтра. Мы потеряли много времени — не по твоей вине, но всё же. Как я и предупреждала, тебе предстоит командировка. Координаты места назначения и твоего куратора получишь в задании.

Галя сверилась с какими-то данными на личном планшете и, извинившись за спешку и попрощавшись, убежала по своим делам. Мы с Дашей остались вдвоём.

— Я немного расшифрую тебе всё это, — подхватила разговор девушка, прочитав лёгкое недоумение на моём лице. — Впереди у тебя обучение, состоящее из теории и практики. Ты должен понять смысл нашей работы и научиться взаимодействию. Обучение проходит довольно просто: ты встречаешься с куратором, тот передаёт свои знания и навыки. Далее — тест. И ты переходишь к следующему этапу. В зависимости от того, как будут пройдены тесты, определится твоя роль.

Даша прервалась, и на минуту между нами повисла тишина. Только настенные часы неустанно отсчитывали секунды да слышались приглушённые звуки кипевшего за стенами кабинета рабочего дня.

— Ну вот, — улыбнулась Даша, — хотела объяснить по-человечески, но всё равно выходит как-то угловато.

— Ничего, я привык, — ответил я шуткой, в которой была лишь доля шутки.

— Ты не злись. Пойми, мы здесь имеем дело с весьма неоднозначными фактами и событиями. То есть нельзя точно сказать, сошли мы все с ума или только притворяемся. Многие данные общедоступны, но они затеряны в потоке информационного мусора и воспринимаются людьми как часть этого мусора. Миссия фонда не в том, чтобы утаивать истину от людей. Но мы как рядовые сотрудники не имеем права разглашать информацию, даже косвенно. Наши линии связи защищены, но разговор может быть запросто подслушан в общественном месте. Вот поэтому тебе и кажется, что мы говорим загадками. А на самом деле это такая культура общения. Даже внутри «семьи». Мы можем обсуждать довольно серьёзные рабочие вопросы, а посторонние люди не будут понимать, о чём идёт речь. Поверь, ты быстро привыкнешь. Вообще-то, корпоративную этику общения преподают на первых этапах обучения, но тебя перекидывают сразу на практические курсы. Не знаю, почему, но это круто.

Субтильная на первый взгляд девочка с необычным именем Дария оказалась на удивление уверенным и толковым сотрудником и, что немаловажно, приятным в общении человеком. На такого «ангела» я согласился без тени сомнения. Мы обсудили с ней ещё несколько чисто технических моментов, и я, получив от Паскаля обещанный набор гаджетов, отправился домой за вещами.

По дороге мой «кирпичик», как я уже мило обозвал рабочий смартфон, принял несколько сообщений с задачами на ближайшие дни. Нужно было вылететь вечерним рейсом из «Пулково», дабы после полуночи оказаться в славном городе Краснодаре и устроиться на ночлег в забронированной фондом гостинице. Далее я должен встретиться со своим куратором и перейти в его временное подчинение. Не скрою, что место назначения меня удивило и обрадовало.

Вторая половина дня пролетела незаметно, в чисто бытовых хлопотах. Я скорректировал набор вещей для поездки, прибрался в квартире. Затем созвонился с родителями и описал ситуацию с новой работой. Конечно, мама узнала лишь отфильтрованную, до состояния

лёгкого усвоения, историю моего трудоустройства; я сказал, что новая работа практически такая же, как старая, и мама успокоилась. Она никак не могла ожидать, что я вляпаюсь в авантюру, подобную той, в которую вляпался. Представляю, что сказал бы папин друг дядя Миша (в прошлом подполковник разведки), если бы узнал подробности. Он нахмурился бы и произнёс с расстановкой: «Завербовали». А потом сел бы на телефон, поднимая старые связи с целью вырвать меня из цепких лап врага.

Вспомнив, что мама точно посетит мою берлогу, пока я буду в отъезде, я более тщательно прибрался, дабы не оставлять улик присутствия посторонних женщин. По легенде, я вёл холостяцкий, аскетичный образ жизни, планировал в ближайшие год-два жениться на достойной девушке и возвести наконец своих родителей в ранг бабушки с дедушкой. В общем, я снова всё проверил, законсервировал квартиру и, вызвав такси, отправился в путь.

Снова, как и несколько дней назад, я ехал в аэропорт. Вспомнил Гошу, пусть ему там икнётся, а его ненаглядная супруга скажет что-то вроде: «Наверное, кто-то тебя вспоминает». А потом закатит скандал на предмет того, что это за «бабы» вдруг его вспоминают. Я усмехнулся, глядя в окно на сочно-зелёные просторы, простиравшиеся до горизонта и кое-где разбавленные редколесьем. В ярком голубом небе толкались боками белые кучевые облака. Я покидал город с лёгкостью на душе и каким-то необъяснимым оптимизмом, не зная, что больше я уже никогда не увижу его таким, как прежде.

11. Кто на новенького?

Краснодарский аэропорт встретил меня сыростью, провинциальной простотой и наглыми таксистами. Как ни странно, я был готов ко всему, кроме погоды. Почти родной уже северный Санкт-Петербург провожал теплом и ярким солнцем, а южный Краснодар, где я ожидал запечатлеть цветущие под палящим солнцем пальмы и магнолии, принял косым холодным дождём и сшибающим с ног ветром. Удивительно, как пилот настолько плавно посадил самолёт.

Напиравших «серых» таксистов удалось отшить быстро благодаря знанию города. Во-первых, я заранее уточнил стоимость поездки от аэропорта до гостиницы, а во-вторых, что самое главное, довольно хорошо знал специфику региона. И не просто так, а вследствие работы в «Западном горизонте». По стечению обстоятельств, я подробно анализировал именно Кубань как точку развития того самого ритейлера, за удачное вложение в акции которого я получил известность в компании. Посему был готов к разудалому южному темпераменту, замешанному на казацких нравах и характере, сложившемся за столетия покорения края. Сюда примешивался и факт близости кавказских республик. В общем, я хорошо познакомился с Краснодаром в заочной форме, и теперь меня преследовало лёгкое дежавю.

На территории аэропорта чувствовалось усиление по линии МВД. То тут, то там виднелись малые группы сотрудников, снаряжённых по полной программе: автоматы, бронежилеты, шлемы. Заметил и пару служебных спаниелей.

Я заказал такси через приложение в личном смартфоне — и менее чем через полчаса прибыл к гостинице всемирно известной сети, в центре города. Дорога заняла бы ещё меньше времени, кабы не импровизированные посты ДПС, на которых инспекторы останавливали автомобили через один. После второй такой проверки я спросил водителя о происходящем. Тот обернулся, смерил меня взглядом и сообщил, что уже второй месяц в городе и крае действует негласный режим контртеррористической операции. Затем, видимо,

найдя в моём лице свободные уши, таксист до конца поездки пересказывал всевозможные слухи по теме.

В пути я получил сообщение от куратора — Василия Ивановича Ерёменко, которое гласило: «Завтра в час, возле гостиницы». День выдался длинный, да и перелёт утомил, поэтому я отдал должное товарищу Ерёменко, назначившему встречу аж на обед. Перед сном я не мог не написать Вике, и хоть содержание моего сообщения не отличалось оригинальностью, она тут же ответила: поблагодарила за весточку и пожелала спокойной ночи.

Утром я позволил себе выспаться, но без фанатизма. Успел спуститься к завтраку.

— Желаете отведать фирменный Захерторт от шефа? — настойчиво поинтересовалась официантка с выражением лица, не терпящим отказа.

Я что-то слышал про торт Захера и про то, что его подают лишь в Вене и ещё паре фирменных мест в мире. Рискнул отказаться, за что удостоился испепеляющего взгляда юной особы. Взял овсянку, яичницу с беконом, салат; дополнил трапезу неплохим моккачино… В общем, позавтракал душевно, после чего немного побродил по окрестностям. Полноценной прогулке помешал мелкий дождь с порывами ветра, срывавшими рекламные баннеры. Ближе к часу я собрался, заказал в баре кофе с двойным чизкейком и устроился на террасе в ожидании.

За три минуты до назначенного времени решил выйти навстречу — и на пороге нос к носу столкнулся с невысоким крепким мужчиной в рубашке поло и свободных тактических брюках защитного цвета. Он секунду поколебался, видимо, изучая меня из-за стёкол темных очков, а потом коротко спросил: «Романов?» Я кивнул. Мужчина так же коротко отрекомендовался: «Ерёменко». И мы пожали руки.

Зайдя ненадолго в холл гостиницы, мой куратор провёл странный, на первый взгляд, ритуал. Сначала он просканировал мою ID-карточку своим коммуникатором, а затем уже я считал его ID. Таким образом «Сестра» засвидетельствовала нашу встречу, да и мы сами удостоверились в личностях друг друга. Я постепенно привыкал к странностям новой работы.

— Ну что ж, Сергей, — заговорил Василий Иванович, когда все формальности были соблюдены, — нам с тобой предстоит пройти курс

по теме «Безопасность и особенности пребывания в иностранных государствах». А если по-человечески, то ждут тебя небольшие военно-полевые сборы, где мы постараемся привить навыки поведения в чрезвычайных ситуациях.

Честно говоря, я ожидал чего угодно, но только не военно-полевых сборов, и немного опешил. Куратор, не замечая этого, продолжал вводить меня в курс дела. Тем временем мы покинули гостиницу и углубились в городские кварталы. В общем и целом Василий Иванович — плечистый, коротко стриженный, с короткой бородкой-испаньолкой, мужик возрастом до полтинника — вызывал у меня доверие. Веяло от него надёжностью и какой-то залихватской уверенностью.

— Что служил, где служил — это я знаю, — продолжал куратор. — А как с боевой подготовкой? Из автомата стрелял?

— Раз тридцать стрелял, — сообщил я.

— Нормально, — констатировал собеседник, почёсывая подбородок.

— Вы не поняли, всего тридцать выстрелов сделал из АКМ, и те в белый свет, — открыл я правду товарищу Ерёменко. — Моя служба заключалась не в боевой подготовке, а в сборке и ремонте компьютеров офицерского состава и их знакомых.

— Поправимо, стрелковку подтянем, — хмыкнул куратор.

— В принципе, с огнестрельным оружием я знаком. Владею гладкоствольным и нарезным карабинами, имею навыки их обслуживания и безопасного обращения.

— Сгодится для начала. А про навыки — это верное замечание. Чую, не на базаре ружьё покупал. А то ведь развелось теперь всяких «Рэмбо»: обвешаются ножами, арбалетами, травматами, а как в руках держать оружие, да куда направлять, да как его обиходить, в конце концов, тупо не интересуются. Ну да ладно, накипело.

В этот момент мы подошли к припаркованному на обочине одной из тесных улочек Mitsubishi Pajero Sport цвета хаки. Не маленький автомобиль в таком цвете казался каким-то неприметным, словно не хотел особо афишировать своё присутствие. Промелькнула аналогия с верным телохранителем, который всегда готов прийти на помощь, но предпочитает держаться в тени. Василий Иванович предложил «грузиться на борт».

— На твоё обучение выделен некоторый бюджет, — хохотнул он, — предлагаю освоить его как можно скорее. Нужно экипировать тебя, а сдачу прокутить. Гм... Но об этом позже... Послезавтра с утра мы должны топтать пыль на полигоне. Или месить грязь. Как повезёт.

И мы отправились осваивать бюджет: объехали весь город, то и дело останавливаясь у небольших магазинчиков, торговавших военным и тактическим снаряжением. Там куратор, не переставая болтать с продавцами, тыкал пальцем в определённые товары, а я самоотверженно примерял их. Таким образом, к концу дня я обзавёлся лёгким и просторным маскхалатом неизвестного мне камуфляжа, летним полевым костюмом из армейского комплекта ВКБО, удобными импортными берцами и прочими предметами, по мнению товарища Ерёменко, необходимыми для прохождения обучения.

— Как ты относишься к приключениям? — поинтересовался инструктор, высаживая меня у гостиницы.

— Смотря к каким.

— К алкогольным!

— В моей семье сохранилась старинная пословица: «Разговейся, да не оскоромься». Вот вспомнилась. Собственно, я не против приключений, только чтоб без вреда здоровью.

Хитро оскалившись, Ерёменко кивнул и умчался по своим делам, пообещав координаты времени и места встречи скинуть на телефон. Мой объёмный баул он оставил в багажнике.

На закате солнце выглянуло из-под завесы туч и залило город мягким оранжевым светом. Потянуло прохладой. Я брёл из тесного центра по главной улице, что из четырёхполосной проезжей части с узкими тротуарами постепенно превратилась в широкий бульвар, утопающий в зелени. В воздухе витала курортная непринуждённость, и периодически оборачиваясь, в пробелах между крышами и верхушками деревьев я каждый раз ожидал увидеть море. Где-то там, на юге, через каких-то сто километров оно и вправду плескалось.

Ерёменко скинул координаты через официальное приложение, поставив задачу с туманным наименованием «Знакомство, теоретическая подготовка». Я прибыл на место минут за пятнадцать до назначенного времени и осмотрелся. Вокруг фонтана толпились и перемигивались вспышками камер отдыхающие, кто-то кормил голубей. Наглые и толстые пернатые носились за хлебными крошками,

расталкивая друг друга крыльями и обильно покрывая тротуар помётом. Удивительно, во что может превратиться ветхозаветная птица мира, обитая в городских пределах бок о бок с человеком. Как они ещё не разучились летать?

Из полуфилософского состояния меня вывел увесистый хлопок по плечу.

— Пунктуальность — это хорошо, — констатировал не пойми откуда появившийся инструктор. — Пошли!

И мы пошли. Углубившись во дворы, лишь отойдя за первый ряд домов от центральной улицы, мы погрузились в лабиринт обветшалых зданий, заборов и помоек. Никаких благоухающих клумб и свежих зелёных лужаек, никакой показухи для приезжих — город как он есть. Впрочем, и здесь кипела жизнь: шумела на площадках малышня, подрёмывали у колясок молодые мамаши, деловито прогуливались помятые и грязненькие коты.

Миновав всё это самобытное великолепие, мы выбрались на узкую улочку и с ходу упёрлись в импровизированный музей мототехники под открытым небом. Чего здесь только не было! На парковке перед баром красивым рядком, переливаясь разноцветными молдингами, слепя хромом, стояли мотоциклы самых разных стилей. Ерёменко уверенно шагнул в двери бара, и я, с трудом оторвавшись от эдакого зрелища, последовал за ним. Я ожидал увидеть байкерский притон, что-то вроде сумрачного кабака с блэкджеком и распутными девицами, где сигаретный дым стоит коромыслом и пиво течёт по бородам и животам рекой, а в рот не попадает. Однако я ошибся, нас встретило светлое и просторное заведение с приличной, степенной публикой.

Бармен кивнул нам как завсегдатаям и предложил комплимент в виде пары небольших бокалов холодного до сведения зубов пива. Пока мы цедили освежающий напиток, ждали еду и с аппетитом её поглощали, разговор особо не клеился: инструктор был сосредоточен, словно на чайной церемонии. Зато после того как мы уничтожили по сочному бифштексу с овощами на гриле, беседа потекла бурным потоком, как и алкоголь. Переместившись за барную стойку, мы намертво застолбили два укромных места у окна и уже не сходили с них, кроме как по крайней нужде. Разговор шёл обо всём и ни о чём, одна тема цеплялась за другую, находились точки соприкосновения.

Именно таких задушевных бесед часто не хватает обитателям мегаполисов, которые живут бок о бок, но общаются через «Фейсбук». Что говорить, я ведь сам из таких — бледнолицых затворников-интеллигентов средней полосы.

Свет угасавшего дня давно сменился желтоватым уличным освещением; навалившая под вечер байкерская братия разъехалась, рыча моторами на все лады. Я давно потерял счёт опрокинутым рюмкам, и по всему выходило, что и нам пора закругляться. Ерёменко расплатился наличными, и тепло попрощавшись с барменом, мы покинули гостеприимное заведение.

Ночной город оказался не так ласков: улицы и тротуары залила прохлада, снова накрапывал дождик. Однако это помогло быстро протрезветь, ведь накидались мы добротно. Без труда нашли обратный путь и через несколько минут бодро шагали по бульвару. Теперь здесь стало тихо и безлюдно. Решено было добраться пешком до первого крупного перекрёстка и оттуда разъехаться на такси, но планам помешал внезапный окрик: «Закурить не найдётся?» В два бодрых голоса мы с инструктором ответили, что не курим.

— Слышь, мне не интересно, курите вы или нет. Я за другое спросил, — донеслось с затенённого деревьями участка аллеи.

Ерёменко остановился и повернулся в сторону дерзкого курильщика, я подобрался, чувствуя, что запахло разборками. Остатки хмеля вылетели в ту же секунду.

Из тени вышли трое: не гопота, но и не матёрые уголовники, однако выражения лиц и манеры не сулили ничего хорошего. Парни, чуть помладше меня, обступили нас и хищно оглядели.

— Если сигарет нет, то, может, деньжат подкинете? — выступил вперёд один из них.

Ерёменко упорно молчал, невозможно было понять его настрой. Оппоненты стали яростно двигать желваками и понемногу напирать. Я приосанился и взял себя в руки.

— Ребят, мы приезжие, вот решили посмотреть ваш город. Отдохнули, прогулялись, всё понравилось. Может, не будем портить впечатление? — решил я разрядить обстановку.

— Та кто ж вам мешает отдыхать? Мы вот тоже отдыхаем с пацанами, да не рассчитали малость. Так чё, подкинете на пивко? — главарь был явно настроен получить своё — вернее, наше.

Снова повисла пауза.

— Да чё с ними базарить? — не выдержал другой, весь какой-то дёрганый. — Гоните бабки, телефоны, а то поедете домой в неудобных позах. Приезжие, бля… Понаехали!

— А ты чего зыришь так дерзко, папаша? Первым хочешь выхватить? — попёр на Ерёменко третий, тот что поздоровее.

Нас с инструктором окружили, и волей-неволей пришлось встать спиной к спине. Я не уловил момента, когда завязалась сумбурная потасовка. Ерёменко явно схватился со здоровяком, а ко мне примеривался «дёрганый», то наступая, то отпрыгивая, пытаясь достать рукой.

Я дрался когда-то. Не часто, но у меня даже были проблемы в школе из-за этого. Приходилось и в институте, но не очень серьёзно. Чтобы ударить кого-то, мне требовались очень веские причины. И сейчас я просто впал в некий транс, не зная, что делать, лишь уворачиваясь от ударов. Никакой ярости по отношению к трём маргиналам я не испытывал. Но вдруг противник умудрился заехать мне носком кроссовка по подбородку, зубы неприятно клацнули, в черепе отдалось сухим щелчком, во рту разлился вкус крови. Что-то включилось во мне, что-то забытое, мозг ещё продолжал тупить, а тело сделало неожиданный выпад ногой в сторону нападавшего. Тот как раз собирался укрепить свой успех и налетел грудью на жёсткий каблук. Мне показалось — или и правда раздался лёгкий хруст? Как бы то ни было, «дёрганый» потерял равновесие и повалился на землю, обнимая ушибленное место. Слева мельтешил главарь, но уже не пытался атаковать. Я быстро обернулся и увидел, как Ерёменко уложил на тротуар здоровяка.

Дело было сделано, мы отступили, осматриваясь. Главарь подскочил к здоровяку и принялся его поднимать. Оба они, а затем и третий, когда продышался, начали осыпать нас такими ругательствами и угрозами, что у меня мелькнула мысль добить ублюдков сразу, дабы они не воплотили в жизнь свои обещания.

— Идём, — бросил Ерёменко, а я только этого и ждал.

Пройдя с полсотни метров, я не выдержал и оглянулся. На тротуаре в тени раскидистой липы уже никого не было. Мы понемногу расслабились и начали обмениваться впечатлениями, но только ступили на пешеходный переход, как путь нам, скрипнув тормозами,

преградила старенькая BMW. Из автомобиля высыпали уже пятеро, включая тех троих. Понять намерения группы молодых людей оказалось несложно, сейчас нам будут наносить хаотичные удары ногами и различными предметами, мелькавшими в руках.

Я почему-то вспомнил о Вике, подумал, станет ли она ухаживать за мной, если я впаду в кому. Вспомнил о маме — каково ей будет управляться с двумя калеками? И услышал только выдох моего инструктора Василия Ивановича Ерёменко: «Вот это вы зря… Ох, зря».

Дальнейшее заняло секунды, однако время замедлилось, и я видел, как мой компаньон скользит по дуге, нанося противникам короткие, но мощные удары руками.

Стрелки часов побежали с нормальной скоростью, вернулись звуки окружающей среды, проносились машины, по другой стороне улицы прошла, поглядывая на нас, компания молодёжи.

По земле веером распластались стонущие и ворочающиеся тела. Василий Иванович выпрямился и поймал мой полный недоумения взгляд.

— Учись, стажёр, — усмехнулся он. — Смотри сюда.

Инструктор поднял чей-то выпавший телефон и плотно обхватил ладонью левой руки. Затем сжал кулак. Внутри что-то жалобно хрустнуло и вспыхнуло. Когда кулак разжался, на тротуар посыпались мелкие осколки.

Через минуту, наскоро попрощавшись, я возвращался в гостиницу на заднем сидении такси.

12. Стажировка с риском для жизни

Спиртное не только усиливает эмоции, оно, как бы правильнее выразиться, может ещё и вскрыть характер. Иногда стоит напиться с человеком, чтобы тот открылся с ранее не известных сторон. Преследовал ли Ерёменко именно эту цель, приглашая меня на алкогольные приключения, осталось загадкой, но означенные приключения запомнятся надолго.

Ранним утром следующего дня я сдал номер и выбыл из отеля. Ерёменко подобрал меня на улице, и мы помчались по пустому ещё городу на выезд в южном направлении. На посту ДПС нас традиционно остановили для проверки документов. Инспекторы смотрели настороженно, с ног до головы закованные в броню.

Позавчера во время посиделок в баре я не мог не задать вопрос по поводу напряжённой обстановки в городе. И инструктор поделился сведениями. Сам Василий Иванович также находился в регионе по долгу службы, но странные события успел застать. Чуть больше двух месяцев назад случился ряд происшествий, заставивший правоохранительные органы перейти на чрезвычайный режим работы. Вскрылись несколько дремлющих террористических ячеек, в результате город на несколько дней превратился в арену для штурмов, облав и погонь со стрельбой и взрывами. Помню, тогда в центральных СМИ проскочила информация, но незначительная, без шумихи. Близился курортный сезон. Город взяли под контроль, но даже спустя время никто не расслабился. Видимо, было ещё чего опасаться.

Продолжение истории Ерёменко предпочёл не рассказывать, предупредив, что я сам скоро всё увижу. И вот этот день настал. Мы проехали около сорока километров по федеральной трассе М4 и свернули к, на первый взгляд, ничем не примечательному посёлку Молькино. То был крохотный населённый пункт в две улицы, но вполне чистый и уютный, с утопавшими в зелени домами. Среди частных дворов возвышалось несколько многоэтажек: пара трёхэтажных бараков первой половины прошлого века постройки и такой же трёхэтажный многоквартирный дом, только более современный. К нему мы и подкатили.

Когда я вышел из автомобиля, меня как будто захлестнуло тёплое воспоминание. Этот маленький самобытный дворик перенёс меня в глубокое детство — туда, где я солнечным воскресным днём в компании такой же малышни ковырялся в песочнице под жестяным грибком. На ветках кустов галдели воробьи, а счастливые советские автолюбители деловито копались в своих «Жигулях» и «Москвичах». В Молькино всё было так же безмятежно, о реальности напоминал только шум близкой транспортной артерии. А ещё тихонько матерившийся себе под нос Василий Иванович, тасовавший в багажнике объёмные тюки, среди которых был и мой баул.

Позавчерашний трюк с растиранием в порошок телефона и отправкой в нокдаун пятерых молодчиков дался моему инструктору ценой левой руки — точнее, её тайны. На самом деле рука попросту отсутствовала ниже плеча, а её место занимал совершеннейший протез, подобных которому я не видел даже в футуристических передачах на канале «Дискавери». На вид то была обычная рука с абсолютно нормальной функциональностью, а вот что находилось внутри, так и осталось загадкой. Поэтому сейчас я невольно присматривался к манипуляциям Ерёменко, пытаясь уловить фальшь в работе идеального устройства, виртуозно заменившего человеку конечность.

Через пару минут мы стояли в прихожей квартирки на последнем этаже и осматривали апартаменты. Все помещения были настолько компактными, что казалось, их проектировали гномы или хоббиты. Правда, комнаты, обставленные современными мебелью и техникой, выглядели опрятно и свежо.

— Конечно, это не «пять звёзд», — прокомментировал Ерёменко, — но польза квартиры не в ней самой, а в её расположении.

— Да ладно. Мне приходилось жить в гораздо худших местах, а это — очень даже ничего.

— Не мажор, — констатировал инструктор, грохнув баулы на пол, да так, что на кухне звякнули стаканы. — Это хорошо. Тогда располагайся. А я тут кину и свои вещички, буду у тебя переодеваться перед полигоном. В последнее время в городе люди в камуфляже привлекают слишком много внимания. Так что и тебе рекомендую появляться в общественных местах в чисто гражданском облачении.

— В каких общественных местах? — невольно вырвалось у меня.

— Ну, для начала в паре кварталов отсюда находится страусиная ферма с нормальным кафе. Там можно хорошо поесть, в смысле, первое, второе, третье и компот. Во-вторых, дальше по трассе стоит город-курорт Горячий Ключ. Там красивые места, можно воздухом подышать, минеральной водички попить. Кафе, рестораны, опять-таки. Рекомендую. А вообще, в плане питания дам тебе ценный совет: в соседнем доме (том, что второй от трассы) в пятой квартире живёт баба Фрося. Идёшь к ней, говоришь, что твой молодой организм нуждается в правильной, полноценной пище. Она скажет, каких продуктов купить. И полный пансион в лучшем виде тебе обеспечен. Денег возьмёт — сколько дашь, сама она цену не устанавливает. А сейчас, если по нужде надо или водички попить, то давай. Затем переодеваемся и немного прокатимся, дам тебе вводную.

Наскоро собравшись, мы снова куда-то поехали. Я ожидал чуть более длинного пути, но «поднырнув» в тоннель под трассой, мы почти сразу упёрлись в контрольно-пропускной пункт. К шлагбауму вышел молодой парень в облачении военнослужащего Вооружённых Сил Российской Федерации. Ерёменко шагнул навстречу, они перекинулись парой слов, и Василий Иванович передал несколько извлечённых из кармана кителя документов, с которыми парень исчез в здании караулки. Пока мы ждали, инструктор покопался в багажнике, обошёл вокруг машины, совершив какие-то манипуляции у переднего и заднего бамперов. Вскоре солдат вышел, вернул документы и, козырнув, чего я не мог не отметить, предложил следовать далее.

Внедорожник покатил по неширокой дороге, с обеих сторон тянулся густой низкорослый лесок. Миновав возникшую почти сразу развилку, мой инструктор, как я понял, всё-таки начал вводить меня в курс дела.

— Ничего тебе здесь не знакомо? — поинтересовался он.

— Никак нет, — покачал головой я.

— Населённый пункт Молькино славен тем, что в его окрестностях дислоцируется десятая отдельная бригада специального назначения. Фактически мы сейчас на её территории. Но сама часть расположена левее, доступ туда, разумеется, ограничен. А мы направляемся на полигон. Кстати, погода нам благоволит.

Ерёменко высунулся из окна и посмотрел вверх, я последовал его примеру. Неплотные серые облачка рассеивались, позволяя яркому

летнему солнцу полноправно плыть по небу. Из-за поворота показался военный тентованный «Урал», за которым шли ещё несколько таких же, а замыкал строй старенький «ЗИЛ»-водовозка. Василий Иванович предусмотрительно принял к обочине, чтобы пропустить колонну.

— Смотри-ка, ещё и обеда нет, а воду уже всю выбрали. Видать, жаркий денёк намечается, — прокомментировал инструктор, взглянув на свои часы марки «Победа», имевшие необычный двадцатичетырёхчасовой циферблат.

Когда стало понятно, что армейская техника прошла вся, мы неспешно двинулись дальше.

— Тут вот понимаешь, какое дело, — продолжил Ерёменко, — мы присутствуем при довольно знаменательном событии. По сути, здесь впервые в истории современной России формируется сила, основанная на воле обычных людей и возможностях армии. Что-то вроде народного ополчения. Ты увидишь занятную картину. Это не тот протухший винегрет, что крутят по ящику. Я сам пока не понимаю, как технически удалось реализовать подобное в рамках законодательства, но оно работает. Сейчас сам увидишь.

Буквально через минуту деревья по обочинам расступились, и пыльная гравийка побежала по обширному полю, справа ограниченному лесополосой, а слева уходившему за горизонт. Автомобиль прокатил с километр, и наконец я понял лёгкое воодушевление моего компаньона. Здесь, на военном полигоне, действительно происходило нечто масштабное.

На первый взгляд, открывшаяся взору картина походила на военные учения, но при внимательном рассмотрении я изменил мнение. Скопление людей, техники и сооружений больше напоминало рок-фестиваль под открытым небом. Только вместо праздношатающейся молодёжи виднелись мужчины разных возрастов, одетые в камуфляжную одежду рыболовно-охотничьего и военного типа. Люди не выглядели слишком серьёзными или собранными. Одни бродили в тельняшках, а другие вообще с голым торсом, подставляя солнцу кто широкие плечи, а кто и пивной живот. То тут, то там мелькали кубанки — традиционные головные уборы казаков.

Слева от дороги расположилась группа военных палаток — от больших солдатских до средних по размеру офицерских. Все они

стояли в чистом поле, вокруг прямоугольного грунтового плаца, утоптанного до состояния асфальта.

Справа же в широкой и густой лесополосе кипела основная жизнь — здесь был разбит лагерь. Да какой! В тени деревьев прятались уже жилые палатки: небольшие армейские и обычные туристические, легкомысленных расцветок. Кое-где курились серым дымком полевые кухни, вокруг них на деревянных скамьях за широкими столами расселись люди. Некоторые столовые имели капитальные на вид широкие навесы. Ни дать ни взять партизанский лагерь на тысячу-полторы душ.

По обочине, в теньке тянулась длинная вереница гражданских легковых автомобилей. Проехав их основное скопление, инструктор припарковал и свой внедорожник.

— Ну как? — поинтересовался он с ухмылкой.

— Похоже на сборы резервистов, — выдвинул я версию.

— Ты прав, — кивнул Ерёменко, — только резервисты тут непростые. Во-первых, многие из них добровольцы. Во-вторых, контингент очень разношёрстный. Есть и обычные гражданские без особой воинской обязанности, но в основном — реестровые казаки из казачьих обществ. Раньше на полигоне проходили ежегодные сборы, но так, ни шатко ни валко: соберутся казаки, промаршируют, постреляют из автоматов да разъедутся. Но вот с прошлого года началась другая активность. Сборы стали проходить регулярно, иногда параллельно с учениями в части. Разведчики, так сказать, тренировались на резервистах, и наоборот. А с весны разбили постоянный лагерь, и началось.

Мимо нас в сторону лагеря прошагал неровный строй разновозрастных мужчин, судя по шедшим впереди, изначально предполагавшийся как колонна по трое. Люди выглядели уставшими, но довольными. Одежда и снаряжение хоть и были у всех вразнобой, но выглядели опрятными и подогнанными. На нас они не обратили никакого внимания, даже закурить не спросили. Правда, напылили сильно, и мы, собравшиеся было покинуть машину, задержались.

— Так вот, слушай дальше, — продолжил Василий Иванович, — в лагере находится и иностранный контингент. Я не говорю об украинцах, белорусах: мы здесь все проходим как «свои». Я говорю о реальных иностранцах: сербах, молдаванах, чехах — настоящих чехах,

ну ты понял. Есть даже итальянцы и французы. В общем, скажу тебе, сошлись здесь интересы и нацгвардии, и спецслужб, и банальных наёмников, но главное — народ зашевелился. И как ему было не зашевелиться, когда БТРы по городу колоннами носятся и режим КТО в житнице России? В общем, костяк из казаков собрали, а к ним уже все остальные приросли. Кто бы там что про казачество ни говорил, но это реальная сила, готовая защищать регион и отстаивать интересы страны.

— Это интересно. Только каким боком мы тут пристроились? — задал я буквально только что родившийся вопрос. — Нет, я понимаю, конечно, что сборы — очень хорошая база для обучения. Но мы-то как связаны с народным ополчением?

— Вот это меньше всего должно тебя волновать, — скептически взглянул на меня Ерёменко, — хотя я тебя понимаю, все вы поначалу такие шугливые. Слишком много белых пятен. Ну пойдём, что ли, на свежий воздух, буду развеивать твои сомнения.

С этими словами инструктор выбрался из автомобиля и надел кепи, я последовал его примеру. Мы не спеша зашагали вдоль обочины по направлению к лагерю.

— Я сюда попал по знакомству, — начал без предисловий Василий Иванович. — Один из не последних людей в проекте — мой хороший товарищ. Но участвуем в мероприятиях на вполне официальных основаниях. И я, и ты, наши данные в списках, находимся на довольствии на время прохождения военно-полевых сборов. Правда, приписаны мы как раз к тому самому иностранному батальону, но не суть. Туда приписывают всех «залётных». Не робей, в общем, Романов, ты тут не первый мой курсант. И кстати, твоя жизнь теперь застрахована на круглую сумму, но всё равно не советую нарушать правила техники безопасности на военном объекте.

Я хотел было уточнить по поводу риска для жизни, но потом сообразил, что даже на учениях регулярных войск случаются потери личного состава, что уж говорить о сборище милитаристски настроенных гражданских. Успокаивало то, что на руках оружия ни у кого не было.

— А как всё же такого рода подготовка может пригодиться в моей работе? — задал я тогда свой главный вопрос.

— Ах да, постоянно забываю, что ты идёшь по неправильному плану стажировки. Вообще, все стажёры, хотя бы те, что проходили через меня, всегда начинали с теоретической подготовки, где получали все начальные вводные. А тебя вот прислали совсем «зелёного» на мою голову. На многое не рассчитывай, но объясню как смогу. Давай присядем.

Группы резервистов всё чаще собирались и отбывали колоннами в глубь полигона. Мы без труда нашли свободную грубо сколоченную лавку под раскидистым деревом. Издалека слышались переливы автоматных очередей. Где-то раскатисто говорил крупнокалиберный пулемёт.

И Ерёменко вкратце обрисовал ситуацию. Отчасти я получил подтверждение услышанному ранее, а заодно ответы на некоторые не высказанные ещё вопросы. Выходило так, что интересы фонда обширны, многие специалисты работают на аутсорсинге или получают гранты на исследования и разработки. Пристальное внимание уделяется историческим изысканиям — как архивным, так и натурным. Многие группы археологов роют землю по всему миру. И все ценные результаты их работ берутся под контроль с целью сохранения и изучения.

Когда такая группа находит что-то интересное и не может однозначно распорядиться находкой (то есть, например, доставить её для изучения в ближайший филиал), на место выезжают уже люди фонда, дабы объективно разобраться со всеми вопросами. Одним из таких людей, предположительно, буду я. Эта должность условно называется «наблюдатель».

Конечно, «наблюдатель» некомпетентен в научных вопросах, для этого в состав комиссии всегда включают эксперта, но задача первого — трезво и непредвзято оценить обстоятельства со стороны. На время работы комиссии сотрудник моей должности может полностью находиться под управлением из центра, являясь глазами и руками фонда.

Нередко случается, что интересные находки обнаруживаются в местах со, скажем так, неспокойной обстановкой. Тот же Ближний Восток — не самое благоприятное место для работы иностранных учёных. И если в Африку меня вряд ли зашлют, то вот в республики бывшего Союза — запросто. И тут в игру уже вступает силовая

составляющая: все комиссии, выезжающие за рубеж, комплектуются гидами или охраной. Эта роль отведена «Дип Корп». В зависимости от сложности региона группа может сопровождаться как водителем-экспедитором с навыками охранника, так и вооружённым отрядом уровня спецназа.

Чтобы «наблюдатели» умели вести себя правильно в сложных ситуациях и не мешали безопасникам выполнять работу, в программу стажировки включён данный курс тактической подготовки. Только все нормальные люди проходят его в самом конце обучения, а мне вот повезло. Ерёменко объяснил, что большая нагрузка на инструкторов в последние месяцы заставила менять установленные правила по обработке новобранцев.

— Ну что, — хлопнул себя по коленям Василий Иванович, когда тема в целом оказалась исчерпана. — Если я утолил твоё любопытство, предлагаю идти знакомиться с нашим комбатом.

13. Комбат-братушка

Легионеры стояли безо всякого намёка на обособленность, более того, расположились они почти в самом центре лагеря. Но я почему-то сразу понял, что мы зашли на их условную территорию. Возможно, подсознание уловило отголоски иностранной речи, мелкие бытовые различия в обстановке, где-то мелькнул незнакомый камуфляж.

Мы проследовали до внушительного навеса, который, судя по виду, неоднократно наращивался и укреплялся. С трёх сторон он был неплотно затянут маскировочной сетью крупного плетения, скорее для антуража. За самым большим столом в центре сидели трое. Особо выделялся великан во главе стола. При нашем приближении мужчины обернулись.

— Здраво, Горане! Драго ми што те видим у добром здравлю! — заговорил Ерёменко, обращаясь к здоровяку и делая приветственный жест остальным.

— Здраво, здраво, драги брате! Како си ти? — поднялся со скамьи Горане, протягивая руку моему инструктору.

— Хвала, добро сам! — ответил тот и продолжил уже на русском. — Вот привёз тебе новобранца.

Мужчины обнялись, как старые друзья. Далее все присутствующие, включая меня, обменялись крепкими до хруста рукопожатиями. Горане сказал что-то своим спутникам, и те, кивнув нам, удалились. Затем он оценивающе оглядел меня.

Это был высокий и крупный от природы мужик, с широченными плечами и огромными руками. Смуглое скуластое лицо обрамляли чёрные вьющиеся волосы средней длины и тёмная с проседью борода. Нос его сохранил явные следы давних переломов, а бровь рассекал довольно глубокий шрам. Смотрел Горане вполне добродушно, но чувствовалось, что при других обстоятельствах этот взгляд может вселить ужас и панику.

Хозяин жестом пригласил садиться, сказав на грубом, но понятном русском, что «в ногах правды нет».

— Я Горан, позывной «Гора», — сообщил он. — Так и говори. Званий, фамилий мы тут не называем. Не нужно. Я и мои люди —

сербы, будешь с нами разговаривать. А остальные по-русски — плохо.

— Сергей, — представился я в свою очередь.

Серб извлёк из кожаной планшетки кипу листов в пластиковом скоросшивателе и быстро пробежался по страницам.

— Романов Сергей? — спросил он, делая ударения на первые слоги.

Я кивнул. Потом подтвердил словами, вспомнив, что не у всех народов кивок означает согласие.

— Распишись, — пододвинул мне список и авторучку Горан, предварительно проставив сегодняшнюю дату.

Я пробежался глазами по документу и поставил автограф. Это был обычный список: ФИО, год рождения, прописка и прочее. Я стал привыкать, что мои личные данные используются без моего ведома как угодно.

Дальше Ерёменко разъяснил, как правильно вести себя на полигоне, как представляться патрулям, случить таковым попасться на пути. По каким вопросам и как обращаться к Горану, если сам инструктор вдруг окажется не доступен.

Затем Василий Иванович придвинулся ближе к сербу, и разговор между ними продолжился на пониженных тонах. Говорили они на смеси русского, сербского и английского языков и в обсуждении упоминали абсолютно неизвестные мне термины, фамилии и события. Информация явно не предназначалась для чужих ушей, и мне польстило, что всё происходило при мне. Правда, я мало что понял и уловил лишь общий смысл разговора. Ерёменко интересовался обстановкой, а Горан сообщил, что пока всё спокойно, но… А вот что «но», я так и не расшифровал.

Серб угостил нас прекрасным травяным чаем из своего термоса, мы тепло распрощались и отправились в обратный путь. Дело шло к обеду, и у полевых кухонь стало заметно оживление. Потянуло дымком. С полигона подтягивались резервисты.

Мы вернулись ко внедорожнику, и только сейчас я заметил чехлы на его номерных знаках. На мой праздный вопрос о цели использования чехлов инструктор ответил, что здесь многие так поступают, учитывая специфику деятельности. Например, сотрудники спецслужб, обучающие резервистов, закрывают номера по известным причинам, как иногда скрывают и собственные лица. Также на полигон

заезжают чиновники, высокопоставленные военные, которые в силу неоднозначности происходящего не желают афишировать своё присутствие здесь. Ерёменко не подпадал ни под одну из категорий, но его служебный Mitsubishi был зарегистрирован в Иркутской области, и инструктор просто не хотел привлекать внимание необычным номером региона. «Конспирация — наше всё», — выдал он то ли в шутку, то ли всерьёз.

— Одного не пойму: что здесь делают сербы? — спросил я под шумок.

Инструктор не ответил сразу. И взял импровизированную паузу, пока мы садились в ощутимо прогревшийся даже в тени салон.

— Горан — это и есть ваш товарищ, который находится у верхушки проекта? — продолжил я. — Вы явно давно знакомы, возможно, работали или служили вместе, долгое время либо в сложных условиях? Но не возьму в толк, что иностранцы делают на территории российской части спецназа.

— В общем, ты всё правильно подметил, — Ерёменко завёл машину, — и я с тобой буду говорить начистоту. Только мотай на ус, под грифом «Для служебного пользования». Уяснил?

— Так точно, — отозвался я и уточнил: — А вам за разглашение ничего не будет?

— Какое разглашение, Романов, ты о чём? — усмехнулся инструктор. — Между сотрудниками нет никаких секретов, если того не требуют конкретные обстоятельства. А я, между прочим, ещё и чужую работу делаю: наполняю твою пустую голову.

Мы потихоньку попылили в сторону выезда с полигона. Навстречу проехала заметно потяжелевшая водовозка, очевидно, пополнив запасы питьевой воды.

— Что ты знаешь о ЧВК? — собрался с мыслями собеседник.

— Если вы о Частных Военных Компаниях, то я наслышан. Более того, предполагаю, что наш «Дип Корп» таковой и является. При том что в России подобные организации запрещены.

— «Дип Корп» не совсем ЧВК. Это скорее private security company — охранная компания, но не военная, — пояснил Ерёменко, — они не занимаются наступательными операциями и военным консалтингом как таковым. Они только охраняют и защищают. В России нет прямого запрета на ЧВК, есть отдельные статьи Уголовного кодекса,

запрещающие наёмничество и создание незаконных вооружённых формирований. И если внутреннюю законодательную базу худо-бедно подтянули, то на международном уровне есть множество конвенций, которые ограничивают подобную деятельность.

— А как же американцы и британцы работают? — задал я наивный, в общем-то, вопрос.

— Да так и работают — что им устав ООН и какие-то там конвенции? Они ведь эти правила используют только в собственных интересах. Да и какая ООН? Все творят что хотят. Ты новости смотришь? Соберутся в Нью-Йорке, губами пошлёпают, а люди так и мрут, словно мухи, тысячами. Целые народы уничтожаются под корень. Что мы делаем, когда слышим в новостях про шестьдесят погибших в теракте на юге Ирака? Сочувствуем? Ужасаемся? Нет. Отпиваем пивка и переключаем канал. Вот поэтому если мы себя не защитим, то никто не защитит. Я не говорю о Вооружённых Силах РФ, я имею в виду тебя, себя, Горана.

— Так что, здесь формируется наша первая полноценная ЧВК? — предположил я.

— Не первая, уже не первая. Когда американцы и британцы стали активно применять ЧВК, то штат их резко раздулся, туда потянулись солдаты удачи со всего мира. И весьма ценились славяне — неприхотливые, жёсткие и опытные солдаты. После распада Союза и Восточного блока многие хорошие вояки остались не при делах, и немало их хорошо устроилось в тех коммерческих армиях. Потом, к середине двухтысячных, в США и Британию стали возвращаться парни из Ирака и Афганистана, им требовалась работа. Правительствам пришлось надавить на компании, ведь тем выгоднее было работать с чужаками: никакой ответственности, невысокая по западным меркам оплата труда. И постепенно контракты с иностранцами перестали продлевать и заключать в прежних объёмах. И народ потянулся обратно. Кто завязал с войной, а кто сколотил нелегальные артели и занимался всем понемногу. К десятому году на Балканах, в Приднестровье, в том же Крыму располагались базы наёмников. Но всё резко изменилось, когда Восточную Европу как по команде наводнили ЦРУ-шники. Англосаксов встревожило неожиданно начавшееся укрепление и сплочение славянских народов, ну и в первую очередь самой России. И они привели в действие план-

хаос, успешно отработанный по всему миру. Только не ожидали, что встретят сопротивление национальноориентированных наёмнических бригад. Несколько карательных отрядов, используемых шпионами для грязных операций, буквально растворились в Дунае. После такого отпора были подключены предатели во власти, и «вопрос наёмников» стали решать на условно законных основаниях. Парням снова пришлось покидать насиженные места, а некоторым просто некуда было возвращаться. В итоге удалось сохранить две базы: в Крыму и в Приднестровье. А сейчас они представляют собой серьёзные учебно-тренировочные комплексы с хорошим обеспечением. Новую шикарную базу выстроили на Кавказе, но там, понимаешь, свой контингент. В общем, кому сильно припекло, приезжают сюда, дело для всех находится. Вон, французов раненых привезли. Теперь восстанавливаются. А отсюда желающих посылают в горячие точки, реального опыта набираться. Но! Пока это полулегально.

— Мне кажется, нам не дадут легализовать эти силы, — поделился я соображениями.

— Может статься так, Романов, что уже и спрашивать никого не придётся, — усмехнулся инструктор. — Нехорошее что-то затевается, очень нехорошее. Ты представляешь себе ситуацию, при которой иностранные граждане с сомнительной репутацией приезжают в Россию безо всякой визы, получают медпомощь и встают на довольствие воинской части?

Я не представлял такую ситуацию и поэтому ничего не сказал. Оставшуюся часть пути мы молчали, каждый думал о своём. На КПП Ерёменко отметился и снял чехлы с номеров. По прибытии в съёмную квартиру он на ходу переоделся, попрощался и уехал, наказав завтра к восьми утра быть полностью готовым к выезду.

14. Новый опыт

На следующий день Ерёменко прибыл без четверти восемь. К этому моменту я полностью собрался, оставалось только надеть ботинки. Инструктор молниеносно переоблачился, попутно изучая обстановку в квартире, похоже, на предмет возможного компромата. И мы отправились на полигон.

Вчера, по возвращении, я совершил обзорную экскурсию по населённому пункту, которая не заняла и получаса. Куда бы я ни направился, везде проходил не более двух кварталов, а дальше простирались бескрайние поля с редкими перелесками. Тогда я, нагуляв аппетит, заглянул-таки в кафе, рекомендованное Ерёменко. Это было уютное и приличное заведение. Ассортимент блюд не поражал разнообразием, зато еда оказалась свежеприготовленной и вкусной. Вначале на стол поставили густую и в меру холодную окрошку. На второе принесли мясо, запечённое с картошкой, грибами и сыром. Не знаю почему, но я в шутку преобразовывал все названия мясных блюд, подставляя вместо «говядины», «свинины» или «птицы» сочетания типа «мясо мёртвых свиней», «…коров» или «…куриц». Как вам строчка в меню ресторана: «Тефтельки пикантные из мяса мёртвых свиней»? Не каждому такая терминология показалась бы забавной, но по крайней мере я не питал иллюзий касаемо происхождения мясных продуктов. И вот я впервые попробовал «мясо мёртвых страусов». Оказалось ничего.

Придя домой, посидел в интернете, посмотрел пару фильмов, мариновавшихся на моём лэптопе уже целый год. И понял, что делать больше нечего. А когда делать нечего, нужно либо ложиться спать, либо заниматься физической активностью. Выбрал второе.

Надел маскхалат, распаковал второй комплект лёгких ботинок (типа кроссовок), нацепил их. И снова отправился на экскурсию по окрестностям, только уже по большему радиусу. Конечно, в любой российской деревне молодой человек на пробежке выглядит как минимум глупо. Местные, скорее всего, сочтут его бездельником, впустую тратящим силы, вместо того чтобы управляться по хозяйству или расслабляться с пацанами на завалинке. Однако я наплевал на

стереотипы и углубился в поля, где помимо полезной нагрузки получил немало удовлетворения от открывавшихся видов.

Намотал километров десять, даже не натерев мозолей. И вернувшись в квартиру, понял, что спать теперь точно буду хорошо. Стемнело непривычно мгновенно, как это и бывает на юге. Солнце буквально упало за горизонт. Я написал сообщение Вике, и та предложила созвониться.

Вика рассказала мне о своём небольшом бизнесе. Лет пять назад она вдвоём с приятелем открыла частные курсы вождения мотоциклов. А теперь в их активе числились собственное помещение за городом, небольшой склад мотозапчастей и государственная аккредитация школы для водителей категории «А». Конечно, отец помог с покупкой заброшенного цеха, но на правах инвестора. Бизнес приносил доход и работал уже на таком уровне организации, который позволял не принимать личного участия в техпроцессе. Однако Вика всё равно периодически проводила индивидуальные занятия и частенько зависала на площадке и в офисе. Но вот после трагедии с отцом она ещё ни разу не появилась в своей мотошколе. И первое, что я посоветовал, — это как можно скорее заняться делами, пока партнёр не отжал бизнес себе. Девушка восприняла шутку и даже немного повеселела. Эх, Вика, Вика. Как же странно всё получилось. И ведь я уже скучаю по тебе.

Мы болтали целый час, и напоследок я пообещал, что когда вернусь в Питер, сразу приеду к ней на индивидуальные курсы вождения. Затем я мгновенно уснул под монотонное звучание аудиокниги в плеере. Ночью поднялся сильный ветер и до утра завывал где-то в вентиляции.

А сегодня предстоял жаркий день. На небе ни облачка. Ветер окончательно просушил землю и гонял по дороге небольшие пылевые вихри.

Серб встретил нас у центрального выхода из лагеря. Вернее, мы его там нашли. Горан общался с каким-то майором нацгвардии и ещё одним — лихого вида кубанским казаком в возрасте, с длинными закрученными усами. Вокруг них собирались обычные резервисты. Мы поздоровались.

— Палыч, — обратился серб к казаку и указал на меня, — прими новобранца. Приписан к нам.

Палыч достал список и внёс туда мои данные. Потом отправился разбираться с остальными.

— Ну что, Романов, понеслось твоё обучение, — сказал Ерёменко и хлопнул меня по плечу. — Переходишь во временное подчинение к Трофим Палычу, до особых распоряжений с моей стороны.

— Так точно! — подтвердил я.

— Бойцы! Слушай мою команду! — прозвучал зычный голос нового командира. — В колонну по трое — становись!

Команда вызвала некоторую суматоху в наших рядах, не все сразу сориентировались, как становиться. Но через несколько секунд собрались во вполне удовлетворительного вида строй. «„Удавлетворительный“ от слова „удав“» — вспомнилась мне студенческая шутка.

— К месту прохождения обучения… шагом марш! — проголосил Палыч, и мы двинулись прочь от лагеря, стараясь шагать в ногу.

Мелкая белая пыль подымалась от каждого шага, и я не позавидовал тем, кто шествовал в хвосте колонны. Очень живо вспомнилась армейка — первые месяцы, когда всё казалось чуждым мне и бессмысленным. Потом ничего, пообвыкся, стал своим в штабе и даже в домах некоторых командиров. Теперь вспоминал то время с ностальгией. Вернее, вспомнил только сейчас, когда затопал берцами по пыльной гравийке. Ноги-то, они помнят.

По прибытии на полигон Палыч ушёл в здание командного пункта, приказав не расходиться. Солнце припекало, и только свежий пока ещё ветерок компенсировал жару.

Не успели бойцы разбрестись по окрестностям, как казак вернулся в сопровождении трёх военнослужащих в званиях от сержанта до старшины. Те разделили нас на три примерно одинаковые группы и, кратко представившись, сообщили о теме предстоящих занятий.

А ждала нас огневая подготовка во всех проявлениях, к коей мы незамедлительно приступили. Под шуточки и пыхтение наш сборный отряд принялся восстанавливать в памяти (а кто и изучать заново) материальную часть оружия и боеприпасов. Слушали инструкторов, снаряжали магазины, собирали и разбирали автоматы. Прямо здесь, в поле стояли простенькие учебные классы под жестяными навесами,

где мы в долгожданной тени прослушали ликбез по основам и правилам стрельбы.

Сначала я с какой-то нерешительностью отнёсся к происходящему, но когда осознал, что здесь никто ничего от меня не требует и ни к чему не обязывает, дело пошло веселее. Я пару раз сноровисто разобрал и собрал АКС, потом повторил то же самое на норматив. На мой вопросительный взгляд сержант, фиксировавший результаты, кивнул, мол, всё нормально. На удивление легко я решил пару задач на поправки и упреждения. Время летело быстро, слегка напрягала жара. Спустя часа четыре практически беспрерывного пребывания под открытым небом моя фляга почти опустела, а одежда успела несколько раз промокнуть от пота и высохнуть. И вот наконец нас привели к заветному стрельбищу, и стало понятно, что сегодня мы постреляем по-настоящему. Наш усатый командир, которого не было видно во время теоретической части, вдруг появился откуда ни возьмись и принялся поднимать боевой дух подопечных различными байками и анекдотами, когда мой служебный «кирпичик» призывно завибрировал в нагрудном кармане.

— Романов! — послышался из динамика голос Ерёменко. — Приказываю срочно прибыть к жилому лагерю! У тебя три минуты! Выполнять!

Я секунды поколебался, затем подтвердил получение приказа и, оповестив Палыча, направился в обратный путь. Прошло уже полминуты, когда я догадался, что, шагая даже очень быстро, не успею добраться вовремя. Пришлось перейти на бег. Выглядело это немного странно, но приказ есть приказ — я принял эти правила. К концу первой минуты я понял, что не проделал нужной трети пути, и пришлось припустить ещё сильнее. В итоге я всё же оказался в нужном месте спустя обозначенное время с небольшим хвостиком.

Василий Иванович скептически посмотрел на меня — краснолицего, промокшего от пота, конвульсивно втягивавшего воздух, затем взглянул на часы.

— В принципе, уложился, — констатировал он, — но мне не нравится твоя одышка. Надо бы подтянуть выносливость.

— Вообще-то я регулярно выхожу на пробежки, — пропыхтел я.

— Не важно, сколько ты тренируешься. Важно — как, — выдал инструктор. — Ну ладно, с этим мы разберёмся. А сейчас пошли к

машине, немного прокатимся.

— У меня форма насквозь пропотевшая и вся в пыли, я вам салон испорчу, — предупредил я.

— Спокойно, Романов, машина служебная, и девок я здесь не вожу, так что обойдёмся без жеманства. Залезай.

Я залез, и мы покатили по незнакомой мне грунтовой дороге в глубь полигона. Через пару минут я понял, что подъезжаем к стрельбищу, только с другой стороны.

— Ты что думал, оставлю тебя без десерта? — хмыкнул инструктор, выходя из автомобиля. — Пойдёшь стрелять как миленький.

И мы направились к пункту боепитания, где Василий Иванович перекинулся парой слов со старшим. Тот коротко велел парнишке, сноровисто вскрывавшему цинк, выдать нам патроны, что боец и сделал, протянув нам через окошко пять снаряжённых магазинов.

Мы подождали, пока отстреляются другие курсанты, и отправились на огневой рубеж. Мне сразу понравилось, что стрелять пришлось не из положения лёжа. В оборудованной траншее вести огонь предполагалось стоя, с удобным упором на бруствер. Правда, блеснуть навыками стрельбы мне это не помогло — да и какие навыки? В стрельбе из нарезного оружия я так и не успел попрактиковаться, хотя карабин был куплен с год назад.

К концу первого магазина я с горем пополам смог поразить ближайшую мишень, а дальнюю даже видел с трудом во время прицеливания. Ерёменко молчал. Я, не глядя на него, сменил магазин и по команде приготовился продолжать стрельбу.

Теперь я расслабился, представил себя пришедшим в стрелковый клуб с единственной целью — расстрелять десяток-другой патронов лишь для собственного удовольствия. Встал поудобней, взял низ грудной мишени на прицел, выдохнул и потянул спуск. Результата не было, но я заметил, как пули выбили грунт ниже цели. Видимо, недостаточно плавно спустил курок. Следующей короткой очередью я поразил мишень и перевёл автомат в режим одиночного огня. Дальше дело пошло лучше: после одиночных выстрелов оружие незначительно уводило в сторону от цели, и я мог быстро её находить и стрелять снова. Таким образом, я уже на седьмом патроне уложил ростовую

мишень. Наконец пришла определённая уверенность, и остальные магазины я потратил на закрепление навыков.

Примерно так же, как и тот день, пролетели следующие три. Полигон жил и работал круглосуточно, семь дней в неделю. Я учился оказывать первую помощь, метал учебные гранаты, стрелял из пистолета, автомата, пулемёта и даже был удостоен десятка выстрелов из СВД. Я повторял и улучшал некоторые показавшиеся мне сложными упражнения. Удивился, как хорошо работают с резервистами инструкторы от военных. Они терпеливо, доходчиво и, главное, до достижения положительного результата разъясняли нам все тонкости боевой подготовки. За эти дни я уже знал и умел больше, чем за месяцы военной кафедры и срочной службы. В конце учебного дня Ерёменко, как правило, проводил дополнительный инструктаж на тему того, как полученные навыки могут пригодиться именно мне. В этих наставлениях было множество примеров из его собственного опыта, и я убедился, что мой инструктор не потерял руку на пилораме, а прошёл огонь и воду, прежде чем оказаться на непыльной работе в Фонде.

Мы выезжали на полигон то в первую, то во вторую смену, через день. Стоит ли говорить, что за полдня занятий я уставал так, что ни о каких пробежках или поездках на минеральные источники речи не шло? Вкусные обеды и ужины мне готовила милая старушка из соседнего дома, к которой я всё же решил обратиться. О проблемах со сном я забыл напрочь.

Вот и сегодня после второй смены я добрался домой около семи. Плотно поужинал и не придумал ничего лучше, как завалиться на диван пересматривать экранизацию «Трудно быть богом» Стругацких.

Очевидно, я начал дремать на первых минутах фильма, выхватывая сознанием куски киноленты. Из благостного состояния меня нагло вывел надрывавшийся где-то в коридоре телефон. Звонил мой личный мобильный. Это была Вика, и с первых мгновений разговора я понял, что с ней что-то не так. Сонливость тут же улетучилась.

— Я хочу тебе кое-что рассказать. Это о моём отце, — начала девушка после короткого приветствия. — Я говорила, что он погиб. По официальной версии, его водитель не справился с управлением, выехал на встречную полосу, где столкнулся с грузовиком.

Вика всхлипнула, и на некоторое время в трубке повисла тишина. Я не стал встревать с неуместными расспросами, просто ждал.

— Но понимаешь, с того самого дня мне не верилось в несчастный случай, — продолжила она. — И вот сегодня мне позвонили какие-то люди. Папа всегда говорил мне не брать трубку, когда звонят со скрытого номера, но я подумала, что, может быть, это ты звонишь через интернет или ещё как-то. И взяла. Там был голос, искажённый, мужской. Он говорил страшные вещи, очень неприятные.

В трубке снова стало тихо, слышались только отрывистые вздохи.

— Серёж, я была права. Отца и его друга убили. И теперь им что-то нужно от меня.

— Они чего-то требовали? — задал я первый вопрос.

— Ничего. Просто наговорили кучу гадостей и бросили трубку.

— Это не может быть злой шуткой? У тебя нет врагов или завистников?

— Поверь, я знаю, что говорю, это не розыгрыш, — Викин голос зазвучал более собранно. — Скорее всего, это связано со службой отца. Он был военным, и мы постоянно переезжали с места на место. Потом дали квартиру, и мы наконец осели в пригороде Питера. Через время он уволился из армии и со своим другом открыл небольшой строительный бизнес. Всё было хорошо, но лет пять назад их снова позвали на госслужбу. Я не поверила, но они с партнёром продали бизнес и вышли на новую работу. До сих пор не знаю, чем он занимался. Папа всегда обходил эту тему стороной.

— Хорошо, я тебе верю. Где ты сейчас? — задал я второй ключевой вопрос.

— Я дома…

— У вас есть охрана или консьерж, есть с ними связь? — спросил я снова, не дав Вике закончить фразу.

— Да, есть консьерж в парадном, есть его телефон.

— Ты можешь позвонить ему и попросить подняться к тебе с телефоном, затем набрать с его телефона меня, а я тебе перезвоню? Да, и спроси, нет ли посторонних людей внутри.

— Хорошо, попробую, — согласилась Вика, к моему облегчению, без лишних вопросов. — Я перезвоню.

Разговор окончился. Как мне показалось, я только что убил сразу нескольких зайцев. Во-первых, занял голову находившейся на грани

срыва подруги конструктивными мыслями и решением конкретных задач. Во-вторых, консьерж проверит подъезд на предмет возможной угрозы. В-третьих, мы обсудим с Викой дальнейшие действия по нейтральному каналу связи, на случай если её телефон может каким-то образом прослушиваться. Но что дальше?

Около минуты я думал и колебался, но потом достал рабочий коммуникатор и сделал вызов.

— Даша, привет. Это Сергей Романов, — представился я, прежде чем понял, что в том не было смысла: мой «ангел» и так прекрасно видела, кто ей звонит. — Ты на работе?

— Здравствуй; конечно, я на работе, — приветливо отозвалась сотрудница. — А где мне ещё быть? К твоему сведению, у меня тоже стажировка.

— Не знаю, с чего начать. У одного хорошего человека там — в Питере — проблемы. Это девушка, ей угрожают. Опасаться есть повод. Её отец погиб недавно, и есть подозрение, что это не было случайностью. Не думаю, что обращение в органы даст быстрый эффект, но её нужно обезопасить, хотя бы на первое время. Я хочу пригласить её к себе, здесь она будет в безопасности. Ты можешь согласовать данный вопрос с кем следует?

— Повиси минутку, — только и сказала Даша после некоторой паузы.

В динамике заиграла музыка, а я перебирал резервные варианты действий.

— Сергей, скажи, кто эта девушка, кем она тебе приходится? — вновь послышался голос на том конце.

— Это моя хорошая подруга, мы знакомы много лет, ещё с института. Зовут Малтис Виктория Павловна, — начал я подбирать определение для Вики. — Вернее сказать, она для меня больше чем просто подруга… Постой, а это имеет значение?

— Имеет, — отрезала «ангел». — Я всё поняла. Жди звонка и не волнуйся. До связи.

Потянулись долгие минуты ожидания. Как всегда в подобных ситуациях, время будто вязко замедлилось. Вне зависимости от решения работодателя я был готов мчаться в аэропорт и лететь к Вике. Её безопасность волновала меня сейчас больше, чем новая, до конца так и не понятная работа. Причём опасения вызывало не только

физическое, но и моральное состояние девушки: на её долю выпали тяжёлые испытания.

Коммуникатор зазвонил скоро. Вызов шёл от Бонне.

— Привет, Паскаль! — чуть ли не заорал я в трубку. — Рад слышать!

— Привет, Сергей, — ответил тот. — Меня ввели в курс твоего дела и дали полномочия разобраться.

— Скажи, девушка может приехать ко мне сюда на время? — спросил я о главном.

— Конечно, может. Фонд никак не препятствует личной жизни сотрудников, особенно учитывая вашу ситуацию. Более того, я постараюсь помочь прояснить обстановку. Сейчас включи громкую связь и проверь входящие сообщения, я прислал тебе ссылку. Открой.

Я сделал, как просил компьютерщик, и увидел фото Вики в открывшемся профиле из социальной сети.

— Это она, — сообщил я Паскалю, поняв, зачем тот прислал мне ссылку.

— Отлично, значит, я не ошибся, — удовлетворённо откликнулся он. — Я запустил анализ обращений к её социальным профилям. Также, возможно, удастся вытащить историю поисковой активности в отношении её персоны. Но это займёт время.

— А ты можешь получить отчёт по звонкам на её телефон или как-то установить контроль над звонками, чтобы перехватить новые возможные угрозы?

— Нет. Этого не имею права сделать, — с сожалением ответил Паскаль. — Сестра работает гораздо эффективнее, чем даже веб-модуль СОРМ-2 спецслужб. Но вот сфера деятельности операторов голосовой связи для нас терра инкогнита.

— Получается, телефоны слушать нельзя, а компьютеры можно? А также не грех и результаты чужого интеллектуального труда использовать? — не удержался я от каверзного вопроса.

— Ох, Романов! Ты мне теперь до самой смерти не простишь того случая? Меж тем вы сами оставляете личную информацию в сети, а потом удивляетесь, как это злоумышленники на вас выходят. Никто не читает пользовательские соглашения — а ведь в них честно пишут, что будут следить за вами и собирать информацию, как статистическую, так и личную. Так вот я использую эту информацию с умом и только

во благо. Как и твой интеллектуальный труд был использован в очень важном деле. И дивиденды, которые ты получишь, поверь, оправдают даже самые дерзкие ожидания.

— Хорошо, извини. Ступил. Закрываю эту тему, — пообещал я, устыдившись своего неуместного сарказма. — И вообще, мне плевать на какие-либо собственность и личные данные. Для меня главное — сберечь девушку.

Паскаль выразил своё почтение такому проявлению заботы и начал было ещё что-то объяснять по поводу отслеживания запросов, но тут ожил второй мой телефон, и я быстро попрощался.

Я сбросил вызов и перенабрал номер звонившего в рабочий коммуникатор. Вика ответила сразу. Её голос прилетел ко мне за тысячи километров в какие-то секунды. Вот бы и сама девушка так же просто оказалась сейчас рядом!

— Это я, — сообщила Вика.

— Ты по-прежнему одна?

— Да. Консьержка оставила телефон и вернулась на пост. Я сказала ей, что бывший парень меня достаёт, и она обещала присмотреть за мной. Очень боевая женщина, блокадница. Подозрительных людей сегодня она не замечала.

— Хорошо, — сказал я, собираясь с мыслями, — Вика, приезжай… вернее, прилетай сегодня ко мне. Я нахожусь под Краснодаром в довольно безопасном месте. Решим здесь спокойно, что делать дальше. Только скажи: как и где твоя мама? Ей может что-то угрожать?

— Вообще-то, — ответила Вика грустно, — я хотела тебе сказать, но ты не дал. Дело в том, что мы давно уже собирались с мамой в гости к её сестре в Прибалтику. У нас и визы готовы. Только я передумала ехать и отправляла маму одну. Но теперь мы не можем рисковать, и нам придётся уехать. Я звонила сказать тебе, что улетаю сегодня. Прости. Я позвоню сразу, как только доберёмся.

Внутри что-то оборвалось: понимание того, что наша разлука может превратиться в расставание на неопределённый срок, больно резануло по сердцу.

— Не проси прощения, так будет даже лучше, безопаснее, — попытался я скрыть разочарование. — Только будьте очень осторожны,

держитесь вместе, держитесь возле людей. Если понадобится какая-либо помощь здесь, звони, я подключу знакомых, друзей.

Мы скомканно попрощались, телефон отключился. Я сел в кресло и тупо уставился в экран телевизора, где всё это время продолжалось кино. Угрюмый чёрно-белый фильм полностью отражал моё состояние опустошённости. Выходит, я зря затеял эту глупую операцию спасения, поставил на уши Фонд. А ведь вопрос был уже решён. В чём-то прав мой приятель Витя Кононов, когда говорит, что самые сложные проблемы начинаются там, где появляется девушка. Жил себе спокойно, стрелял из автомата, пил чай с сербами, готовился стать суперагентом секретной организации. А теперь что? Всё это стало смешным и бессмысленным.

Ты влюбился, Сергей Валерьевич. Втрескался как подросток. И твоя влюблённость усугубляется разлукой и оправданной тревогой за любимого человека. Этого ты хотел? А как же кругосветка на мотоцикле, полгода на Бали или Соловках? Ты свободный человек! Нет?

Фильм закончился. Стройными рядами прошли титры. Проигрыватель на подключённом к телевизору ноутбуке отключился, и через несколько минут по экрану побежали разноцветные полосы. Компьютер в режиме простоя не всегда бездельничает: он может, например, отправлять результаты телеметрии или дефрагментировать данные, собирая куски файлов по всей площади носителя и раскладывая их друг за другом для ускорения доступа. У людей это называется медитацией. Простыми её методами я овладел в пору экспериментов с различными психологическими и духовными практиками. Лёгкая медитация часто выручала меня в те моменты, когда нужно было упорядочить мысли, сконцентрироваться на чём-то важном. Вот и сейчас спустя каких-то пятнадцать минут я был спокоен и мыслил конструктивно.

Вика покидает страну и сможет пробыть за границей до трёх месяцев. За это время можно детально проанализировать ситуацию и начать принимать меры. С таким же успехом — или даже большим — можно было бы скрываться от злоумышленников и на родине, но поездку Вика с мамой запланировали заранее, и нет смысла от неё отказываться.

Уже сейчас Вика едет в аэропорт. В Санкт-Петербурге в это время ещё разгар активности: люди гуляют и развлекаются на все лады. Не думаю, что при соблюдении элементарных мер безопасности девушке что-то может угрожать.

Чего добивались звонившие? Они ничего не требовали, лишь запугивали. И это означает, что они либо просто хотели поиздеваться, либо подготавливали объект к выдвижению своих требований. В расчёте на то, что девушка, будучи запуганной, выполнит всё, лишь бы от неё отстали. В обоих случаях быстрый физический контакт с плохими последствиями маловероятен.

Таким образом, ситуация не требует каких-либо паникёрских действий, и я могу и должен продолжать выполнять обязанности на новой работе. Да, я могу ещё долго не увидеть Вику, и поэтому остаётся горький осадок. Но тут уже говорит скорее мой эгоизм, нежели здравый смысл.

«Дело было вечером, делать было нечего», — вспомнилась строка из детского стихотворения. Ни о каком блаженном безделье речь уже не шла. Я надел спортивный костюм и вышел из дома. Спустился к реке, пошагал по просёлочной дороге, погрузившись в размышления. Прохладный воздух, стекая в низину, приносил луговые ароматы. Кузнечики стрекотали летние серенады. Солнце целенаправленно катилось за горизонт.

Я гулял в окрестностях посёлка не меньше часа, когда зазвонил коммуникатор.

— Есть первые данные по твоей девушке, — с ходу сообщил Паскаль. — Ею заинтересовалось некое столичное издательство, занимающееся переводом и переизданием иностранной литературы. На первый взгляд, ничего необычного, кроме того что один из двух учредителей является гражданином иностранного государства. Вроде бы и тут всё сходится — занимаются адаптацией иностранной литературы для России. Но с IP-адресов, арендуемых организацией, было подозрительно много обращений к социальным профилям девушки. Я также установил профили, с которых происходили некоторые обращения. Эти профили, в свою очередь, заходили к ней и с других адресов. В совокупности я собрал больше пятидесяти обращений от них за тридцать четыре дня. Сейчас составляю более широкий круг обращений, а также пытаюсь получить историю

запросов в поисковых системах. Пришлю тебе ссылки на контору и на профили. Выясни у подруги, что ей о них известно. И пусть вспомнит, что могло произойти месяц назад, что вызвало всплеск интереса к её персоне.

— Боюсь, я знаю, что могло произойти месяц назад. Погиб её отец.

Паскаль замолчал.

— Она не приедет, — сообщил я новость. — У них с матерью нашлась возможность уехать за границу, и они ею воспользовались. Но я всё равно буду благодарен за помощь в разрешении ситуации.

— Будь уверен, я раскопаю всё, что возможно. Тем паче что у нас достаточно времени, — постарался успокоить меня компьютерщик. — А ты продолжай стажировку. Это важно.

Я был уже спокоен и не собирался нарушать установленный распорядок. Поэтому поблагодарил коллегу и попрощался. Вдохнул полной грудью свежий вечерний воздух, оглянулся по сторонам и побрёл обратно в своё временное пристанище.

***

Ещё с лестничной площадки услышал, как разрывался в недрах квартиры оставленный там мой личный мобильный. Я забежал в комнату, схватил аппарат и обнаружил там семь пропущенных вызовов с неизвестного питерского номера. Конечно, я перезвонил, и мне ответили.

Затем я сразу же набрал Паскаля и выпалил в трубку: «Она приезжает! Всё остаётся в силе!»

Через полчаса (именно столько пришлось ждать такси) я мчался в сторону краснодарского аэропорта. Вика позвонила мне и сообщила, что передумала лететь в Европу. Вместо этого ближайшим рейсом она прибывала в Краснодар под мою опеку. Сказать, что я обрадовался, значило ничего не сказать. У меня словно выросли крылья, на которых я воспарил, взяв курс на место встречи.

В аэропорту было людно. Толпы отдыхающих со всей страны отбывали и прибывали беспрерывно. С особо подозрительными гражданами беседовали сотрудники полиции, а их собаки как бы между делом обнюхивали багаж.

Я устроился в укромном месте, откуда хорошо просматривался выход для прибывающих пассажиров. Ждать пришлось недолго, и

когда в проходе появилась Вика, я вышел ей навстречу. Девушка волновалась не меньше моего, на её лице радость сменялась растерянностью, и наоборот. Только сейчас я понял, как скучал по ней. Мы обнялись и стояли так, пока поток пассажиров не стал напирать со всех сторон.

На обратном пути мне позвонил Ерёменко и поинтересовался, с какого перепугу система вдруг скорректировала данные по моей стажировке. Я рассказал, не вдаваясь в подробности, о приезде девушки. Инструктор ехидно пожелал нам спокойной ночи и напомнил о раннем подъёме.

А ночь и правда была спокойная. Мы быстро добрались. В темноте Вика абсолютно не поняла, куда же я её завёз, но после душа и чашки ромашкового чая успокоилась. Рассказала мне о том, что мама, будучи мудрой женщиной, предложила дочери ехать туда, куда подсказывает сердце, а сама отбыла в гости к родственникам, как и планировала. Дочь, будучи тоже неглупой девушкой, купила новый телефон и номер, с которого еле успела дозвониться до меня до посадки в самолёт.

Сейчас я чувствовал, что все условности в наших отношениях отпали сами собой, мы стали очень близки. Разговаривали чуть ли не обо всём, только о хорошем. Проблемы могли и подождать по случаю такой неожиданной, но желанной встречи.

Совсем скоро мы легли спать и, обнявшись, заснули крепким безмятежным сном. За окном пели сверчки и слышался отдалённый шум автострады. В эту ночь мне приснился первый из этих необычных снов.

15. В бегах

Утро было, конечно, добрым. Идиллию нарушала только необходимость отправляться на учения. Вика, вопреки ожиданиям, не стала отлёживаться в постели, а поднялась вместе со мной и принялась готовить завтрак. Без десяти восемь, как по расписанию, прибыл Василий Иванович. Познакомился с Викой, быстро переоделся в ванной, и мы отбыли на полигон.

— Честно сказать, я не в восторге от твоего пополнения, — сообщил инструктор, когда мы проехали привычный КПП, — хотя девчонка красавица, спору нет. Но чую, попортит она тебе всю мотивацию к работе.

— Без неё вся моя мотивация держалась бы только на морально-волевых, — возразил я, — а теперь я спокоен и готов продолжать стажировку с ещё большим рвением.

И я поведал всю нашу историю, начиная с того злополучного звонка. Инструктор в целом одобрил мои действия и больше уже не касался темы — лишь спросил, в каких войсках служил отец девушки. Я сказал, что не устраивал допроса и не планирую начинать, пока Вика не будет готова. Время ещё есть.

— Время ещё есть, — задумчиво повторил Еременко, и мы замолчали.

Мне вспомнился сегодняшний необычный сон. Крупный крокодил, примат вроде орангутанга и человек стоят передо мной. Человек наг. В них нет ничего неестественного, они словно разные части единого целого. На заднем плане простирается широкая равнина, ограниченная на горизонте горной грядой. Ландшафт и растительность непривычны для меня. Нигде на земле я не видел подобного. Тропическое болото — можно так описать местность. Тишина и безмятежность, только где-то вдалеке слышны крики неизвестных птиц. Я испытываю приятное волнение, как будто в предвкушении величайшего события.

Странность сна заключалась не в нём самом, а во впечатлении от него: я проснулся в восторге и помнил каждую мелочь до сих пор. Умные люди когда-то советовали мне не искать во снах больших

смыслов, ибо они не более чем отражение наших впечатлений и переживаний за определённый промежуток времени. Но вот в сегодняшнем сновидении я бы покопался, если бы дали.

Предстоял новый тренировочный день. После привычного брифинга в лагере с шутками, сплетнями и крепким чаем мы выехали на стрельбы. И я не был разочарован — как и три десятка других взрослых мужиков, с детским энтузиазмом разглядывавших и передававших из рук в руки современные виды стрелкового вооружения спецназа. Ребята из бригады решили устроить нам праздник. Под навесами возле стрельбища гвардейцы разложили не менее десятка единиц экзотического оружия, а также различные интересные аксессуары: от ночных прицелов до разведывательного беспилотника.

Судя по тому, что среди экскурсантов слышалась иностранная речь, в мероприятии, похоже, присутствовала и маркетинговая составляющая. Нам подробно перечислили все характеристики представленных образцов, рассказали как о достоинствах, так и, что интересно, о недостатках. Но первых было, конечно, больше. Да и какие, в конце концов, изъяны могут быть у таких легендарных изделий, как автомат специальный «Вал», винтовка снайперская специальная «Винторез» или винтовка СВ-98, которые стоят на вооружении не один десяток лет, но до сих пор выглядят более чем уверенно?

На теоретической части дело не кончилось. Все с воодушевлением проследовали к огневому рубежу. Возможность опробовать пистолеты-пулемёты я вежливо проигнорировал, зато занял очередь на автоматы и винтовки. Ерёменко старался держаться отстранённо, на уровне эксперта, однако его выдавал тот же мальчишеский огонёк в глазах. Хотя когда Василий Иванович приступил к стрельбе, стало понятно, что эти виды оружия он держит в руках как минимум не в первый раз.

Дальше я понял, что лично меня на вечеринку официально не приглашали. Потому как инструктор расстрелял только часть положенного боезапаса, а остатками поделился со мной. Очевидно, из-за специфики патронов военные выделили их в ограниченном количестве. Я был рад и малому. Вряд ли придётся когда-либо ещё пострелять из подобного оружия.

«Вал» был тяжелее, чем представлялось, зато когда дело дошло до стрельбы, он показался мне просто игрушкой. После двенадцатого калибра никакая отдача меня не пугала. АК с патроном 5,45 толкался в плечо умеренно, но у «Вала» отдача, по ощущениям, отсутствовала вовсе. Такого восторга от стрельбы я ещё не испытывал и поэтому с трудом отложил опустевший автомат. К некоторым образцам было даже боязно прикасаться, как, например, к неизвестной винтовке ВС-8, на которую мне не хватило патронов. Зато на «Орсис» достался целый магазин. Всё же хотелось попробовать скользящий затвор, тем более на модели такого высокого класса.

В итоге после обеда я вернулся домой абсолютно счастливым человеком. Мало того что для тридцатилетнего ребёнка пострелять из необычного, практически фантастического оружия — это уже счастье, так вдобавок Ерёменко объявил выходные, на два точно, а то и на три дня. Но самое главное — дома меня ждала любимая девушка. Прямо в коридоре я подхватил её на руки и поцеловал. Данное действие в малогабаритной квартире могло привести к травмам, но я заранее всё продумал и выбрал правильное положение.

Я переоделся, принял холодный душ — и только после этого заметил некоторые изменения в интерьере, произошедшие в моё отсутствие. Вика навела идеальный порядок, расставила всё по местам, кухня просто блестела. А на обед меня ждали красивый, наваристый куриный суп и в нагрузку салат из свежих помидоров и огурцов. Мне пришлось бороться со стойким желанием ущипнуть себя, дабы убедиться, что это не очередной сон.

Немного отдохнув и насладившись обществом Вики в спокойной обстановке, я предложил прогуляться. Это я резвился полдня на свежем воздухе, а она только за продуктами сходила, а затем как пчёлка готовила и убиралась. Мальвина согласилась, но не с той радостью, которую я ожидал. Похоже, ей хотелось побыть в покое. Однако мне подумалось, что горный воздух больше пойдёт на пользу, чем замкнутое пространство.

***

Город Горячий Ключ встретил нас неожиданной суетой. Я не так представлял себе курорт. Всё было как-то непривычно: жизнь на юге текла по-другому — более экспрессивно. Город выглядел приветливо, чисто, уютно, но нам с Викой хотелось сбежать от мира и просто

побыть вдвоём. Теперь я понял её настроение, но возвращаться было поздно. Тогда мы выведали у прохожих, где на самом деле находятся знаменитые источники, и отправились в указанном направлении.

Источники пришлось миновать, так как там царило сильное оживление, зато на тенистых аллеях людей было не много. Мы взялись за руки и побрели куда глаза глядят. Здесь начинались горы, и вверх по невысоким склонам поднимались уединённые дорожки. Чем выше мы заходили, тем сказочнее становился лес. Раскидистые ветви древних деревьев, сплетаясь где-то в вышине, защищали от палящего солнца, даже в полуденный зной здесь чувствовались влажность и прохлада. Крупные валуны и проглядывавшие то и дело скалы поросли ярко-зелёным мхом, где-то внизу звенела горная река. Мы поднялись на маленькую площадку, затерянную в лесной глуши, — это был тупик, асфальтированная дорожка закончилась. Посреди площадки находилось архитектурное изваяние в виде большой вазы, простоявшее здесь не менее полувека, в окружении пары таких же старых скамеек с чугунными остовами. Я оперся о вазу, в которой прижился куст шиповника, и слегка притянул Вику. Она обняла меня, прижавшись всем телом, и положила голову на мою грудь. Где-то в зарослях звонкими голосами переговаривались птицы.

— Тебе не кажется, что это всё происходит не с нами? — спросила Вика. — Как будто сон наяву. Я даже не до конца контролирую себя сейчас. Я могу стоять так вечность.

— Согласен, только мой сон начался немного раньше.

— Чем ты здесь занимаешься? — она неожиданно сменила тему. — Эта военная форма, и твой напарник… Если не хочешь — не отвечай. Мне просто любопытно.

— Любопытство нужно утолять, иначе оно перерастает в нездоровое любопытство. Представь себе, я сам не вполне понимаю, чем занимаюсь. Пока прохожу стажировку, готовясь к поездкам в иностранные государства. В не самые благополучные государства.

— Ты куда-то уедешь? — девушка встрепенулась и пристально посмотрела в глаза.

— Не думаю, что далеко и надолго, — ответил я без уверенности. — Во всяком случае, мне предстоит работа, похожая на работу страхового эксперта. Выехать на место, что бы там ни было, осмотреть его, сделать выводы, составить отчёт и вернуться. Моя компания

интересуется всякого рода историческими и археологическими находками.

— Что ж, ты немного успокоил, — Вика принялась меня разглядывать.

Не оставалось ничего другого, как поцеловать её.

— Я вот думаю, как жила раньше, — рассуждала она, когда мы шли по лабиринтам горных тропинок, выискивая новые живописные места. — Я будто плыла по течению. Знаю, это избитая метафора. Но буквально физически чувствую, как сейчас я выдернута из потока, а река продолжает уносить моё настоящее-прошлое дальше. Мне казалось, я свободна, успешна, обеспеченна, а ведь все подруги давно замужем и называют меня «шизанутой байкершей», но я не «шизанутая байкерша», не феминистка и не чайлдфри. Не подумай, что я в страхе остаться старой девой бросилась на тебя, и всё такое…

— Вот если бы ты была немой, — перебил я Вику, — ты бы мне глупостей не говорила. Ты — подарок для любого мужчины.

— Не для любого, попрошу заметить, а только для одного.

— И кто же этот счастливчик? — поинтересовался я.

Вместо ответа девушка припала к моим губам, и мы снова ненадолго прервали прогулку.

Сильный порыв ветра застал нас посреди незнакомого леса, небо резко потемнело, кроны деревьев раскачивались, осыпая листьями и сухими ветками. Гроза налетела внезапно. Уже слышались близкие раскаты грома. Вспомнилась прописная истина, что находиться в грозу в горном лесу как минимум опасно.

Мы быстро зашагали вниз по склону и скоро вышли на одну из асфальтированных дорожек, по которой продолжили спуск. Заблудиться здесь было невозможно, но нам удалось. Дорожка, ведшая, казалось, вниз, вдруг стала подниматься в гору, молнии сверкали почти над самыми головами. Я крепко схватил Вику за руку и увлёк за собой ниже по склону. Там между деревьями проглядывал овраг, который, по логике, должен был вывести к реке, а, следовательно, и к набережной, но тут небеса разверзлись, и хлынул небывалый ливень. Мы сопротивлялись стихии и пытались отыскать хоть какое-то укрытие, однако буквально через минуту промокли полностью и смирились. Грунт и прошлогодние листья под ногами пропитались водой, и идти пришлось аккуратнее. Овраг превращался в

ущелье, которое, в свою очередь, сужалось с каждым шагом. Поток воды с гор устремился в него, отвесные скалы нависали с обеих сторон, и вот уже моя идея с выходом к реке показалась не такой удачной. Всё же мы продолжили спуск — и вскоре обнаружили следы цивилизации в виде ступеней с перилами. Вода поднялась почти по щиколотку, и бурлящее течение норовило сбить с ног. За перила было удобно держаться, но через десяток метров они обрывались, как раз в самой теснине, где в потоке с трудом удавалось разобрать вырубленные в мягком песчанике ступени. Я помедлил, оценивая положение, и взглянул на Вику. Она была сосредоточенна, но не напугана. Пропустив её вперёд, я стал шаг за шагом продвигаться вниз, одной рукой придерживая девушку, а второй цепляясь за борозды и щели в скале.

Каким-то чудом мы смогли на своих двоих добраться до твёрдой и ровной поверхности внизу ущелья. Поток с рокотом уходил в искусственное русло, а перед нами открылась широкая поляна. Оглядевшись, заметили сооружение у одной из скал и не сговариваясь бросились к нему. Это оказалась старинного вида часовня. Двери были закрыты, но мы смогли укрыться от не стихавшего ливня под сводами арки.

Дождь шёл, а мы стояли. Здесь, среди древних гор, у входа в православную часовню я принял ещё одно важное для себя решение.

— Я тебя не брошу, слышишь? — прошептал я на ухо прижавшейся ко мне спиной девушке. — Если когда-нибудь против нашей воли нам придётся потеряться, то знай, я буду ждать тебя здесь, на этом месте.

Вика еле заметно кивнула и покрепче обхватила мои руки. Каким образом мы потеряемся? Почему нам нужно встретиться именно здесь? Рациональных ответов на эти вопросы я не находил. Почувствовал только то, о чём Вика говорила чуть раньше, — полное отключение от реальности и потока времени. Я старался лишь согреть её своим теплом и наслаждался каждым мгновением.

Стихия сбавила напор, и дождь уже не казался таким злым; его капли прыгали по ярко-зелёным, довольным жизнью листьям лесных великанов и, падая вниз, тревожили ветки дремавших папоротников. Когда ливень стих, мы поскорее отправились на выход из леса, потому что моя спутница заметно подрагивала и губы её стали серо-голубыми.

На пути начали попадаться беседки и навесы. Пережидавшие там грозу люди смотрели на нас и улыбались. Солнце проглядывало из-за туч, но пока не грело, не говоря уже о том, чтобы высушить одежду.

На удачу я заглянул в один из гостиничных корпусов, который оказался классическим пансионатом советского типа. За стойкой администратора сидела женщина, равнодушно окинувшая нас взглядом, когда мы вошли, оставляя мокрые следы. Я поздоровался и рассказал историю: что мы туристы, проездом, попали под ливень, и теперь нам негде даже высушить одежду. Администратор сначала недовольно вздохнула, но потом оттаяла, заперла свою стойку и повела нас куда-то в глубь здания. Отперев дверь в помещение с табличкой «Хозяйственная», она извлекла оттуда два белых банных полотенца. Здесь же мы переоделись, после чего прошли на задний двор, где развесили мокрые вещи и устроились в пластиковых шезлонгах, согреваясь и отходя от недавнего приключения.

Пока одежда сохла, мы были привязаны к этому месту и решили просто отдохнуть, наслаждаясь тёплыми лучами солнца и горным воздухом. Рядом со мной лежала прекрасная девушка. Изгибы её обнажённого тела, прикрытые лишь тонким полотенцем, так и не дали мне расслабиться. В то время как сама она быстро сомлела и задремала.

Спустя час просохло всё, кроме моих брюк, но я плюнул на это, и мы оделись, по очереди прикрывая друг друга полотенцем. Даже телефоны наши пережили сплав по ущелью. Мы поблагодарили нашу спасительницу, которая растрогалась и отказалась от денег за свою помощь, но взяла с нас обещание приехать к ним в пансионат при первой же возможности. Когда мы прощались, я прихватил со стойки визитку агентства по прокату авто. В тот момент у меня созрел новый план дальнейшего времяпровождения.

Как ни странно, Вика с энтузиазмом поддержала идею. Видимо, ей тоже не хотелось прерывать наше необычное свидание. Да и глупо было бы, находясь в часе езды от побережья и имея в запасе ещё два дня, не съездить на море. Что мы и сделали, взяв напрокат автомобиль, но не обычный для таких случаев. Нам достался симпатичный белый Chevrolet Niva, так как все популярные модели оказались заняты и на выбор были только он и пижонский Audi A3.

Выехали ближе к вечеру, потому что пришлось возвращаться в Молькино за документами и затем долго согласовывать место подачи автомобиля. Но мы никуда не спешили, петляя по живописной горной трассе. Проезжали самобытные посёлки, придорожные кафе и мотели, утопавшие в лесной зелени. На то и дело попадавшихся на обочинах импровизированных ярмарках царило оживление: отдыхающие как пчёлы налетали на мёд, орехи, грибы, кизил и прочие дары южных горных лесов. Скрывшееся за вершинами солнце вдруг снова выглядывало на очередном повороте и слепило нас своими лучами, но так, приятно, по-дружески.

— Зачем ты завела тот разговор про течение жизни? — спросил я Вику, которая разглядывала склоны гор, засаженные садами и виноградниками.

— Мне показалось, ты не хочешь обсуждать эту тему, — с напускной серьёзностью ответила она.

— Если ты забыла, то наш разговор прервали обстоятельства непреодолимой силы, и мне показалось, что ты не закончила мысль.

— Как с тобой закончишь мысль, если ты всё время перебиваешь? И с каких это пор поцелуй с языком называется непреодолимыми обстоятельствами? — она игриво ткнула меня кулачком в плечо, но после этого притихла и сосредоточилась. — А вообще, да, я хотела спросить: зачем человек рождается на свет? Неужели для того чтобы занять место в муравейнике, получить свою роль и потреблять положенные ресурсы до конца жизни? А зачем нам даны воля и разум, зачем нам воображение и способность мечтать?

— А кто тебе запрещает мечтать? В нашем муравейнике всё возможно, но притом мы пользуемся его благами. Как же строители, рабочие, врачи, полицейские, военные? Это роли, без которых благополучия не создашь.

— Ты не совсем меня понял, — возразила Вика. — Я по своему бизнесу знакома со многими профессионалами: это и строители, и слесари, и те же военные с полицейскими. У всех них есть призвание, дело, ремесло, которое они любят и постоянно совершенствуют. Но в чём смысл? Стать полезным обществу, оставить свой след в истории?

— Если ты о смысле жизни, то я считаю, что нужно сначала пройти определённую школу, хлебнуть и радости, и горя, набраться

опыта в отношениях с людьми, понять свои призвание и способности, а потом… Потом искать смысл жизни, — улыбнулся я.

Вика тоже улыбнулась.

— А ты нашёл своё призвание? — поинтересовалась она.

— Мне кажется, что призвание само нашло меня — и не просто нашло, а схватило и взяло в оборот, — подумав, ответил я. Затем спросил: — А ты?

— Я? — нахмурилась Вика. — Если следовать твоей теории, то я ещё школьница, у меня всё впереди.

Так, за несерьёзными и серьёзными разговорами, мы добрались до очередного города-курорта Геленджик. Вечер окончательно вступил в свои полномочия, узкие улочки были сплошь заставлены дорогими и не очень автомобилями. По цветущим аллеям бродили праздные курортники. Ветер разносил запахи шашлыка и сахарной ваты.

Мы единодушно решили срочно поужинать в каком-нибудь кафе. К счастью, быстро обнаружили приличное заведение, где — вот неожиданность — оказались на террасе второго этажа в полном одиночестве. Оттуда, из-под пахших смолой сосновых ветвей открывался чудесный вид на бухту. На горизонте ещё алело небо, а на море светились огни теплоходов и яхт.

Наши кулинарные предпочтения совпали, мы заказали салаты и пасту феттучини со сливочным соусом и морепродуктами, Вика позволила себе бокал полусухого красного вина. Когда мы поужинали и любовались видами ночной набережной, на террасу поднялась пара примерно нашего возраста. По виду их можно было отнести к хиппи, путешествовавшим автостопом, но позже выяснилось, что всё это лишь антураж. Беседа с простыми и жизнерадостными туристами завязалась сама собой. Парень и девушка были в Геленджике проездом и направлялись на запад, на дикие песчаные пляжи. Так получилось, что мы решили ехать с ними.

Слегка за полночь мы добрались до места, и я не пожалел, что выбрал в прокате именно эту марку машины. По песчаным дюнам и берегам широких лиманов пришлось пробираться уже в темноте. Приехав на определённую, известную только нашим спутникам точку, мы быстро разбили лагерь. В полусотне шагов от стоянки плескалось ласковое ночное море, в котором мы, пользуясь темнотой, успели пару раз искупаться обнажёнными.

Дима и Надя (так звали ребят) предложили спать с ними в палатке, но мы вежливо отказались, арендовав на ночь только коврик и спальный мешок. Салон «Нивы» удалось трансформировать в некое подобие двуспального места.

Но перед тем как улечься, мы долго сидели у костра, болтали, смотрели на яркие и близкие звёзды. Я прижал Вику к себе и наслаждался запахом её тела, её волос. Мы просто любили друг друга, любили этот пляж, море, Млечный путь, раскинувшийся поперёк неба, любили этот миг, который однозначно стоил нескольких лет обычной жизни.

16. Разговор на кухне

«В Чёрное море вошёл командный корабль ВМС США „Маунт Уитни“ в сопровождении авианосца, ракетного крейсера и эсминца», — прочитал я заголовок новости с протянутого мне Василием Ивановичем коммуникатора.

— Чуешь? — спросил инструктор.

— Вошли и вошли, — подумав, ответил я, — они сюда давно как к себе домой плавают.

— Ну, во-первых, не плавают, а ходят, — поправил Ерёменко, — а во-вторых, тебе, конечно, простительно не знать, что вход такой эскадры военных судов нечерноморских государств по теории невозможен — это запрещено международной конвенцией. Один только авианосец превышает установленную норму по тоннажу в три раза.

— Мне кажется, здесь ничего нового. Достаточно вспомнить Югославию. Вон, Горан хорошо помнит.

— Согласен. Но в Вашингтоне сидят далеко не дураки, там не решили бы лезть на рожон, не имея уверенности. Если, как ты говоришь, вспомнить Югославию, то тогда в Адриатику зашли сразу около тридцати судов НАТО, в том числе и подлодки. Никто ничего не мог им противопоставить.

— То есть вы хотите сказать, что США затевают Третью мировую? — резюмировал я. — Именно глобальной войной могут закончиться подобные провокации. Сейчас не девяносто девятый год, и Чёрное море не Адриатика.

— Военная машина США — это всего лишь цепной пёс, чьих хозяев мало кто знает. С момента распада СССР и до нынешнего дня они ведут в основном утилитарные войны. Главная их цель — стать единой мировой властью, а мы этому изрядно мешаем. Не только мы — в смысле, великие и многонациональные народы Севера и Востока, а вообще все люди, отрицающие сытое существование под неусыпным тотальным контролем.

— Кстати, да! А как же Индия, Китай? На них приходится до трети мирового населения, но пока там относительно тихо.

— Индия и Китай сильны больше материально, но нужно иметь в виду, что Индия — бывшая британская колония, а Китай сам по себе не сопротивляется мягким интеграционным процессам, что видно по тому, как они легко адаптировали социализм к законам рынка. И кто тебе сказал, что там тихо? Посмотри новости. В этой тихой войне за власть нет разделения по географическим или национальным признакам: все, кто внизу пирамиды, пойдут под нож.

— Почему под нож? Идеи Нового мирового порядка вроде не так плохи: открытое общество, отсутствие границ, барьеров, войн, равные возможности для всех людей. Может, мы действительно что-то не понимаем?

— Открытое общество, равные права — звучит красиво. Только факты говорят об обратном. Сам посуди, что мешало благодетелям после уничтожения Союза приступить к строительству нового общества? Лучшего времени история не знала. Мир был готов. А что на самом деле? Они обложили весь мир данью, показательно разбомбили пару стран, стравили всех, кого могли. Новый порядок показал лицо: не рай на земле для всех, а чужие ресурсы и новые рынки сбыта.

— А что же Фонд? — только и оставалось спросить мне. — Почему обладая Знанием, доступным его членам, не удалось переломить ход событий?

— Фонд — лишь вершина айсберга, ты многого ещё не знаешь. Кстати, именно с просветительской миссией я сегодня и прибыл. Лавров дал мне зелёный свет на проведение теоретической части стажировки. Месячный курс по мировой истории за вечер, от лучшего военного инструктора!

Такой разговор завязался у нас с Василием Ивановичем на лавочке возле детской площадки у моего дома в Молькино. Мы с Викой вернулись из путешествия ещё вчера, проведя день и две прекрасные ночи на диких пляжах Таманского полуострова. А пару часов назад позвонил Ерёменко и предложил встретиться. По соглашению всех сторон было решено собраться в арендуемой квартире.

Наличие Мальвины никак не смутило инструктора, а сама девушка даже предложила по случаю приготовить свои фирменные пельмени. Она отправила нас за свежими маслом и сметаной, пока сама заканчивала колдовать на кухне.

— Так что, Василий Иванович, есть основания опасаться каких-то реальных действий? — спросил я.

— Есть, Романов, есть, — вздохнул Ерёменко. — Более того, это даже не вопрос времени, а скорее вопрос случая. Как только обстоятельства сложатся удачно, «они» ударят. Ударят подло, скрытно, но эффективно.

На этих словах из окна третьего этажа высунулась Вика и помахала рукой: «Мальчики! Всё готово!» А я наконец осознал нехорошую суть происходящего в лагере «Молькино». Если слова инструктора и можно было с натяжкой подвергнуть сомнению, то вид мужчин, оставивших на время дела и семьи ради некой известной только им цели, говорил сам за себя.

Мы успели кинуть в рот по паре горячих сочных пельменей, и Ерёменко поднял тост: «За мир, дети мои! А остальное приложится». Вика поддержала и, почти не поморщившись, опрокинула миниатюрную — грамм тридцать — рюмку.

Василий Иванович пришёл в гости не с пустыми руками, он принёс целый пакет разнообразных закусок, захватив также бутылку сербского самогона на случай, если мы захотим продегустировать этот уникальный напиток. «Абрикосовая ракия, настоянная на липе, — сообщил гость, пока мы рассматривали бутылку с жидкостью янтарного цвета. — Горан лично гнал в прошлом году». Здесь я вспомнил и озвучил шутку о том, что каждый состоявшийся мужчина рано или поздно приходит к мысли: «Пора гнать самогон». Ракия, по ощущениям, не сильно уступала в крепости абсенту, но в отличие от него, не обжигала горло и не дурманила голову. Я сделал ироничный намёк о новых алкогольных приключениях, однако инструктор быстро урезонил меня, дав понять, что не практикует частые возлияния, просто так уж сложились обстоятельства.

— Итак, что ты уже знаешь? — не стал ходить вокруг да около Ерёменко и поднял главную тему вечера, развернув заранее заготовленный листик — очевидно, шпаргалку.

Вместо ответа я красноречиво покосился на Вику.

— Брось, Романов, — усмехнулся инструктор, подмигнув, — мы собираемся обсуждать общеизвестные факты, тут никакого секрета нет. Никто не запрещает вести беседы на тему теории заговоров и альтернативной истории. Считай это клубом фантастов.

— Вы обо мне? — встрепенулась Вика, а затем шутливо заверила: — Всё, что здесь будет сказано, здесь же и останется. Я даже не требую разъяснений услышанного.

Об этой оговорке, впрочем, она очень скоро пожалела.

— Хорошо, — начал я, — Бонне успел рассказать мне о Циклах, о Хранителях и вкратце о текущей обстановке. Но только очень вкратце.

— Уже неплохо, — подхватил инструктор, закидывая в рот очередной пельмень и наполняя рюмки. — Давай тогда пройдёмся заново и для всех. Но сперва тост: За наших близких! Тех, кто сейчас не рядом с нами. Храни их Бог.

Мы осушили «напёрстки», и каждый, наверное, подумал о своих близких. Я подумал об отце и матери. Больше-то у меня и не было никого. Третий важный для меня человек сидел в непосредственной близости, по правую руку и уплетал вкуснейшие пельмени собственного приготовления.

— Итак, доподлинно известно о двух полных Циклах, когда цивилизация зарождалась, достигала пика развития, а затем вроде как исчезала, — продолжил Ерёменко. — Этим Циклам предшествовал период, в котором предки начали вести некую летопись Знания, тогда же сформировалось общество Хранителей. Соответственно, в четвёртом Цикле живём мы. Продолжительность Цикла считается от появления некоего подобия цивилизации и до, простите, звездеца. Наш Цикл длится почти восемь тысяч лет, а всего с начала ведения летописи прошло больше сорока двух тысяч лет. И это не значит, что до летописи ничего не было, просто с того момента мы начали собирать реальные исторические факты. Что было до — тема отдельной лекции.

Ерёменко прервался, чтобы съесть ещё несколько пельменей, закусив сочной зеленью. Я последовал его примеру. И только Вика сидела не шелохнувшись.

— Превосходные пельмени! Признаюсь честно, вкуснее не пробовал, — похвалил Василий Иванович и продолжил: — А теперь о грустном. За все эти сорок с небольшим тысячелетий произошли три глобальные катастрофы, которые практически стёрли с лица земли людей и их достижения. Важно, что две из трёх катастроф были войнами с применением оружия массового поражения и только одна была вызвана падением астероидов. Если б не общество Хранителей,

то мы мало что знали бы о тех временах, а может, и нас самих не было бы. То есть мы кропотливо, из поколения в поколение собираем самое ценное, что сделано или открыто человеком, раскладываем это по ящичкам и прячем в укромных местах. И всё для того лишь, чтобы в момент, когда Земля снова опустеет, не утратился опыт предыдущих поколений. Если ты ещё не понял смысл новой работы, то сейчас тот самый момент.

— Вы объясняете лучше, чем Бонне, — признался я, — но предысторию он мне уже поведал. А вот о развитии ситуации в нашем Цикле успел сообщить не много.

— Что ж, тут двумя словами не отделаешься. Слишком много фактов в новейшей истории. Спрашивай, а я постараюсь ответить.

— А можно вопрос? — воспользовалась долгожданным шансом Вика, рефлексивно подняв руку, как первоклассница на уроке. — А что с людьми? Вы собираете технологии и всё такое, а как же люди?

— Ах да, конечно. Об этом я забыл упомянуть, — ответил Ерёменко. — Людей мы тоже собираем и складываем в ящички. А как же.

— Надеюсь, с их ведома? — поинтересовалась Мальвина.

— Да нет. Зачем? Просто выбираем особей поздоровее и замораживаем в холодильниках до поры до времени. Если времени проходит много, а Конца света всё нет, то старых выбрасываем и закладываем новых, — выдал Василий Иванович.

Понятно было, что инструктор шутит. Но мы с Викой не смеялись. А вдруг?

— А если серьёзно, — продолжил он, отпив из запотевшего стакана ягодный компот Викиного же приготовления, — конечно, все члены общества и их ближайшие родственники имеют шанс спастись в многочисленных убежищах по всему миру.

Все замолчали. Необходимость укрываться от Конца света в тёмных подземельях представилась как наяву. Одно дело спасать собственную шкуру, выживать по канонам жанра на постапокалиптических пустошах, а другое — когда ты уже обзаведёшься семьёй, малыми детьми, собакой и переднеприводным городским кроссовером, суметь сберечь хотя бы кого-то из тех, кто так дорог.

Василий Иванович поднял рюмку в третий раз. Выпили все, не чокаясь, но никакого опьянения пока, к сожалению, не наступало.

— Получается, всю свою историю люди только и делали, что уничтожали друг друга? — с грустью спросила Вика.

— Не совсем, — обнадёжил инструктор и быстро сверился со своей шпаргалкой, — в летописи есть довольно подробное описание периода более чем в двадцать пять тысяч лет, когда люди жили в мире и согласии. Создался некий баланс, при котором наши предки смогли мирно сосуществовать весь этот огромный промежуток времени. Но прилетел грёбаный астероид, и начался ад кромешный: на месте морей поднялись горы, полюса сдвинулись, плодородные равнины покрылись льдами, и так далее. Технологии того времени позволяли разрушить объект в космосе, но увы, астероидов было несколько. У предков были транспорт, связь, развитые медицина и образование, только немного на других научных принципах, чем сейчас. Тот Цикл зовётся Циклом Великих городов, хотя городов в современном понимании там не было. Люди жили в природной среде на больших территориях. В итоге похожего периода благоденствия в истории больше не повторялось. А всё дело оказалось в том, что пока Хранители скрывались в своих убежищах, на поверхности выжили группы людей, которые столетиями боролись за существование в агрессивной среде. Когда же Хранители вышли, то увидели вовсю бушевавшую жизнь. Только другую — первобытную и злую. Выживших было больше, чем спасшихся, и Хранители не смогли построить новое общество по примеру утраченного. В конце концов народы смешались, и контроль над ситуацией был утерян. С тех пор мы живём в сложном жестоком мире, где война считается нормой.

Мы беседовали долго, разговор был тяжёлым. Хотя Ерёменко и старался разбавить материал шутками и красивыми легендами. Спустя всего час Вика оставила нас и, устроившись на диване, похоже, раскладывала по полочкам новые знания.

Засиживаться до ночи мы тоже не стали. Уже завтра мне предстояла новая фаза обучения тактике и взаимодействию в группах. Василий Иванович оставил мне внедорожник и пешком отправился в гости к сербам, наказав забрать его утром в определённой точке близ полигона.

— Зачем вы решили посвятить в дела Викторию? — задал я на прощание вопрос.

— А ты сам посуди, — ответил инструктор сразу, словно ждал вопроса, — если у вас всё серьёзно, то фактически она твой близкий человек. Не родственник, но правила допускают наличие у сотрудника супруга в не официально оформленных отношениях. То есть у девушки есть право на спасение, которое ты можешь использовать. Но… только для неё одной, исключая уже её близких.

— Подождите! — спохватился я. — Вы говорите так, как будто нам уже скоро предстоит спасаться…

— Именно к этому я и веду, Романов, — непривычно серьёзным тоном констатировал инструктор. — Скоро так и будет. А пока держи язык за зубами, продолжай работать. Будь готов к любому повороту событий, но помни — ты не один, за тобой древнейшая и влиятельнейшая организация.

Ерёменко зашагал прочь и скоро скрылся в сумерках. Я стоял у фонаря и наблюдал, как кружатся в жёлтом пятне ночные насекомые. Некоторые обжигались, падали мне под ноги, однако те, что могли, снова взлетали и устремлялись к свету.

Вика уже спала — или только делала вид. В эту ночь меня посетил второй сон. Те же существа, тот же доисторический ландшафт. Только теперь не слышно естественных звуков природы. Пространство заполняет вязкая неприятная тишина. Небо начинает быстро затягиваться низкими густыми тучами, которые бурлят, как кипящая вода. И на горизонте распускается алый цветок — но не привычный глазу, а какой-то потусторонний, зловещий. Словно капли крови падают в стоячую воду и медленно расплываются тонкими нитями. Небеса окрашиваются в оранжево-багровый цвет. Во взгляде существ — печальное сочувствие. Теперь нет того радостного волнения, его сменили тревога и чувство необратимости.

Я пробудился в начале шестого и сразу понял, что больше не засну. Вика мирно спала, заняв большую часть дивана. Я тихо собрался и вышел на улицу. Небо только розовело, было прохладно, в низине плавал туман. Я не спеша, лёгкой трусцой двинулся вдоль поля, перебирая в памяти детали сновидения, которое, как и предыдущее, запечатлелось в мельчайших подробностях.

Вернулся спустя час. Вика уже не спала, как ни в чём не бывало встретила меня поцелуем и объятиями, приготовила завтрак и только потом приступила к расспросам.

— Скажи, мне не причудился вчерашний разговор? Вечером информация воспринималась как-то легче, а теперь у меня когнитивный диссонанс.

— Похоже, Василий Иванович не зря приходил с бутылочкой, — высказал я мнение, — там было что-то расширяющее сознание.

— Нет. Я серьёзно! — не поддержала шутку собеседница. — Почему они, имея такие знания, не раскроют их всем людям? Почему нас со школы пичкают урезанной и примитивной картиной мира?

— Не поверишь, я сам задаюсь данным вопросом с момента посвящения. Пока не было возможности узнать официальную версию. Но лично мне кажется, что не всякий способен адекватно воспринять такое. Вот ты, например, стала счастливей, когда узнала?

Вика задумалась и явно прислушалась к своим чувствам.

— Счастливей не стала, но теперь хотя бы есть больше возможностей для понимания мира и причин его несовершенства. Это при том что я, опять же, получила лишь малую крупицу данных.

— Думаю, в летописях Хранителей нет ничего о происхождении разумной жизни на земле и происхождении её вообще, — сказал я. — Иначе бы наша лекция начиналась по-другому и производила более благотворный эффект.

— А вдруг? Вдруг там есть ответы на эти вопросы? — загорелась Вика. — Ты же говорил, что сам только недавно получил информацию. Ты сможешь узнать больше?

— Специально для тебя я не слезу сегодня с Василия Ивановича, пока он не раскроет мне тайны мироздания. А ты пока подумай, чем займёшься в моё отсутствие. Сегодня начинаются новые тренировки, и я не знаю, во сколько вернусь. Хочешь съездить в Краснодар? Наденешь шляпу и очки, прибудешь инкогнито. Там, между прочим, красиво.

— Нет уж, спасибо! — отрезала Вика. — Всё, что мне сегодня надо, — это компьютер с интернетом и немного покоя. Тем более что ты меня уже и так хорошо выгулял.

На том и порешили. Я и не думал спорить. При таком раскладе мне было спокойней за гостью.

Я выехал заранее и вовремя подобрал Ерёменко в посёлке, с северо-востока примыкавшем к полигону. Инструктор выглядел бодро. Похоже, алкоголь и на него не оказал пагубного влияния. Сначала я не понял, что Василий Иванович делал ранним утром на полузаброшенной железнодорожной станции, но впоследствии узнал, что оттуда до лагеря резервистов три минуты неспешной ходьбы.

По прибытии на место меня сразу определили в отряд курсантов, который после переклички и инструктажа разбили на две группы. Возглавили оные два командира-инструктора из числа иностранцев. По-русски они говорили неидеально, зато дело своё знали от и до. Это стало понятно по содержанию и интенсивности тренировок: четыре-пять-шесть часов подряд нас гоняли по полям и лесополосам при полной экипировке. Вес предполагаемого боекомплекта любезно заменили различными тяжёлыми предметами. А проблему с оружием для отработки навыков решили изящно: вместо боевых автоматов, пусть даже с холостыми патронами и насадками, кои ни один вменяемый армейский нам не выдал бы, вручили электропневматические винтовки, которые используются в военно-спортивных играх. По виду и весу они близки к оригиналам, плюс стреляют тяжёлыми пластиковыми шариками, попадание которых не смертельно, однако вполне ощутимо.

Отрабатывали мы всё, от правильного удержания оружия до организации засад. Для того наш отряд и поделили пополам. Основной упор, конечно, делался не на то, чтобы сделать из нас лютых спецназовцев, а на то, чтобы мы не мешались под ногами и хоть немного помогали, когда настанет время для работы профессионалов. Признаюсь, было тяжело, но интересно. Менее чем за неделю ежедневных вылазок я вполне сносно овладел техниками передвижения в различных типах местностей и неприятных обстоятельств; научился языку тактических жестов и взаимодействию в группах в общем; узнал, как вступать в бой и уходить от него. Кое-что ещё очень важное я отметил за время всего обучения: «пушечное мясо» так не готовят. И это вселяло оптимизм и гордость за успевшую адаптироваться к новым условиям войны армию.

На шестой день, когда все курсанты, в том числе и я, находились в крайней степени изнеможения, нам сделали сюрприз: полдня мы просидели в беседке под деревьями на территории жилого лагеря,

слушая ту самую лекцию об особенностях пребывании в неблагополучных иностранных государствах. Вечером мы с Викой разучивали типовые фразы, используемые в бою, на языках упомянутых государств, а затем закрепляли тактически жесты. На большее меня в эти дни не хватало.

***

Когда же наконец выдался выходной, настало время решать проблемы. Вика сама завела разговор на больную тему. К этому моменту «интернет-червь» и просто хороший человек Паскаль Бонне раскопал множество данных по предполагаемым злоумышленникам, подкреплённых анализом статистики поисковых запросов и обращений к социальному профилю. Отчёт однозначно демонстрировал стойкий интерес к Вике двух личностей из упомянутого московского издательства, причём о них нам было известно уже всё: от их виртуальных аккаунтов до личных номеров мобильных телефонов.

Когда я показал девушке фотографии и сводную информацию, она долго изучала их, как при опознании; прокручивала страницы то вверх, то вниз; переходила по ссылкам.

— Абсолютно ничего, — констатировала она, оторвав взгляд от экрана лэптопа. — Никогда не видела и ничего не слышала ни об этих людях, ни об издательстве.

— Вполне возможно, — согласился я, — тем более что твой отец вряд ли мог быть связан с ними напрямую. Ты знаешь, чем он занимался?

— Нет. Не знаю. Лишь однажды он сказал, что работа связана с Министерством обороны и его прошлой службой.

— Так и есть, — подтвердил я, — только он не находился на госслужбе, а работал в обычной коммерческой организации, выполнявшей подряды Минобороны. Скорее всего, как подсказал Василий Иванович, они занимались делами, которые военные не хотели светить в официальных тендерах и госконтрактах. А вот конкретнее сказать сложно, известно только, что по документам фирма занималась строительным проектированием.

— Как можно было собрать столько информации за неделю? — удивилась Вика.

— Ты ведь в курсе, где я работаю? Могла бы уже не удивляться.

— Да уж, в курсе. У меня со вчерашнего вечера в голове крутятся эти «Ялла, Ялла» и «Аллаху Акбар». Надеюсь, меня теперь не будут преследовать ещё и ваши секретные агенты?

— Все не будут. Только один агент, — заверил я её. — Но прошу помнить, что теперь вы в лапах могущественной тайной корпорации.

— Может, тогда ваша могущественная корпорация знает, что мне делать дальше?

— Во-первых, не вам, а нам. А во-вторых, да. Конечно, знает. И есть такое предложение…

В целом Вика одобрила наш план, и уже вечером Паскаль отправил два одинаковых сообщения на телефоны подозреваемых, одним из которых была женщина в должности директора издательства, а другим — водитель-экспедитор в той же организации. Сообщение содержало следующий текст: «То, что вам нужно, у меня. Девчонка не при делах. Будет желание — пишите, обсудим».

Если у данных личностей действительно имелся нездоровый интерес к семье Малтис, то такое послание должно было внести неразбериху в их планы. Естественно, оно могло вызвать и поспешные жёсткие действия, но ни Вика, ни её мама не были в зоне физической досягаемости. А дом матери и свою квартиру девушка попросила взять под особый контроль охрану и консьержей, пообещав дополнительное материальное вознаграждение. За номером, с которого был отправлен текст, Паскаль установил какое-то своё хитрое наблюдение.

После того как дело было сделано, Вика попросила узнать, нет ли в Фонде подходящих вакансий и для неё. Но вместо этого я пригласил девушку съездить со мной в город.

Сначала мы объехали с таксистом все злачные места, по его мнению, достойные внимания, а затем осели в одном из торгово-развлекательных центров, предавшись стандартным для такого времени развлечениям. Сходили в кинотеатр, поужинали в итальянском ресторанчике, немного прогулялись. По обоюдному согласию решили не посещать никаких ночных клубов ввиду бессмысленности подобного времяпровождения. Но всё равно вернулись в посёлок только в третьем часу ночи.

По приезде мы сразу легли в постель, но заснуть удалось не скоро, как это часто бывает у пар в стадии насыщения друг другом. Потому мне стоило большого труда оторваться от подушки, когда около шести

утра настойчиво зазвонил рабочий телефон. Это была широковещательная рассылка под грифом «Внимание!». На экране коммуникатора я прочёл весть, затем протёр глаза и перечитал: «Сегодня, ориентировочно в пять часов по московскому времени в Большом порту Санкт-Петербурга произошёл мощный взрыв, в результате которого в атмосферу на высоту до ста метров поднялось облако неустановленного вещества. Возгораний не зафиксировано, однако ветер смещает облако в сторону жилых районов. Опасения связаны с возможным опасным химическим происхождением вещества. Подробности происшествия уточняются. Сотрудникам, попадающим в зону риска, направлены соответствующие инструкции».

17. Навстречу потоку, и по течению

Мы попрощались с Молькино, с полигоном и суровыми, но добрыми сербами. Вернее, это я простился, а Василий Иванович с Гораном уже минут пятнадцать беседовали под сенью леса на границе лагеря, по ту сторону железнодорожных путей. А по эту сторону мы с Викой готовили автомобиль Ерёменко к дальней поездке: сложили задние сидения, равномерно распределили багаж, так чтобы можно было относительно комфортно отдыхать в едущей машине. Нам предстояло как можно скорее добраться до Санкт-Петербурга. Моя стажировка закончилась так же неожиданно, как и началась.

А в самом городе на Неве в эти минуты происходило шокирующее событие. Стало известно, что происшествие в порту имело все признаки теракта с применением радиологического оружия. Мелкодисперсный порошок, попавший в воздух, оказался отравлен радиоактивными элементами и за короткое время накрыл длинной полосой десятки кварталов Кировского района. Шла эвакуация людей из заражённых участков, военные устанавливали оцепление. По предварительным данным, никто не погиб, но учитывая природу заражения, данный факт не сильно утешал.

Васильевский остров не пострадал, но и оттуда, по слухам, вывозили людей, оцепляли территорию наглухо. Ни нам с Викой, ни нашим близким пока ничто не угрожало, но тревога и подавленность не отпускали — лично мне постоянно напоминая о себе напряжением в районе диафрагмы. Никто не разговаривал, каждый занимался своим делом, каждый пытался осмыслить произошедшее. Когда мы созванивались с Ерёменко в первые минуты после получения рокового сообщения, на мой вопрос: «Что? Началось?» Василий Иванович ответил не вполне уверенно, но в целом утвердительно. После чего я предупредил родителей и всех знакомых, до кого смог дозвониться. В поступивших из Фонда инструкциях в том числе содержались рекомендации: «Сотрудникам и их родным и близким покинуть пределы населённых пунктов с населением более миллиона человек».

Наконец Ерёменко крепко обнялся с сербом и пошёл назад, широко шагая через рельсы. Горан махнул на прощанье рукой и

скрылся в густой растительности. Чуть дальше по железнодорожному полотну на состав грузилась военная техника.

Запастись продовольствием решили в одном из крупных торговых центров в окрестностях Краснодара, не заезжая в сам город. Набрали не только еды и питья, но и походных принадлежностей в виде лёгких спальников, газовой горелки и прочих мелочей. Идти условились дальнобоем, без ночёвок и долгих остановок. И хоть путь предстоял не такой сложный, Ерёменко неоднократно напоминал: «Надо быть готовым ко всему».

За покупками отправились мы с Викой, а командор, как я про себя прозвал Ерёменко на время поездки, остался в машине, опасаясь за свой помповый дробовик, который был частью его командировочного имущества. Ерёменко тоже покидал насиженное место в благодатном южном регионе.

В итоге в багажнике внедорожника, объединённом с салоном, оказалось место не только для горы вещей, но и для отдыха. Не очень просторно, но могло быть и хуже. Спать пока не хотелось, однако Василий Иванович напомнил, что к концу дня кто-то должен будет сменить его за рулём, и я отправился в багажник навёрстывать упущенный прошлой ночью отдых. Вика осталась пока за штурмана и, не теряя времени даром, завела беседу на мучавшую её тему происхождения и смысла жизни. Из-за плотного графика тренировок по тактике я так и не смог выполнить обещание лично расспросить Ерёменко по данному вопросу. Поэтому наша спутница сама взяла быка за рога.

— Удивительно, что вы так долго продержались, — усмехнулся командор, оглянувшись на меня, лежавшего у подножия горы сумок и чемоданов. — Обычно такие вопросы начинают звучать незамедлительно. На что я отвечаю: «Нет. Такой информации нет. По крайней мере, в открытом доступе». А чем тебе не нравится, к примеру, старый добрый креационизм?

— Нас так воспитывали, — задумалась Вика. — Если вы о божественном происхождении, то я лично допускаю его. Но многие воспринимают библейскую историю как миф.

— Креационизм не миф, а теория — такая же, как и любая другая. Кто считает, что жизнь могла зародиться из случайного взаимодействия химических элементов, тот верит в биохимическую

эволюцию; кто признаёт, что нас создал разум некоего высшего существа, тот верит в него. Но повторюсь, фактами мы пока не располагаем.

— А будут факты? — спросила Вика не столько у Ерёменко, сколько у высшего разума. — Некоторым нужны доказательства, чтобы верить.

— Доказательства? А ты сходи на войну, а потом скажи мне, что Бога нет, — ухмыльнулся командор. — Вопрос только в терминологии: что конкретно каждый понимает под словом «Бог». Расцвет атеизма обычно приходится на сытое, мирное время. Когда отдельные личности преисполняются уверенности в собственной значимости. Но когда цена жизни и убеждениям падает ниже нуля, тут уж волей-неволей вспоминается «Отче наш».

После слов о войне все притихли. Я лежал молча и был несколько удивлён таким разносторонним развитием бывшего наёмника, а ныне инструктора по тактической подготовке. Командор, видимо, понял, что хватил лишку, и попытался разрядить обстановку.

— В общем, не буду ходить вокруг да около, — продолжил он, обращаясь к Вике, — согласно летописям, принято разделять происхождение разумной и неразумной жизни. При том что так называемая неразумная жизнь всё равно рассматривается как часть некоего замысла, читай разума. А отдельной темой идёт происхождение обоих типов жизни конкретно на Земле. И если по первым вопросам ответов пока нет, то по земным делам выходит, что человек появился здесь сразу в своём теперешнем виде. О чём свидетельствуют древнейшие легенды и археологические находки. Причём мы не просто, допустим, прилетели и стали жить, а ещё и привезли с собой флору и фауну, так как ДНК живых существ имеют много общего. Хочется надеяться, что мы не инопланетные завоеватели и не уничтожили то, что здесь было до нас. Кстати, важно, что понятие разумной жизни не ограничивается биологическими рамками. По крайней мере, я так истолковал прочитанное. Сойдёт тебе такой ответ?

— Понятно, что ничего не понятно, — пробубнила Вика.

— В этом-то и подвох! Разум наш — и великий дар, и наказание. Да и как можно понять и судить о том, о чём у нас нет никаких начальных представлений? Кстати, на этот счёт есть интересная байка.

Заключается она в предположении, что американские индейцы доколумбовой эпохи не могли видеть подошедшие к их берегам испанские корабли, так как в их мозгу не было образов, с которыми их разум мог бы сопоставить увиденное. Как считаешь, возможно такое?

— У меня есть версия! — подскочил я, не в силах пропустить уже знакомую байку мимо ушей. — Мне кажется, вам должна быть знакома фамилия Черенов.

— Черенов?! — обернулся ко мне с округлившимися глазами Василий Иванович, да так, что автомобиль начало уводить на обочину.

Вика вскрикнула. Ерёменко выровнял траекторию и сжал покрепче руль.

— Да, Черенов, — подтвердил я, уже с опаской. — Глава службы безопасности Фонда.

—Знал я одну личность с такой фамилией, да рад был бы не поминать, — процедил сквозь зубы командор. — Глава, говоришь? А с чего это ты вдруг интересуешься?

— Эта самая личность проводила со мной собеседование при принятии на работу, — ответил я. — И он задавал мне этот самый вопрос про индейцев. Практически слово в слово.

— Да, история явно поросла бородой, — после долгой паузы выдал командор, — пора обновлять фольклор.

Когда стало понятно, что наш диалог исчерпан, Вика отрицательно ответила на вопрос об индейцах. И непринуждённая беседа Вики с Василием Ивановичем потекла дальше. А я всё никак не мог избавиться от чувства, что байка может иметь некий тайный смысл. Насторожила и нервная реакция командора на названную фамилию.

Долго анализировать мне не пришлось: под мерное бормотание попутчиков и плавное покачивание автомобиля я не заметил, как в конце концов крепко уснул.

Сон в багажнике движущегося автомобиля показался мне не лучшим в жизни, но и далеко не худшим. И некоторое время после пробуждения я приходил в себя, рассматривая вечернее небо, покрытое перистыми облаками, которые низкое солнце окрасило жёлтым цветом.

Я сел, оценивая обстановку. Вика спала, уткнувшись головой в обивку стойки, а Ерёменко непринуждённо крутил баранку.

— Проснулся, боец? А я уже хотел щупать пульс, — не поворачиваясь, произнёс командор. — Чем это ты прошлой ночью занимался вместо положенного сна?

— Ничем противоестественным, — парировал я и спросил: — Где мы уже?

— Пара сотен до Воронежа осталась.

— Может, вас сменить?

— Не откажусь, — с ходу согласился Ерёменко. — Только сделаем небольшой привал.

— Я за, — вдруг подала голос Мальвина, — и по возможности скорее.

Остановились у первой попавшейся крупной АЗС, где можно было цивилизованно справить нужду, освежиться и пополнить запасы горючего. Когда задачи первостепенной важности были решены, мы отъехали на парковку и расположились на капоте внедорожника, уплетая свежую выпечку и запивая её кофейными напитками. Открывался приятный вид на окрестные леса с поросшими мелкими фиолетовыми цветочками оврагами. Жизнь кипела вокруг в привычном ритме: грохотали многотонные грузовики, развозившие товары по всей стране; спешили на юг счастливые отдыхающие; да и просто ехали по делам люди. А из головы всё не шла инструкция покинуть города с населением более миллиона человек.

— Разбуди меня в районе Каширы, — напомнил Ерёменко, устраиваясь в багажнике на ночлег, — там оценим диспозицию и решим, как объезжать Москву. Если всё будет спокойно, проскочим по МКАД, а если нет, свернём раньше.

Когда мы выехали на шоссе и набрали крейсерскую скорость, Вика залезла с ногами на сиденье и взяла мою руку в свои. Задачи мчать во весь опор не ставилось. Мы должны были просто добраться до места назначения без спешки и риска, нигде не задерживаясь. Поэтому я держал стрелку спидометра в пределах ста — ста десяти километров час.

— Знаешь, мне страшно возвращаться, — поделилась наконец переживаниями Вика. — Слишком много плохого случилось за последнее время. Я как жук в банке: только доползу до верха, как кто-то снова стряхивает вниз.

— Ты хорошо держишься, не переживай и не бойся, — попытался я успокоить её. — Мы вместе. Я найду укромное место, где отсидимся, сориентируемся и решим, как быть дальше.

— Не подумай, что я ною, просто иногда хочется с кем-то поделиться. Теперь я знаю, насколько важна твоя работа. Но это же и не даёт покоя.

— Я люблю тебя. Это единственное, что тебе нужно знать, — сказал я тихо, но уверенно, посмотрев в её грустные глубокие глаза.

Это стало моим первым признанием в истинных чувствах к давней знакомой, за несколько недель превратившейся в самого близкого человека. Я не смог увидеть, как Вика отреагировала на услышанное, она просто крепче сжала мою руку и положила голову мне на плечо. Только почувствовал спустя время, как пропитался влагой рукав рубашки. Долго ехали молча.

Далеко за полночь, на подъезде к точке второй остановки на трассе обнаружился крупный пост ДПС, миновав который, мы сразу затормозили.

— Почему прекратили движение? — поинтересовался Ерёменко, не вставая.

— Подъезжаем к Кашире. Остановился у поста ДПС, для безопасности.

— Хорошо. Стоим двадцать минут, далеко не расходимся, — велел командор, надевая ботинки и выбираясь из тесноты походной спальни.

Чем ближе мы подъезжали к Питеру, тем острее чувствовалась напряжённость во всём: в действиях, в эмоциях, в общении. Тем не менее это не помешало нам устроить поздний ужин со свежезаваренным на туристической горелке чаем.

— Как считаешь, зачем тебя вызвали обратно? Что будет, когда мы приедем в город? — спросила Вика, разглядывая огни далёкого посёлка, когда Ерёменко исчез в тени придорожной насыпи, спустившись туда с известной целью.

— Пока не знаю. Но когда-то нужно было бы вернуться. Сейчас придёт командор, и мы у него уточним.

— Слышу, вы мне уже и прозвище придумали? — пробасил Василий Иванович, ловко взбираясь по гравийному склону.

Мы с Викой переглянулись, не понимая, как он разобрал наш тихий разговор в шуме трассы.

— А что? Мне нравится, — продолжил Василий Иванович. — Поддерживаю такой позывной. Тем более что практика общения на позывных используется в определённых кругах нашей компании. Только одно условие: до приезда к месту назначения вы тоже придумаете себе позывные.

По вновь приобретённой привычке не разбираться до поры в истинных мотивах того или иного приказа или предложения я согласился. Вика согласилась по умолчанию, учитывая, что в пути всё равно не так много развлечений.

— Идеальный позывной, кстати, — сообщил Ерёменко, вновь забираясь на спальное место, — это слово в два-три слога, легко произносимое и чётко воспринимаемое на слух.

— Понятно. Как будем Москву объезжать? — спросил я.

— В Багдаде всё спокойно. Дуй на МКАД, объезжай по часовой стрелке. А дальше как обычно: на Ленинградку — и вперёд.

— А какова цель поездки? Мы просто возвращаемся — или есть задание?

— Задание у нас всегда есть, то или иное, — задумался Ерёменко. — Сейчас твоя задача прибыть в распоряжение Лаврова, а моя — тебя (вернее, вас) туда доставить. Так что рули внимательно; а вы, девушка, за ним присматривайте.

***

Современный человек буквально окружён всяческими псевдонимами, за которыми многие скрывают свои настоящие данные в интернете. За кем-то чуть ли не с детства тянутся школьные и дворовые прозвища. Но попытка вот так взять да и самому придумать себе официальный позывной может ввести в ступор.

— Придумал? — поинтересовалась Вика, когда все другие темы для разговора были исчерпаны.

— Нет, — честно признался я. — Сложно придумывать про самого себя. Можно надумать что-то такое пафосное, что вызовет только усмешки у окружающих.

— Сомневаюсь, что ты способен выбрать такой позывной. Мне кажется, с чувством меры у тебя всё в порядке. А ещё можно

попробовать придумать позывные друг для друга. Надеюсь только, в процессе мы не подерёмся. Сейчас представлю себя радисткой Кэт.

Она на какое-то время задумалась — похоже, запутавшись в длинных ассоциативных рядах. Я вёл машину неспешно, внимательно вглядываясь в тёмное полотно трассы.

— Кстати, а какое прозвище вы мне придумали в институте, помнишь? — Вика встрепенулась, подразумевая под «вы» мужскую часть группы.

Я-то, конечно, помнил, но не стал сразу вскрываться. Институтское прозвище Вики «Мальвина» теперь казалось мне милым и добрым.

— Кажется, «Мальвина», — сообщил я после наигранной паузы.

— Вот негодяи! Почему «Мальвина»?

— Не знаю, — соврал я. — Возможно, за красивые глаза.

— Допустим. Но мне вообще-то нравится такой позывной. А тебе?

— И мне нравится. Только Мальвина — это марионетка вроде.

— Все мы марионетки, — Вика снова взяла меня за руку, но так, чтобы не блокировать её в случае, когда та понадобится для экстренного вращения руля. — Ну вот. Полдела сделано.

— Следуя логике, мне нужно брать позывной «Пиноккио»?

— Брось, это глупо. Почему «Пиноккио»?

— Разве не Пиноккио таскался за Мальвиной в фильме?

— Молодой человек, — потрепала мне волосы Вика, — у вас каша в голове! Когда вы в последний раз читали детскую классику? Говоря твоими словами, за Мальвиной таскался Пьеро. А Пиноккио, которого у нас называют Буратино, был слишком целеустремлённой личностью, чтобы за кем-то таскаться.

— Благодарю за ликбез, — буркнул я. — Спроси лучше, когда я вообще читал художественную литературу. Даже стыдно как-то.

В общем, выбор моего позывного не задался. Полноценный рассвет застал нас на объездной Твери. Там мы сделали третий привал, после которого Василий Иванович занял место водителя. Вика отправилась осваивать багажник, так как уже больше суток нормально не спала. А я устроился штурманом.

На подъезде к Санкт-Петербургу выяснились два важных факта: во-первых, мы прибыли слишком рано, и нас попросту некому было

встретить до вечера; а во-вторых, даже незначительное ДТП может вызвать колоссальный затор на трассе, обеспечивающей эвакуацию жителей из города. Тягач с большим красным контейнером на прицепе, притёршийся, похоже, с другим автомобилем, перекрыл всего лишь одну полосу и обочину, но этого хватило, чтобы на много километров позади вытянулась плотная вереница автомобилей.

Так объяснился довольно редкий встречный поток, наблюдаемый ранее. Некоторые водители, поверив маркетинговым лозунгам о том, что их полноприводные внедорожники действительно являются таковыми, решили покорять обочину, где увязали в жидкой грязи и застревали, преодолевая дренажные канавы. Но когда с нашей стороны бетонного отбойника навстречу пронёсся правительственный кортеж, абсолютно не стесняясь и не снижая скорость, а за ним напролом последовал поток обычных автомобилей, мы решили срочно уходить с трассы.

Когда командор начал свои хитрые манёвры по полям и лесопаркам в окрестностях Санкт-Петербурга, никто уже не спал.

— Почему мы не можем просто въехать в город? — поинтересовалась Вика.

— Там всё перекрыто национальной гвардией. Можно попасть только в «чистые» районы и только по предъявлении паспорта с соответствующей пропиской, — поделился полученной ранее информацией командор.

— Так я прописана на севере, в районе «Академической», — спохватилась девушка. — Можем проехать по моему паспорту.

— Туда-то и пропустят, — сказал Ерёменко, — только нужно вам в центр, где перекрыты все проспекты и мосты.

Я переглянулся с Викой. Теперь стали понятны конечная цель поездки и новые условия, на которых мы возвращались домой. Только мой дом находился в районе, оцепленном из-за опасности заражения, а Вике никак нельзя было ехать к себе. Василий Иванович словно услышал мои мысли.

— Надеюсь, ты не надумала вернуться сейчас домой? — поинтересовался он у неё. — Я бы крайне не рекомендовал это делать.

Вика помотала головой.

Время до темноты пришлось коротать в пределах рыболовно-туристической базы отдыха «Волна», на которую мы наткнулись

совершенно случайно. Сняв два не так давно построенных сруба, где пахло деревом и новой мебелью, мы расположились на отдых, предварительно от души напарившись в горячем душе. Из широких окон уютной гостиной открывался великолепный вид на зелёные лужайки и подёрнутые рябью пруды. Помимо нашего автомобиля на парковке стояли лишь два других. Очевидно, происшествие в городе негативно отразилось на рекреационном бизнесе. И решившие убраться из города люди бежали подальше.

Мальвина спала, закутавшись с головой в большое мягкое одеяло. Мне до одури захотелось точно так же скинуть всю одежду, все заботы и мрачные мысли, забраться в теплоту нагретой любимой девушкой постели и забыться, пусть даже вечным сном. Но я не имел на это права.

В ожидании отбытия, я не мог не выйти в интернет. Попробовал подключиться через телефон, но скорость соединения оказалась чудовищно низкой, вдобавок сайты открывались через один. Лишь спустя полчаса я установил закономерность: более-менее исправно загружались только отечественные сайты, в то время как от зарубежных невозможно было добиться ответа. Однако чтобы усомниться в реальности происходящего, мне хватило и малого: всё новые страны разрывали друг с другом дипломатические отношения, поднимали пехоту, флот и авиацию; где-то творились и вовсе шокирующие вещи — массовые убийства целых деревень, эпидемии, голод. Тревогу усилили звуки раскатистого взрыва и заполошной стрельбы, принесённые ветром со стороны автострады. Мир, с глупой улыбкой занося ногу над пропастью, махнул на прощанье рукой и сделал шаг.

Подступила тошнота — не мнимая, а вполне реальная, с головокружением и неприятным привкусом во рту. Пришлось влить в себя не менее полулитра прохладной минеральной воды и, закрыв глаза, откинуться в удобном кресле, чтобы немного прийти в норму.

За ближайшим прудом, дальний берег которого порос высоким камышом, начинался лесок, уходивший за холм. Вечерело, да и небо вновь посерело от низких туч. Чёрное в сумерках скопление деревьев вдруг шевельнулось. По земле прошла вибрация, а воздух наполнил громкий треск, словно от близких разрядов молний. Гигантское существо, напоминавшее бесформенную многоножку, приподнялось

над землёй и открыло чёрную осклизлую пасть. Неуклюже перебирая толстыми конечностями, тварь двинулась на меня. Я попытался бежать, но ноги словно приросли к полу, а руки — к оконному стеклу.

Из кошмара меня выдернул тихий, но настойчивый стук в дверь домика. Комната освещалась лишь тусклым вечерним светом с улицы. Я вскочил с кресла, с трудом синхронизируясь с явью, а покоившийся на коленях лэптоп с грохотом полетел на пол. Вика что-то простонала сквозь сон.

Когда я открыл, в комнату ввалился встревоженный Ерёменко. Я потянулся было к выключателю, чтобы зажечь свет, но командор резко одёрнул меня: — Не смей! — прошипел он и щёлкнул замком.

— Да что стряслось? — вскипел я.

— Романов, это пиндец. Соберись. Там какая-то чертовщина, — Ерёменко потянул меня за рукав в санузел: — Смотри!

В санузле было окошко на уровне выше человеческого роста, и оно единственное смотрело на территорию за домиком. Нам пришлось встать на унитаз, чтобы выглянуть наружу. На парковке у здания администрации базы отдыха выстроилась вереница автомобилей: все как на подбор чёрные немецкие внедорожники и высокие микроавтобусы. Рядом с кортежем крутились несколько человек.

— Минут пятнадцать как подъехали, — командор напряжённо вглядывался в чёрные силуэты. — Знаешь, что у них там в автобусах? Тела, Романов, человеческие тела, подвешенные вверх ногами.

Я чуть не соскользнул с ненадёжной опоры, чудом ухватился за оконную раму. Ерёменко приложил палец ко рту и жестом велел отойти от окна. Только сейчас я заметил в его руках короткий помповый дробовик.

— Нужно уходить. Только без паники. Буди Вику, скажи, что срочно надо выезжать, скажи, что нас ждут, и всё, — взгляд и тон командора выдавали насторожённость, но не страх. — Быстро собирайте личные вещи, свет не включайте, не шумите, ни в коем случае не забудьте компьютеры и телефоны. Я буду ждать у машины.

Следующие минуты пролетели в бешеном ритме с отголосками частого пульса в ушах. Вика быстро поднялась и беспрекословно собрала вещи. Недовольство она высказала только по поводу невозможности включить свет и принять душ перед выездом. На выходе из домика я в ещё более общих, чем у Ерёменко, чертах

объяснил Вике ситуацию: мол, приехали люди, потенциально враждебные, нужно потихоньку убираться. Девушка, и так предчувствовавшая что-то нехорошее, вдруг обратилась в натянутую тетиву; теперь я испугался ещё и за неё, однако не внести ясность в происходящее не мог. Неопределённость пугает сильнее.

Внедорожник командора по роковому стечению обстоятельств стоял позади его дома, то есть в зоне прямой видимости с большой парковки, где уже закипала какая-то нездоровая активность. Из здания администрации высыпал народ, послышались короткие указания, и ожидавшие у машин силуэты начали расходиться в разные стороны.

Из полуоткрытой двери выскочил Ерёменко с рюкзаком на плечах и ружьём наперевес: — Пора! — нервно подмигнул он и двинулся к углу дома, жестом приказав следовать за ним.

— С того момента, как я открою машину, у нас будет секунды три на заброску вещей и отъезд, — инструктировал командор. — Кидайте вперёд сумки, затем сами падайте на пол и лежите. Как только дверь багажника закроется, кричите мне: «Готовы!» и пластайтесь, как камбалы.

Пригнувшись, мы обошли дом и пристроились у борта автомобиля. Наш манёвр, похоже, не остался незамеченным. Одними губами командор начал обратный отсчёт: «три» — и уже послышался хруст гравия под ногами приближавшихся; «два» — где-то раздались приглушённые сухие выстрелы; «один» — мигнули поворотники, а замки щёлкнули. Ерёменко рванул водительскую дверь, а что он делал дальше, я не видел и не слышал. Чтобы открыть багажник, мне потребовалось поставить чемодан на землю и чудовищно долго искать кнопку. Стартёр несколько раз крутанулся, прежде чем дизельный двигатель завёлся, грохоча своим непрогретым нутром. Я наконец нащупал кнопку багажника и так резко потянул дверцу вверх, что Вика, крутившаяся рядом, отскочила от неё и упала на спину. Голова сама собой повернулась в сторону опасности, и я оцепенел от близости тёмной фигуры. Человек с нечеловеческими чертами лица и бычьим телосложением был уже в нескольких шагах от нас; второй такой же следовал за ним в отдалении, но заметив суету, прибавил шаг, характерно прижимая рукой полу пиджака.

Сумка полетела в салон, а за ней и чемодан; Вика неловко подымалась на ноги. Я подхватил её и, как ту же сумку, закинул внутрь

машины. Закрывая за собой дверь, я не прокричал, а прохрипел: «Готовы!!!»

***

В районе десяти вечера, петляя по узким, порой просёлочным дорогам, мы нырнули под КАД и упёрлись в перегороженный бетонными блоками мост. Мои глаза слезились от того, что я беспрерывно всматривался в темноту позади; Вика свернулась калачиком в ворохе вещей и не издавала ни звука. Командор всё напевал какую-то дурацкую песенку из девяностых, что-то типа: «Растут лимоны на высоких горах, на крутых берегах…» Вопреки ожиданиям, вместо того чтобы снова пуститься на поиски свободного пути, он заглушил двигатель и предложил выгружаться.

Когда все вышли на свежий ночной воздух, меня поразили тишина и темнота, окутавшие окрестности. Уже точно находясь в пределах города, мы не видели обычного зарева ночной иллюминации, не слышали дыхания мегаполиса. Лишь скользили вдали прожекторы вертолётов да неуверенно шумела где-то внизу вода.

— Эх, давно я так не веселился, — как ни в чём не бывало потёр руки Ерёменко. — Значит так, слушай мою версию: на упырей этих мы нарвались случайно, ни мы к ним, ни они к нам никакого отношения не имели. Поэтому, видимо, они и дали нам уйти.

— Что произошло? Кто были эти люди? — ожила Вика.

— Я же сказал: упыри, нелюди. До поры они скрываются среди нас — вы могли ездить с такими бок о бок в метро или смотреть про них передачи по телеку, но когда привычный порядок рушится, они вскрываются, объединяются и начинают строить ад на земле. Скучают по дому. Не принимайте на свой счёт, дети мои, но будьте впредь внимательны и осторожны, ибо здесь наши пути расходятся, у меня новая задача, а вас я передаю под защиту Фонда.

Новость никак не добавила оптимизма. Я, да и Вика, похоже, успели привязаться к этому жизнерадостному и энергичному человеку. Выражения лиц сложно было разобрать в темноте, но Ерёменко догадался о нашем смятении и его причинах.

— Отставить панику! — скомандовал он. — С проводником точно доберётесь куда надо, а там уж как за каменной стеной. Пойдёмте я вас провожу.

Командор закрыл машину, и мы спустились к реке, немного удалившись по берегу от моста. Хоть июльская ночь и не была кромешной, но плотные облака на западе перекрыли в небе слабые отголоски увядавших белых ночей.

Мы некоторое время постояли, начали вполголоса переговариваться на отвлечённые темы, как вдруг на чёрной глади реки, метрах в двадцати, заморгала красная точка. Ерёменко цыкнул и два раза мигнул в темноту фонариком, висевшим у него на связке ключей.

К моменту, когда мы попрощались крепким рукопожатием и бывший уже инструктор сообщил, что в целом доволен мной как стажёром, к берегу пристала небольшая надувная лодка.

— Андрей Кузьмич, — сухо отрекомендовался наш проводник. — Прошу на борт.

Я помог Вике шагнуть в лодку, а затем начал подавать вещи, чем вызвал возмущение тёмного силуэта на корме.

— А это шо за приданое? — спросил он. — Вы хотите потопить нас к чёртовой матери?

Я застыл, не зная, что сказать. Но за наши пожитки вступился более осведомлённый Василий Иванович.

— Андрей Кузьмич, ну ты что, предлагаешь ребятам бросить всё здесь? — запротестовал он. — Их сорвали с места, как и всех. Давай размещай личные вещи сотрудников.

Лодочник еле слышно матюгнулся и начал раздавать указания.

— Ты, парень, чемодан давай сюда, сумку положишь в ноги, садись на середину, а подруга пусть садится вперёд. Сидеть тихо, строго по центру, не преклоняться: то есть руками не махать и в водичку их не совать.

Окончательно простившись с командором, мы отчалили на заметно просевшем под нашим весом судне. Через несколько секунд силуэт Ерёменко растворился во тьме. Лодка пошла по водной глади практически бесшумно, но вполне уверенно.

— Там электромотор? — поинтересовался я.

— Да, — буркнул проводник, прикуривая сигарету. — Если кто-то курит, курите сейчас, потом будет нельзя.

— Мы не курим, — сообщил я и спросил: — А что за река?

Ответа не последовало.

— Что за река, спрашиваю? — повторил я чуть громче, обернувшись.

— Сиди спокойно, не рыпайся, мешаешь — отрезал Кузьмич. — Это Охта.

18. Нижний уровень

Двигатель не хотел заводиться. Наш проводник раз за разом дёргал шнур ручного стартёра и был близок к тому, чтобы потерять самообладание и перейти на мат и пинки. А мы с Викой уже разместились с вещами на лавках небольшой дрезины, ожидавшей нас в слабоосвещённом тоннеле.

В это подземелье мы попали крайне экзотическим способом, который до сих пор не укладывался в голове. Пройдя вниз по Охте, которая то широко разливалась, то сужалась до нескольких метров, заставляя пригибаться под нависавшими с берегов деревьями, мы вышли в Неву, прямо напротив Смольного. Дальше под прикрытием набережной поднялись вверх по течению, достигнув разведённого Большеохтинского моста. И преодолев реку параллельно ему, пристали к спуску с набережной, где нас ожидал незаметный человек в таком же, как у нашего проводника, плаще. Он помог нам сойти и разгрузиться, а затем сел в лодку и ушёл вниз по течению. Теперь и без того сюрреалистичное путешествие превратилось в остросюжетное приключение. Мы скрытно поднялись на набережную, и проводник, еле слышно звякнув ключами, отворил незаметную узкую дверцу в стойке моста при въезде. При других обстоятельствах я бы в жизни её не заметил, а теперь мы протискивались в узкий проход, где вниз уходил колодец с лестницей в виде вмурованных в стену скоб. Здесь я наконец понял возмущение проводника относительно нашего багажа: Викин чемодан с трудом пролез в небольшую шахту. Спустившись, мы углубились в сеть таинственных коридоров и тамбуров, по которым Кузьмич уверенно прокладывал путь, открывая и закрывая гулкие и скрипучие металлические двери и решётки. К чести Вики, она за всё время странного, а порой и опасного пути ни разу не выказала каких-либо эмоций и не проронила ни слова. Шла уверенно, ни за что не цеплялась и не спотыкалась. К счастью, марш по лабиринтам длился не так долго, как ожидалось, и вот мы вышли в тоннель, где и натолкнулись на архаичное транспортное средство.

Небольшой дизель завёлся после десятка-другого попыток, чихнув густым солярочным выхлопом и неприятно затрещав. Этот

шум, казалось, разнёсся по всей подземной системе, какой бы она ни была, потревожив её мрачную сущность.

Проводник взобрался на место машиниста (снова позади нас), и тележка тронулась: пошла небыстро, громыхая на стыках и периодически скрипя колёсами. Я уж было собрался нарушить молчание, повисшее со времён речной прогулки, и поинтересоваться, что это за катакомбы, как вдруг почуял знакомый ветер метро. Ещё через мгновение узкие своды разошлись, и дрезина выкатилась в более просторный тоннель, где причудливо переплетались железнодорожные пути. Метро. Только сейчас я обратил внимание, что колея, по которой шла дрезина, была заметно уже основной. Некоторое время узкоколейка тянулась параллельно ветке, и мы вертели головами, рассматривая скрытые от большинства недра метрополитена. Затем рельсы снова свернули в узкий коридор, где я вспомнил о таком понятии, как клаустрофобия. Над головами тянулась толстенная труба, от вида которой невольно захотелось пригнуться, а машинисту пришлось это сделать буквально, так как его сиденье располагалось выше пассажирских лавок. Освещение было паршивым, потянуло холодом, и я придвинулся ближе к Вике, обняв её сзади.

— Романов! — закричал Паскаль, едва завидев наш выехавший из-за очередного поворота экипаж.

Коллега стоял в ярко освещённой стенной нише и махал рукой.

— Спасибо, Андрей Кузьмич, на сегодня всё, — он пожал руку проводнику, а затем помог Вике сойти с импровизированного поезда на свою небольшую платформу. — Паскаль Бонне. Рад наконец познакомиться.

— Виктория, — кивнула девушка. — Теперь и я могу лично поблагодарить вас за помощь в моём сложном деле.

— К чему все эти условности? — сказал парень, крепко и с искренней радостью пожимая мою руку. — Все мы одна семья. И предлагаю сразу перейти на «ты».

Мы прошли в дверь, ведшую прочь из мрачного тоннеля, и Паскаль плотно закрыл за нами массивную створку, послышался лязг занявших рабочее положение засовов.

— Где мы? — поинтересовался я. — Кроме грубостей и предложений заткнуться мы больше ничего не добились от нашего проводника.

— Вы уж простите человека, — ответил Паскаль, когда мы снова поднимались на поверхность, но уже по нормальной, широкой и хорошо освещённой лестнице. — Сейчас на нервах многие, чьим семьям пришлось так или иначе покинуть город. Да и обстановка в целом далеко не праздничная. А вы находитесь теперь в главном офисе: в безопасности и под защитой Фонда. Проблема с размещением у нас решена. Остановитесь в комнатах отдыха, которые мы переоборудовали под временное жильё для сотрудников. Нас тут осталось всего девять человек, включая вас. Все используемые помещения хорошо защищены от внешнего воздействия: герметичные бронированные ставни, свой воздух, своя вода. Замкнутые системы жизнеобеспечения, генераторы — на всякий случай.

— А не могли бы мы остановиться в одной комнате отдыха? — спросил я.

— Это мы обсудим, — ушёл от прямого ответа Паскаль, — а пока можете привести себя в порядок и отдохнуть.

Обсуждение началось сразу, стоило только захлопнуться двери в комнату, где Вика осталась осваиваться в своих апартаментах. Паскаль отвёл меня к дальней стене коридора второго этажа и вполголоса заговорил:

— Слушай, это важно. Дело касается твоей подруги. Она не в безопасности даже здесь. Я проследил всю цепочку от той парочки из издательства до их истинных хозяев — и следы ведут к нам. Эти люди, кем бы они ни были, имеют отношение к Фонду.

У меня невольно перехватило дыхание. И мой взгляд, похоже, выразил всю нелепость ситуации и начавшую разгораться в связи с этим злость.

— Есть решение, не паникуй, — попытался успокоить меня собеседник, но это оказалось непросто.

— А я-то, дурак, обрадовался, развесил уши, решил, что наконец нашёл идеальный коллектив — как вы говорите, «семью», где царят любовь, дружба и взаимовыручка! Но оказывается, и тут есть свои крысы, которые не прочь сожрать человека и закусить его близкими.

— Не столько крысы, сколько отступники, и в этом здании их точно нет, — уверил меня Паскаль. — Итак, ты выговорился? Можем продолжить?

Мне не оставалось ничего, кроме как кивнуть. Хотя стоило усилий взять себя в руки.

— Павел Малтис — неслучайный человек. Он работал координатором в сфере отношений Фонда и госструктур, в частности Министерства обороны. Как ты понимаешь, деятельность организации, подобной Фонду, не может протекать скрытно от спецслужб и разведок государств. Поэтому есть «серая» зона деятельности и существуют соглашения о границах полномочий. Такие люди, как Малтис, занимаются сглаживанием углов в местах соприкосновения интересов Фонда и госорганов, неосведомлённых о наших истинных целях. Он был ответственным за ввод в эксплуатацию тех убежищ и хранилищ, что планировалось использовать совместно с военными. Данные об этих объектах являются сверхсекретными даже по нашим меркам. Они могли понадобиться кому-то, кто не имеет к ним официального доступа.

По мере изложения фактов моя злость превратилась в лёгкий шок, и теперь уже я взял собеседника за плечо и придвинулся поближе.

— Как? Объясни мне. Как могло случайно произойти событие, вероятность которого столь мала, что может не учитываться в расчётах? Я знаю Вику с десяток лет, но лишь недавно мы с ней увиделись снова — и тут же стали неразлучны. Аккурат после моего трудоустройства в Фонд. А чуть ранее убили её отца, который тоже фактически работал на эту организацию.

— Думаешь, я не пытался сопоставить факты, найти связь? Ничего, — сказал Паскаль. — Ты веришь в судьбу?

— Смешно, — ухмыльнулся я и почувствовал, что меня отпустило. — Что теперь-то делать? Почему ты считаешь, что в этих стенах нет крыс?

— Ты что-нибудь знал о Фонде раньше?

Я покачал головой, предполагая, что вопрос был риторическим.

— Вот и остальные, кроме нас со стариком, так же «чисты», как ты сам, — продолжил Паскаль. — Он набрал вас с какой-то известной только ему целью, которая скоро откроется. А в отношении Виктории мы применим небольшую хитрость. Мы спрячем её на самом видном месте. Запоминай, что нужно сделать...

***

Небольшой зал совещаний наполнялся знакомыми и незнакомыми людьми. Я уже увиделся и успел поболтать со своим оператором-ангелом Дарией, которая теперь знакомила меня с другими коллегами. Кто готовил эспрессо в кофеварке, кто расставлял на столе стаканы и стеклянные бутылки с водой. Вдруг вошёл Лев Борисович Лавров и с ходу со всеми по-отечески перездоровался. Предложил рассаживаться. Внимание лишь одной девушки в кабинете было приковано больше ко мне, нежели к руководителю.

— Стало известно, что в порту пропали без вести, читай погибли, три человека, — начал без предисловий Лавров. — Ещё около ста получили не смертельные дозы радиации и проходят лечение. Материальный ущерб велик. Но ему не сравниться с моральным. В середине июля должна была состояться большая конференция «Дыхание Будущего», где планировалось обсудить переход к новым принципам развития и мирного сосуществования. Лучшие умы со всего мира собирались быть здесь. Теперь всё пропало, мероприятие перенесено на неопределённый срок. И скорее всего, в России ему не бывать. Такие вот неутешительные новости. Не хочется об этом думать, но весьма вероятно, конференцию намеренно сорвали силы, не заинтересованные в мирном развитии. И отравили к тому же целый район.

— Мы уже в курсе, что ответственность взяли на себя террористы ДАИШ, а управляют ими известно кто. А тем не впервой, — подал голос угрюмый парень по имени Иван. — Японцы, вон, до сих пор помнят Хиросиму и Нагасаки.

— То была открытая война, а в ней, как известно, все средства хороши, — подхватил наш рослый и плечистый коллега, по-моему, Максим. — И не нужно забывать, что японцы поддержали нацистов и первыми начали массовые испытания биологического оружия. К тому же те взрывы наглядно продемонстрировали миру опасность ядерного оружия.

— Продемонстрировали, — скептически повторила первая вступившая в разговор девушка — Софья. — Чтобы через каких-то семьдесят лет ЦРУ создало очередную террористическую организацию, которая применила грязную бомбу?

— Между прочим, есть и другие версии взрыва, — попытался разрядить обстановку Максим. — Все видели те ролики из Кировского

района, где диггеры пробрались в условную зону заражения и не обнаружили там никакой радиации? Многие это подтверждают, но не все могут проверить: ближайшие кварталы оцеплены, а дозиметров в продаже не найти.

— Я живу на Ваське, — вклинился я. — Можно поподробнее об этой версии?

— Можно, — Максим (да и все остальные) перевёл внимание на меня. — Во время июньского урагана что-то, возможно, произошло в заливе близ порта. Опять же, есть видео, на котором какой-то массивный объект показывается из воды, а затем снова погружается. Говорят, чуть ли не диверсантов высадили с подводной лодки, а кто-то заявляет, что это было неизвестное крупное животное типа кита, но гигантских размеров. Кто сколько выпил, короче…

Разговор потёк мимо меня, ибо мне невольно вспомнились момент после урагана и та женщина с безумным взглядом, кричавшая, что «они» уже здесь и спустились с грозой. Бред.

— Всё равно Америка слишком заигралась в эти опасные игры, — Софья не унималась и своим звонким голосом вывела меня из состояния флешбэка.

— Нотабене, друзья мои! Здесь есть важное замечание, — прервал разгоравшийся спор Лавров, постучав ручкой о стакан. — Когда мы говорим в негативном свете, скажем, об Америке, мы должны подразумевать не американский народ, ведь они такие же, в общем, люди, как и мы: у большинства нет имперских амбиций и ненависти к другим народам (особенно учитывая многонациональность). Мы должны подразумевать лишь тех паразитов, которые выросли и набрали силу на теле страны, захватив над носителем полный контроль. Это главы и адепты древнейших деловых домов, предки которых вышли из убежищ и основали предприятия и артели. Те из них, что пошли по пути бесконтрольного насыщения и захвата власти. С точки зрения мировой истории, нет ничего предосудительного в том, что отдельные народы стремятся к глобальному господству, используя даже кровавые и варварские методы. Русских нельзя назвать агрессорами, но и ангелами тоже. Да, за всю историю мы больше защищались, чем нападали, однако грехи и тёмные пятна имеются. А вот с США немного другая ситуация.

Лавров хмыкнул, о чём-то подумав, отпил воды из стакана и продолжил:

— Страна, а главное, американцы как нация сформировались менее двух с половиной столетий назад. И произошло это в результате попытки создать единое идеальное общество из представителей всех рас, народов и религий, о чём гласит традиционный лозунг «E pluribus unum» — «Из многих — единое». Издревле известно, что если хочешь построить новое, необходимо разрушить старое. Но наши праколлеги нашли другой, как им казалось, более мягкий путь: осваивать дикие земли за океаном и строить там новый мир. И Новый Свет действительно оказался диким, но при том вполне освоенным. На обломках древней цивилизации выросло развитое, но несколько жестокое общество. Испанцы не добились там успеха, но через три века было решено продолжить эксперимент возможностями британской империи. И англосаксы продвинулись гораздо значительнее, просто уничтожая местное население материка с помощью более современных, чем шпаги и аркебузы, средств. В некоторой степени это окончательно раскололо нашу организацию на два лагеря. Первые продолжили заниматься тем, чем занимались тысячелетиями, а вторые, которые со времён второй большой войны заявляли о необходимости жёстких чисток варварских племён Выживших, получили возможность реализовать свои планы. Только к тому времени уже было поздно делить народы на своих и чужих: всё перемешалось и, как говорится, устаканилось. Выход был один — уничтожать всех без разбора, сохранив определённую небольшую группу избранных. Но такого не произошло. Возможно, никто не решился взять на себя ответственность, но мне кажется, просто не было технических возможностей.

— И что, сейчас такие возможности появились? — спросила Софья после напряжённой паузы.

— Увы, — горестно подтвердил Лавров. — Это крайний резервный план, родившийся задолго до нас с вами и получивший имя, хорошо характеризующее его суть, — «Суховей». В начале века так называемым Хранителям не составило труда выторговать отмену реализации плана, ибо было очевидно, что оружие массового поражения приведёт к неконтролируемому взаимному уничтожению.

— Выторговать у кого, простите? — не удержался уже я от того, чтобы пропустить важную оговорку мимо ушей. — Разве Фонд не является верховной организацией?

— Конечно, но у нас две руки: одна рвётся расчищать место под строительство, а вторая уберегает от разрушения то, что уже возведено. И та, и другая — мы все связаны воедино.

— Если есть руки, значит, должна быть и голова? — снова спросил я. — Кто-то всем управляет и принимает окончательное решение?

— А вы как думали, молодой человек? — усмехнулся профессор. — Ни одна система не может эффективно функционировать без централизованного управления, даже наша вселенная. Но возвращаясь к теме разговора, хочу подытожить: согласно вышеупомянутому договору, план «Суховей», подразумевающий фактически Страшный Суд для большинства людей, считается замороженным, однако текущая обстановка говорит об обратном. Именно для того чтобы выяснить истинное положение дел, мы и собрались здесь. Мне доверяют высокопоставленные Хранители, а я, в свою очередь, стар и дряхл и могу положиться только на вас.

— И какова цена этой истины? — поинтересовался Иван.

— Её цена — не только миллиарды жизней посторонних людей, но и многие тысячи жизней наших сотрудников, коих Фонд собирал по миру с большим трудом. Нет никакой уверенности, что жажда власти не заставит самых тёмных из Инженеров уничтожить всех, включая и Хранителей, дабы мы не мешали им строить новый мир без изъяна и порока. Как вы считаете, это достойная цена за наш труд?

— У меня только один вопрос, — уверенно произнёс Максим, — что нужно делать?

— Я рад, что мы так скоро перешли к конструктивной части брифинга, — разряжая обстановку, пошутил Лавров. — Кстати, сегодня в этой комнате присутствуют два абсолютно уникальных сотрудника. Прошу любить и жаловать: Сергей Романов — первый в современной истории официальный член организации, не прошедший полный курс обучения.

— Сомнительная честь, — буркнул я, поднимая руку в знак приветствия.

— А также, — продолжил с улыбкой профессор, — Ирина Стенли, она — внимание! — сотрудник, вообще рекрутированный почти случайно.

Вика, сообразив, что речь идёт о её новой личности, покрутилась по сторонам, пытаясь симулировать смущение. Кабинет тихо загудел: коллеги переговаривались и всячески выражали нам сочувствие и заверения в поддержке.

— Таким образом, дорогой господин Бонне, вы теперь не единственный полуиностранец в нашем русском народном отряде внутренней разведки, — сказал профессор, и гул стих. — А если серьёзно, то более опытные ребята помогут вам, а толковая, как я убедился, голова на плечах позволит принять верные решения. В добрый путь!

Лавров выдержал паузу и продолжил в абсолютной тишине, полной внимания к дальнейшим словам:

— Некоторым из вас, кто стажировался для внешней оперативной работы, возможно, придётся участвовать в опасных во всех смыслах операциях. Сотрудников охраняют — и весьма хорошо, но это не исключает неприятностей. Конкретно наша полуофициальная миссия имеет ещё более высокую вероятность осложнений. Поэтому я спрашиваю каждого: готовы ли вы пойти на риск, осознаёте ли вы его? Вы молоды и полны сил, впереди целая жизнь. Может, стоит отказаться вообще от такой работы или поменять вашу предполагаемую роль? Вы имеете полное право, потому что давая предварительное согласие, не знали всех деталей и не каждый прошёл должную подготовку. Итак, даю минуту на размышления. Время пошло.

Стало тихо до звона в ушах, и только настенные часы исправно отсчитывали секунды. Минута растянулась в бесконечность и сжалась в ничтожное мгновенье. Может, лучше бы и не было этого мучительного выбора? Раздали бы нам приказы — и вперёд. Нет. Что-то важное есть в данном ритуале — некий смысл.

— Минута истекла, — сообщил старик. — Теперь не нужно ничего говорить, просто смотрите на меня, позвольте взгляду передать ваше решение.

Лавров поочерёдно, без какой-либо чёткой последовательности сфокусировался на каждом из нас. Я не знал, как он поймёт мой ответ,

но положительное решение я принял ещё тогда, на первом собеседовании, хотя не имел вообще абсолютно никакого представления о том, с чем столкнусь позже.

— Хорошо, — с долей облегчения произнёс Лавров. — Я ни в ком не ошибся. И теперь, когда все согласны, я продолжу. До сего момента вы называли своё новое место работы как угодно: фонд, общество, организация. Прехисторат — наше имя. С данной минуты вы, согласно кодексу, заступаете в выбранные должности. Максим Денисов, помощник наблюдателя: вы назначаетесь на должность старшего наблюдателя Прехистората. Иван Черногоров, стажёр: вы назначаетесь на должность наблюдателя Прехистората. Сергей Романов, стажёр: вы назначаетесь на должность наблюдателя Прехистората. Марина Демченко, стажёр: вы назначаетесь на должность наблюдателя Прехистората. Софья Бережных, стажёр, вы назначаетесь на должность ангела наблюдателя Прехистората. Дария Лебедева, стажёр, вы назначаетесь на должность ангела наблюдателя Прехистората. Ирина Стенли, стажёр, вы назначаетесь на должность ангела наблюдателя Прехистората. Чего притихли? Тайных ритуалов посвящения не предусмотрено, продолжаем работать.

Старик так чётко перечислил все имена, что казалось, он и правда знал нас как своих детей.

— Позвольте неофиту вопрос, — нарушил я торжественную паузу (впрочем, и без меня уже испорченную финальной шуткой Лаврова). — Это большая честь — стать полноценным членом настолько древнего сообщества, но по мере погружения мне всё не даёт покоя неувязка: Прехисторат является наднациональной и многонациональной организацией, все работники коей прекрасно уживаются и сотрудничают, а во внешнем мире те же народы люто враждуют. Как это понимать?

— Во-первых, не народы, а силы, разобщившие их, — начал Лавров. — Об этом мы недавно говорили. А во-вторых, Сергей, вы сами почти ответили на свой вопрос. Секрет единства — в способности преодолеть разногласия и выйти на другой уровень общения ради общей цели, но сохранив при этом индивидуальность и многообразие культур.

— Нужна та самая толерантность, которую так насаждают глобализаторы, — усмехнулся Максим.

— Нет, не толерантность. Здесь снова подмена понятий, — возразил профессор. — Терпимость — это как пружина. Ты терпишь, терпишь, она всё сжимается и сжимается, а потом выстреливает с гораздо более трагичными последствиями. Здесь нужно нечто другое. Например… Вот вы, к слову, религиозный человек?

— Однозначно не религиозный, — задумался старший наблюдатель. — Но и не отрицаю возможность наличия души и некоего верховного разума, по замыслу которого создана вселенная. Это не самая плохая из версий. Разве не здорово, что после смерти нас не тупо съедают черви, а наша сущность продолжает жить в другом измерении или перерождается в другое существо? Если такая идея объединяет хороших людей, то это отлично.

— Вот именно! — обрадовался Лавров. — А теперь представьте, что человек с таким же мировоззрением, только воспитанный в традициях, скажем, ислама или буддизма, спросит вас: «А что же хорошего есть в вашей вере?» И вы ответите ему: «Ну, у нас нельзя убивать, предавать, воровать, обманывать». А он скажет: «Интересно. В моей вере такие поступки тоже считаются недостойными». Так что же плохого в наших верах, если они учат человека быть человеком? И вы отбросите всё плохое, что когда-либо слышали друг о друге, и откроете самую древнюю и истинную религию о Добре и Зле. Этой религии большинство матерей учат детей ещё с пелёнок по книгам народных сказок и легенд. И завет её так прост, что открыт для понимания даже ребёнку.

— Хорошо, — подхватил я мысль, — можно не разрушать культуры и религии, можно просто собрать фрагменты мозаики, отбросив испорченные. Получится красивая и целостная картина. Мы поймём друг друга, сплотимся. Но ведь зло не исчезнет?

— Не исчезнет, — подтвердил Лавров. — Но утратит возможность скрываться под ложными ликами и мягко проникать в податливые умы, набирая последователей или просто отравляя разум, что мы сейчас и наблюдаем. Зло настолько внедрилось во все сферы жизни, что многие его не замечают. И очень просто в эру СМИ стало манипулировать двумя такими основополагающими величинами, как добро и зло. Вот богатый мальчик накормил туземцев и сделал прививки от малярии — это хорошо; а вот террористы вырезали целую деревню таких же туземцев — это плохо. Обыватель доволен, в его

голове всё расставлено по своим местам. Но если вы разбираетесь в природе зла, то видите совсем другое. Друзья богатого мальчика, одержимые пороком безграничной алчности, обнаружили щедрое месторождение алмазов или нефти на землях туземцев и, пользуясь хорошей репутацией друга, попросили оного создать видимость благотворительности. В то время как другие туземцы, вооружённые и натасканные хитрыми дельцами, перережут своих же собратьев. Не всех, конечно: калек, стариков, женщин, детей оставят для демонстрации сохранности коренных народов. Женщины, с угнетённой модифицированными вакцинами фертильностью, не смогут выносить и родить потомство. Дети погибнут от нечеловеческих условий и голода. Вот как работает зло. Оно даже имя своё, что в древности лишний раз старались не произносить, смогло поместить в категорию незначительных, а порой и смешных понятий. «Борец со злом» — отличное название для низкопробного фильма ужасов или даже комедии. На экране зло представляется в виде монстров, иногда забавных. Но таких монстров не бывает — значит, и зла нет. Ложь и хитрость — самое сильное оружие; а глупость и невежество — плодороднейшая почва для взращивания их потомства.

— Так почему не избавить людей от невежества, почему не открыть правду? — возмутилась Марина.

— Правда у каждого своя, а истина и так открыта в самых разных проявлениях — кто ищет, тот найдёт, дорогу осилит идущий; а те, кто привыкли к легкоусвояемой информации, увы, слепы к части спектра, в которой светит истина. Ваша привилегия уникальна, вы получили возможность увидеть многие доказательства, приближающие вас к ответу. Как если бы Господь Бог или инопланетяне спустились с неба и сказали: «Мы существуем, мы вас создали. Живите дальше спокойно». Однако вам придётся проделать долгий путь и стать достойными такой привилегии. Но друзья, мы снова погружаемся в философские дискуссии, и я понимаю вашу тягу к подобного рода общению. Вы были лишены его в прошлом. Обещаю, вы сполна наверстаете упущенное и получите ответы на все вопросы.

— И даже на вопросы вроде «Как произошла жизнь, и в чём её смысл?»? — вдруг подала голос Вика-Ирина, не проронившая до сих пор ни слова.

— О происхождении — возможно. Но вот смыслов великое множество, и судя по блеску в глазах, вы не лишены одного из них, — ответил профессор и спросил: — Откуда такая тяга к естествознанию, моя дорогая?

— Ищу, стремлюсь, как вы сказали, — сообщила девушка, но потом добавила: — Хотя вы правы, мой интерес имеет и другую подоплёку. В детстве, когда мы бесконечно разъезжали по Дальнему Востоку и Уралу, в поселковой школе на родительском собрании одна из местных мам задала такой простецкий вопрос: «Почему вы учите детей, что жизнь вышла из океана? А в океане-то она как появилась?» И провинциальная учительница очень изящно ответила…

Вика сделала многозначительную паузу. А я подумал, что старик зря решил вытащить Мальвину на разговор: её легенда только что провалилась с треском. Зачем дочь американского культурного деятеля скиталась по поселковым школам? Мне легенда и без того казалась сомнительной, однако Паскаль заверил в чистоте фактов. Успокаивало лишь то, что легенда в большей степени предназначалась для корпоративных нужд, а внутри нашей группы являлась формальностью.

— Так вот, учительница сказала: «А на этот вопрос ответят уже ваши дети — будущие талантливые биологи, инженеры и философы». И этими словами она словно заложила в меня программу по поиску ответа. Хотя что я могла там понимать — в четвёртом классе? Да и учёным не стала, но с тех пор интересуюсь, — закончила Вика.

— Прекрасно! Теперь у вас будет больше возможностей для поиска истины. Такие люди нам нужны, — одобрил Лавров. — А теперь давайте перейдём к обсуждению конкретных задач по недопущению скатывания нашего мира в геенну огненную.

19. Обратный отсчёт

Покинуть город оказалось проще, чем попасть в него несколько дней назад. Власти ввели гражданские карточки — своего рода удостоверения, по которым горожане получили возможность беспрепятственно проезжать к месту проживания и работы.

Ко дню отъезда я уже обзавёлся таким пропуском. В карманах моего лёгкого пиджака лежали рабочий коммуникатор, ID-карта, являвшаяся по совместительству универсальной безлимитной банковской картой, немного наличности разных валют и номиналов, обычный и заграничный паспорта — и, собственно, всё. Хотя нет, имелось ещё кое-что — задание. Возможно, слишком ответственное для такого «зелёного» сотрудника. Я согласился на него сам, однако до сих пор не осознал, во что ввязался.

У меня оставалось два-три дня до вылета. Каждому Наблюдателю, да и многим другим сотрудникам Фонда доступна так называемая автовиза — возможность быстро (в течение трёх дней) получить разрешение на въезд в практически любую страну. Такой бонус достался и мне.

На пальцах, да и на всём теле словно сохранился запах Вики — тонкий аромат её кожи, еле уловимый парфюм, оставшийся от прошлой ночи. Бессонной ночи, проведённой в маленькой комнатке, служившей Вике временным убежищем. Осознание скорого расставания не давало нам оторваться друг от друга до самого утра, а затем я ушёл. Нам не хватило шести часов, чтобы попрощаться, — впрочем, как не хватило бы и целой вечности.

Я поднялся на поверхность по служебной лестнице, ведшей из тоннеля в переход между станциями метрополитена. Там я смешался с редким потоком пассажиров и вышел на свежий воздух. Подземка работала. Поезда ходили с очень большим интервалом, но всё-таки ходили. Город как-то жил. Однако это был словно призрак того Петербурга, который я покинул месяц назад. Редкие автомобили, редкие прохожие, спешившие и не поднимавшие глаз. Где яркая и беззаботная толпа туристов? Известно где — давно разъехались по домам и прилипли к своим телеприёмникам, без устали

транслирующим новостные передачи, с одним только немым вопросом: «Что дальше?»

Будь я корреспондентом ведущего новостного агентства, мог бы в этой поездке сорвать неплохой куш в виде уникального материала и как следствие — карьерного скачка и признания коллег со зрителями. Рейтинг канала вырос бы до небес, потому что аудитория получила бы ответ на тот самый вопрос. Только не исключено, что ответ понравился бы далеко не всем. Ответ, звучащий как: «Большинство из вас умрут в следующие три недели, а остальные им позавидуют. И только маленькая горстка Избранных будет преспокойно спать в своих уютных криогенных коконах, дожидаясь новой благодатной эры человечества, заботливо сконструированной для них Инженерами Нового Порядка».

Я с трудом отбросил мрачные мысли, проходя контроль на уже втором за недолгую поездку блокпосту. Я стремился домой. Карантин на Васильевском острове наконец сняли.

Захлопнув входную дверь, я погрузился в привычные уют и тишину своей квартиры. Но чувство это было зыбким и мимолётным, так как заехал я сюда лишь проездом. Сначала я долго, чересчур долго просто сидел в кресле на лоджии, а потом набрал номер абонента по фамилии Дубской.

— Ну наконец-то ты позвонил, — с ходу выдал мой бывший шеф. — Не прошло и двух месяцев со дня, когда я выписал тебе финальную премию, ожидая хоть вот такой малюсенькой реакции.

— Артемий Петрович, спасибо, конечно, большое, я и не подумал, что вы могли мне дать премию перед самым увольнением; но разговор не о том. Помните, вы в шутку просили вытащить вас из города, если мёртвые пойдут по улицам?

Повисло неожиданно долгое молчание.

— А что, пошли? — я не понял, шутил Дубской опять или забеспокоился всерьёз.

— Нет, не пошли и, возможно, не пойдут, но я настоятельно рекомендую вам покинуть город.

— Как покинуть, почему? Из-за теракта? Но город на особом режиме, последствия устраняют, — затараторил собеседник.

— Послушайте, я серьёзно. Собирайте вещи и уезжайте куда-нибудь подальше от крупных городов. Есть же у вас родственники в

глубинке?

— Но как я брошу работу? Младшая дочь в этом году поступает. У жены и у сына бизнес. Кстати, Асташев тобой постоянно интересовался, зачем-то ты был ему очень нужен.

— Так, — спохватился я после упоминания председателя совета директоров «Западного горизонта» Асташева, — интересовался? А сейчас почему не интересуется?

— Он уехал в командировку за границу. Вот уже недели две как отсутствует.

— Артемий Петрович, у меня мало времени, я не могу вас ни в чём убеждать. Просто поинтересуйтесь, куда делся Асташев, где его родственники, где остальные члены правления и вообще вся верхушка «Горизонта». Слышали про крыс, бегущих с корабля? Так вот предполагаю, что они бегут с одного тонущего корабля на другой такой же.

Образность моей речи просто зашкалила, но и прямым текстом я говорить не мог. Понадеялся лишь на здравомыслие и чутьё хорошего человека. Вскоре мы попрощались.

Затем я собрал нужные вещи: утилитарные одежду и обувь, предметы личной гигиены, дробовик и нарезной карабин, различные походные и дорожные принадлежности. Это не понадобится мне в командировке, но я стремился забрать всё, что имело хоть какую-нибудь практическую ценность. Модные джинсы, дорогие рубашки, туалетная вода, гаджеты, лыжное снаряжение — это барахло не в счёт.

Есть место, где мой скарб окажется в большей сохранности и сможет принести пользу. Туда я и направился. Но перед тем как закинуть сумки, рюкзаки и чехлы в машину и умчаться по сложным лабиринтам дорог прочь из города, я выпотрошил и разморозил холодильник. На кухне остались только продукты длительного хранения да несколько бутылок воды.

В посёлок к родителям я прибыл поздним вечером и сразу заметил явный приток населения. Вдоль центральной аллеи и на подъездных дорожках сгрудилось непривычно много автомобилей. Вспомнился характер поселения, где моя семья получила участок по приглашению. Здесь практически не было случайных людей — кандидатуры новичков, когда те приходили по рекомендациям друзей и знакомых, изучались и обсуждались на совете основателей. Звучит

патетически? На самом деле, основатели посёлка, они же учредители компании-застройщика и управляющей компании, хотели просто собрать в одном месте хороших во всех смыслах этого слова людей. Контингент прослеживался довольно чётко: как правило, семейные пары за сорок, способные вести безбедное существование в отдалении от крупных городов. Кто сдал квартиры в аренду, кто оставил их детям и сбежал в относительно девственные леса близ границы Тверской и Московской областей.

А сейчас все дети, похоже, решили разом навестить своих родителей и переждать в спокойном месте нехорошие события. А что, логично. Народ ведь собрался организованный, сплочённый и адекватный. Так думал я, пробираясь на шаговой скорости по улице, которую ребятня уже экспроприировала под игровые нужды.

Вспомнился план посёлка. Не тот, что доступен всем, а служебный, отражавший его концепцию. Центральная аллея, ровная как стрела, проходила через всю территорию с севера на юг и упиралась с одной стороны в «центральную усадьбу», а с другой — в дорогу во внешний мир. «Центральной усадьбой» именовался первый и главный квартал, замкнутый в кольцо. Здесь располагались дома основателей поселения и их приближённых. Нам когда-то тоже предлагали поселиться в первом круге, но в силу ряда причин мы вежливо отказались. Во втором круге, радиус которого раза в два превышал радиус первого, дышалось как-то свободнее, а люди жили не менее проверенные. А вообще план представлял собой пять кругов, центры которых были равно смещены на север относительно первого круга, то есть главный квартал был опоясан вторичными кольцами и в то же время вплотную примыкал к лесу с юга.

В первом круге находился и построенный самым первым на этой земле коттедж, который в разное время служил и офисом, и демонстрационным домом, и временным пристанищем для целых семей. Сейчас в нём организовали клуб, где собирался совет посёлка, состоявший из учредителей, а также самых авторитетных и активных жителей. В клубе не просто общались, курили сигары, катали шары в русском бильярде — там разруливались проблемы и принимались решения касаемо жизни поселения. Которая, к слову, была организована на пять с плюсом.

Во-первых, территория хорошо охранялась. По периметру, особенно в «слепых» зонах в лесу, были установлены ограждения от диких животных и диких людей. Каждый год ставились дополнительные камеры слежения и датчики. За всем этим хозяйством следили три работавших посменно охранника, а помогали им патрули народной дружины, набираемой из добровольцев. С добровольцами проблем не было: жители охотно соглашались раз в пару недель покататься на электромобиле по территории, болтая друг с другом и присматривая за соблюдением общественного порядка.

А порядок был простой, но строгий, как в крылатом выражении: «Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого». В посёлке все уважали друг друга, соблюдали чистоту и нормы приличия — словом всё то, что позволяло жить мирно на ограниченном пространстве. Однако и снобами поселенцы не были: умели весело отдохнуть, погулять, попраздновать, держали мелкую домашнюю живность. Дядя Миша с компаньонами создали рай для отшельников, пенсионеров и любителей здорового, близкого к натуральному образа жизни.

Свернув с аллеи на улицу, которая так и называлась — Второй квартал, я скоро оказался у заветного коттеджа, утопавшего в зелени вишнёвых и персиковых деревьев. Во дворе меня уже встречали родители.

Наскоро разгрузившись и приняв душ, я спустился к ужину, хоть и позднему, но праздничному по случаю моего внезапного приезда. Я практически ничего не ел днём, поэтому с осторожностью отнёсся к гастрономическому разнообразию. Хотя не попробовать всего понемногу просто не мог. Мы сидели, делились новостями и мнениями о них. Мама подтвердила мою догадку о том, что после известных событий в Питере в посёлок съехалось много народа: в основном дети, внуки и другие близкие родственники жителей. Съехались как-то сами по себе, словно повинуясь единому инстинкту. Похоже, удалённое от мира и относительно защищённое местечко вселяло в людей уверенность.

Обсудили с отцом планы на завтра, и он отправился спать. Я решил помочь ему переодеться и подготовиться ко сну, а когда вернулся в гостиную, мама уже убрала со стола, загрузила посудомоечную машину и заварила чай. За этими посиделками она

попыталась выведать ещё какие-либо подробности о моей работе, и стало понятно, что моя на первый взгляд вполне крепкая легенда трещит по швам под натиском материнского чутья. Но было поздно, глаза слипались по-настоящему, и скоро мы разошлись.

Основываясь на фольклоре, я всегда думал, что петухи начинают петь под утро, в крайнем случае часов с трёх ночи. Но это оказалось не так. Они начинают голосить стабильно с часу ночи, по крайней мере летом. Так выражение «встать с первыми петухами» потеряло для меня всякий смысл.

Когда наработаешься на свежем воздухе и вкусно поужинаешь, никакие петухи до утра не разбудят. Но бывают ночи, когда лежишь, думаешь о чём-то, какая-то тревога на душе, не спится, что-то слышится и мерещится во тьме. И вдруг первый петух заорёт. И сразу наваждение отступает, и спится уже лучше.

Но вот уже и петушиный крик прокатился по посёлку, и сверчки очень душевно стрекотали, а сон всё не шёл. Моё лучшее средство для подобных случаев — портативный плеер с аудиокнигами и любимой музыкой — остался у Вики. И мне пришлось прибегнуть к старому и почти забытому способу засыпания. Помнится, в студенческие годы, когда даже персональные компьютеры с трудом воспроизводили сжатые музыкальные файлы, а плееры работали на кассетах и нещадно жрали батарейки, я засыпал либо под радио, либо под «выдумки» — так я это называл. Если не спалось и в голову лезли лишние мысли, я просто включал воображение и начинал сам себе сочинять истории на ночь. Это меня убаюкивало. Был и приятный побочный эффект — невероятные по масштабу и красочности фантастические сны. Возможно, тогда во мне погиб молодой талантливый писатель. Нынешней бессонной ночью я решил применить давнюю методику. Придумал персонажа, место и настроение, а затем история начала развиваться, обрастая подробностями мира, событиями и другими героями. Ветер шумел в соснах, вдалеке лениво перебрёхивались собаки. Вскоре я безмятежно уснул.

Долина, когда-то представшая в виде живого доисторического ландшафта, превратилась в сухую безжизненную равнину. На заднем плане за горной грядой полыхают исполинские пожары, протягивая языки кроваво-красного пламени и чёрного дыма к свинцовым тучам. Остатки растительности высохли и поблёкли. Кое-где в лужах грязи,

бывших прежде озёрами и реками, шевелятся крупные рыбы, жадно хватая ртом воздух. Крокодил пытается спрятаться в одном из таких мёртвых водоёмов, закапываясь в ил. Человек превратился в скульптуру — некое подобие античной статуи, без рук и головы, изрядно обветшалую и потрескавшуюся. Как немое напоминание о былых силе и великолепии. От крупного примата остался труп с фиолетовой ссохшейся кожей, покрытой клочками шерсти, под которой копошатся белые и жёлтые черви. Мне не хочется на это смотреть, но я невольно приближаюсь к раздувшимся останкам животного. Кожа натянута, как на барабане: малейшее касание — и чрево лопнет, выплеснув наружу гнильё. Сильный, резкий и жаркий поток ветра бросает песок и острые осколки, труп обезьяны взрывается.

Я открыл глаза, часы показывали начало пятого. А в пять мы с отцом условились выйти к пруду. От неприятного сна остались липкая испарина на теле да сгусток слюны во рту, который крайне не хотелось сглатывать. Я не поленился, встал, снял москитную сетку с окна и сплюнул вниз. Затем жадно выпил целый стакан заготовленной с вечера воды и отправился в душ.

Через час, почти по плану мы выдвинулись на рыбалку. Я катил коляску, а папа держал чехол с удочками и прочими снастями. Перед выходом мне пришлось накопать червей для наживки, и когда я ковырялся в компосте, выбирая из него его обитателей, в голове снова промелькнули обрывки странного сновидения, уже третьего в череде подобных. Конечно, и раньше меня посещали навязчивые сны, но теперешний сюжет был запоминавшимся до мельчайших подробностей и чётко развивавшимся. Сначала — доисторический ландшафт, пусть странный, но вполне живой и оптимистичный, и существа, пусть ещё более странные в своём составе, но словно отражавшие торжество природы, её радость от созерцания своих чад. Затем — катастрофа, огненный вихрь, медленно, но уверенно поглощавший всё живое, и печальный сочувственный взгляд всех трёх существ. А теперь — тлен, мёртвые пустоши, далёкие пожары, от человека осталось только воспоминание в виде потрескавшейся статуи, обезьяна мертва, а крокодил пытается спастись, закапываясь в жидкую грязь. К чему всё это? Неужели подсознательные отголоски интерпретации новых знаний? Подумаю об этом в самолёте.

Солнце окрасило небосвод розовым, и едва коснулось земли первыми лучами, как луговая роса заблестела на стеблях травы и развешанных в них паутинах. Свет свободно проникал сквозь эти редкие и невероятно красивые бриллианты из капель чистейшей воды. В то время как над озером ещё клубилась плотная дымка тумана.

Шёл второй день ожидания визы, разрешение на вылет могло поступить в любой момент. Однако я выставил глубину, насадил червя и закинул удочку. Не успели мы устроиться поудобнее в ожидании клёва, как отец вытащил из воды средних размеров краснопёрку. Похоже, то была награда за наконец реализовавшиеся планы по совместной рыбалке. Я держал в руках прекрасную рыбу — нашу с отцом любимую: тёмная спинка, золотистый живот и красные, как огоньки, плавники. Улов отправился в садок, а вслед за ним последовала ещё пара десятков разношёрстных рыб: от крупных карпов до заглатывавших крючок целиком бешеных окуней. Окуней мы не очень любили, ведь каждый раз приходилось извлекать из них крючки пинцетом и с большой осторожностью, в то время как остальная рыба дёргала поплавки как заведённая, словно просясь к нам в руки.

Солнце, не успев толком подняться над горизонтом, скрылось за плотной пеленой туч. Картина открылась живописнейшая, но гроза приближалась: подул прохладный ветерок, запахло влагой, клёв прекратился.

Нам с лихвой хватило и часа, проведённого у пруда. Я достал садок из воды и сфотографировал его содержимое на телефон для отчёта. Затем мы с отцом запечатлелись вместе с уловом. И ещё я сделал несколько красивых снимков окрестностей, но начавший накрапывать дождь заставил нас спешно отпустить рыбу и червей обратно в их родные стихии, смотать удочки и ретироваться домой.

Мама обрадовалась, что мы вернулись без рыбы. Не из злорадства, а потому что не понадобилось её чистить. За завтраком пришлось включить верхний свет, так как естественное освещение померкло и полумрак озарялся только вспышками молний. Раскаты грома, сотрясавшие посуду в серванте, тоже не заставили себя долго ждать. Дождь хлестал, сбивая листву с деревьев и прижимая к земле ромашки на маминых клумбах.

На просторной кухне, совмещённой со столовой, было спокойно и уютно — но вдруг во всём доме погас свет. Я достал и зажёг свечи, и мы продолжили беседу. Скоро выяснилось, что и мобильная связь пропала: телефоны не нашли сеть, когда родители попытались дозвониться в совет с вопросом насчёт электричества. Почему-то родителям не сиделось спокойно, когда они знали, что где-то произошла пусть и коммунальная, но авария.

— Молния ударила, и на трансформаторе защита сработала, — предположил я.

— Тогда почему так долго нет света? — скептически поинтересовалась мама.

— Да хоть и замыкание или обрыв, всё равно мы ничем не поможем, — ответил я. — К чему гадать? Как включат, так включат. На крайний случай есть генератор.

Мои доводы не разрядили нервозную обстановку и спустя несколько часов. Тогда я вызвался лично съездить в совет, дабы услышать все подробности из первых уст и прекратить нарастание паники.

***

Сердце учащённо билось, а по лицу стекала подсоленная холодным потом дождевая вода, когда я ввалился в клуб. Звякнул и затих колокольчик над входом, в глубине помещения слышалась непринуждённая беседа, немного пахло дымком. Путь из просторной прихожей вёл в гостиную, освещавшуюся сейчас естественным пламенем, судя по оранжевым отсветам на стенах и потолке. Царил полумрак, и я приходил в себя после странного происшествия.

Дорога от родительского дома до клуба не заняла и десяти минут, включая сборы, прогрев автомобиля и непосредственно поездку. Мама была против того, чтобы я выходил на улицу в такую непогоду. Однако я отверг все возражения и пообещал вернуться с хорошими новостями. Расстояние от крыльца до автомобиля составляло каких-то пять-шесть метров, и я не стал раскрывать зонт, но за эти пару секунд успел основательно промокнуть. Даже кондиционер не смог достаточно просушить воздух. И я тронулся, как только конденсат испарился с нижней половины ветрового стекла. Всё равно дождь лил как из ведра, ограничивая видимость несколькими метрами.

Ехать пришлось очень медленно, и сворачивая с центральной улицы в первый кольцевой квартал, я лишь краем глаза заметил в мёртвой зоне за широкой аркой передней двери очень высокий расплывчатый силуэт. Я поворачивал налево и инстинктивно дёрнул руль в противоположную сторону, наехав на поребрик, когда силуэт, напоминавший всадника на лошади, оказался в опасной близости. Я мог задеть его, но вместо этого лишь проскользнул через край туманного контура. Совершился наезд или нет, сложно было сказать, так как я сильно приложился подвеской о бетонную конструкцию.

Заглушив двигатель, я выбрался на перекрёсток, укрываясь от ливня под большим зонтом. Видимость и здесь была посредственная, однако можно было разобрать силуэты домов, растительности и дорожных знаков. Никого или ничего похожего на увиденный только что силуэт не наблюдалось. Стало жутковато, брызги воды равномерно покрывали меня теперь снизу. Я вернулся в машину и безуспешно попытался её снова завести. Электроника работала, но стартёр упорно не хотел реагировать на поворот ключа зажигания.

После нескольких неудачных попыток я включил аварийную сигнализацию и отправился к месту назначения пешком. Искренне жалея о том, что сам придумал себе это в целом бессмысленное приключение, я тем не менее упорно двигался к цели. Примерно на полпути появилось чувство, будто за мной кто-то пристально наблюдает. Затем стало казаться, что некто следует по пятам, буквально дыша в затылок. По спине пробежал неприятный холодок, и я обернулся. Ничего. Кроме серой пелены, превратившей день в бесцветное бесформенное пространство.

В таком состоянии я и оказался на пороге здания поселкового совета.

— Это кто там? — послышался из гостиной знакомый голос, выведший меня из оцепенения.

— Это я, дядь Миш, Сергей Романов.

Спустя пять минут мы сидели в бильярдной, тускло подсвеченной аварийным освещением бара, которое питало холодильники с едой и напитками. Дядя Миша — давний друг моего отца — выведывал, какова ситуация в Санкт-Петербурге. Я рассказал всё, что успел заметить за недолгое пребывание в Северной столице.

— Вот такие дела, — закончил я рассказ. — Зрелище не из приятных.

— Ничего, Серёга, этот город и не такое переживал. Прорвёмся. А ты-то какими судьбами?

— Да теми же, что и все остальные, — подумав, ответил я. — Приехал повидать родителей, пока в городе неспокойно.

— А, заметил? У нас тут троекратный прирост населения за неделю. Но это нормально. Инфраструктура позволяет.

— Ваша инфраструктура — многим на зависть. Не каждый элитный посёлок так грамотно устроен, а у вас фактически дачи.

— Дачи, не дачи, но мы растём, — принялся расхваливать своё детище создатель. — К магазину пристроили склад под тысячу квадратов и забили его в этом году продовольствием и хозтоварами. А в том месяце вкопали две ёмкости по пятьдесят кубов. Одну бензином залили под завязку, а вторую соляркой наполняем. Так что не переживай, мы тут не пропадём. У вас, городских, проблем больше.

— Согласен, — кивнул я. — А что со светом?

— Выясняем. Похоже, обрыв на линии. На наш трансформатор ничего не поступает. Можем просидеть так и до завтра. Эх, беспокойное это хозяйство, конечно, — да и знал бы ты, как тяжело дался нам проект в принципе. Но не жалею о потраченных годах, вот гляжу теперь на результаты и радуюсь. И главное, что как начинали одной компанией, так и продолжаем.

Дядя Миша кинул взгляд на крупную фотографию, висевшую на стене. Я невольно вгляделся в неё тоже. На чёрно-белом, чётком снимке я рассмотрел самого дядю Мишу и его партнёров. Стоп! А кто этот четвёртый, также знакомый мне рослый мужчина? Этого просто не может быть!

Я встал и подошёл ближе, пытаясь лучше разобрать детали.

— Скажите, — я подбирал слова, указывая на того человека, — а кто это такой?

— Это? — хмыкнул собеседник. — Это хороший мужик. Скала. Больше б я таких людей встречал в жизни, не поседел бы. Он очень помог нам с оформлением участка. Это были девяностые — чистый беспредел. Всё решалось в лучшем случае за взятки, а у нас денег было в обрез. Да и земли-то бросовые брали, но как узнали чинуши о планах, так и решили навариться. Полтора года водили нас за нос с

документами. Тогда мы и решили поднимать связи, у кого какие были. У меня-то известно где связи, но пробегал я немало. В итоге старый товарищ по службе посоветовал обратиться вот к нему. Встретились. Я всё рассказал, показал. А тот идею подхватил, насоветовал кучу всего, начал изменения в план вносить. Мы грешным делом подумали, может, он отжать себе долю решил, но нет. Оказался честным и толковым парнем. Через полгода документы получили и начали строить. Не взял с нас ни копейки, а помог неоценимо. Всё время только забываю фамилию: интересная такая… На «П». Палтус, что ли. Хотя нет…

— Малтис? — задал я решающий вопрос.

— Точно! Малтис. Это звать его Павел. Поэтому и путаю. Давно не виделись, лет десять. Погоди-ка! А ты откуда его знаешь?

— Я близко знаком с его дочерью, — до конца не верилось в происходящее.

— С дочерью Малтиса?! Ну ты даёшь! — хохотнул дядя Миша. — И насколько близко? Вплоть до женитьбы?

— Можно и так сказать, — ответил я, не поддержав шутку.

— Вот это новости! Мужики не поверят! — хлопнул он себя по коленям.

— Подождите, дядь Миш, — остановил я его. — Павел Малтис недавно погиб.

Собеседник как-то сразу обмяк. В слабом свете на лице чётко прорезались морщины. Папин друг, знакомый мне с детства таким, каков он был и сейчас, казалось, нестареющий Михаил Иванович словно накинул на свой возраст лет десять за одно мгновение. Он принялся расспрашивать меня о деталях, о которых я не хотел распространяться, потому выдал официальную версию с автокатастрофой. Он всё спрашивал, но сам будто думал о чём-то другом. Затем позвал: «Пойдём со мной, нужно всем рассказать». И мы прошли в просторную гостиную, где горел камин, а за большим овальным столом расселись четверо мужчин, занимавшихся кто чем. Огонь играл, создавая на потолке и стенах причудливые живые рисунки объёмного театра теней.

— Это Сергей, сын Валеры Романова, — начал без предисловий дядя Миша. — Он дружит с дочкой Паши Малтиса. Да, того самого… Скоро два месяца, как Паша погиб.

Всё замерло, даже дрова перестали потрескивать, а дым курительной трубки одного из мужчин словно застыл в воздухе. И только мошкара, кружившая вокруг настольной «летучей мыши», напоминала о течении времени. Неужели что-то могло так сильно связывать людей, не встречавшихся много лет?

— Так что, рассказать парню? — нарушил молчание дядя Миша, обведя взглядом всех присутствовавших.

Возражений не последовало.

— Как зовут девочку? Напомни, — обратился уже ко мне дядя Миша.

— Виктория.

— Где она сейчас?

— Она…

И тут я задумался, как ответить, а поймав себя на такой мысли, всерьёз испугался. Уже не только за Вику, но и за собственное психическое здоровье. Я просто ещё не осознал, как тесно сплетались обстоятельства в один гордиев узел. Скоро мне начнут видеться не только всадники без головы, но и рога на голове старых друзей семьи.

— Она у родственников, — всё же солгал я, тем более что даже по профессиональным соображениям не мог сказать правду.

— Можешь с ней связаться? — спросил дядя Миша.

— Как? Голубиной почтой? — буркнул один из мужчин, лица которого я не мог разглядеть из-за скудного освещения. — Связи-то нет никакой.

— А зачем вам она? — я задал вопрос и сам удивился, как двусмысленно тот прозвучал.

— Понимаешь, Серёга, — начал дядя Миша, собираясь с мыслями, — я сказал, что Малтис нам помог безвозмездно, но это не так. Определённое условие он поставил. Во-первых, он внёс существенные корректировки в план посёлка, а во-вторых, «застолбил» половину пятого квартала, где лет пять назад мы построили дома. Мы сами и строили, а со стороны заказчиков выступал юрист, представлявший интересы будущих хозяев. Участки и застройку — всё оплатило одно агентство. Только хозяев тех домов мы в глаза не видели. Кто-то туда наведывался, конечно, изредка, да и мебель завозили, бытовую технику. За участками наши ребята следили из управляющей компании, за что регулярно оплата приходила. Да

только не жил там никто. А в последние недели народ вдруг стал потихоньку подтягиваться. Среди тех домов есть и дом Малтиса. Кроме всего прочего, Малтис просил позаботиться о его семье, если с ним что-то случится. Твоя Виктория вместе с мамой по плану должны были уже с месяц как находиться здесь у нас.

Я стоял, не зная, что сказать. Тот самый легендарный узел затягивался, казалось, уже на моей шее.

Я пообещал связаться с Викой при первой возможности и начал собираться в обратный путь. Дядя Миша выдал мне портативную радиостанцию, чтобы поддерживать связь, и проводил до двери. В последний момент он взял меня за плечо и спросил, понизив голос:

— Ты сказал, в командировку собираешься. Далеко, надолго?

— Да нет, — снова соврал я.

— Будь осторожен и Викторию свою предупреди, — дядя Миша заговорил совсем тихо: — Малтис что-то знал, он предупредил, что если в пятый квартал станут съезжаться люди, то скоро произойдёт что-то нехорошее. Так и случилось. Люди стали съезжаться, а через время в порту рвануло. Только чувствую, на этом не закончится. Чуть что, бросай всё и дуй к нам. Есть основания предполагать, что здесь будет поспокойнее.

— Скажите, дядь Миш, — спросил я напоследок, — а у вас в посёлке никто не ездит верхом?

— Не ездит и даже лошадей не держит. А почему интересуешься?

— Да ничего. Просто показалось, — сказал я, выходя под нестихавший дождь. — Просто показалось…

20. Вдоль по Африке

Снова аэропорт. Только уже за шесть тысяч километров от дома. Международный аэропорт Уагадугу, расположенный в центре одноимённой столицы государства Буркина-Фасо, не произвёл особого впечатления, потому как уже ничто не могло произвести на меня впечатление. Последние сутки я проболтался в автомобилях, самолётах и шумных терминалах. Чего стоило только одно девятичасовое ожидание вылета в Марокко; да и бесследные исчезновения самолётов в последние три года никак не добавляли оптимизма при каждой посадке на борт.

Была ночь, ближе к утру. Редкие пассажиры, прилетевшие со мной, уже разъехались, пока я проходил пограничный контроль. Сонная уборщица тёрла сухой шваброй пол, а на улице неутомимые таксисты резались в какие-то игры на капотах своих видавших виды таксомоторов. Над ними в жёлтом свете фонарей кружились облака насекомых.

Я ждал человека. Ждал, сонно покачиваясь у назначенного выхода и разглядывая рукописные ценники в автомате с напитками. Стандартная банка колы стоила около пятисот местных денежных единиц. Эта банка, как и тот самый биг-мак, служит хорошим индексом истинной покупательной способности валюты практически любой страны. Ведь и то, и другое встречается везде: бери и сравнивай цены.

Удивительно, что некоторые товары можно найти повсюду на земном шарике, и не менее удивительно, что я родился в стране, где так не было. Ещё Габриэль Гарсиа Маркес, без преувеличения великий латиноамериканский писатель, побывав в 1950-х в Москве, весь свой отчёт о поездке в СССР назвал «22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы». Очевидно, тридцатилетнего колумбийского парня поразил тот факт, что есть места на земле, куда не дотянулись щупальца развитого капитализма.

Но времена уже не те: продукция транснациональных корпораций свободно шагает по планете, и если остался доселе нетронутый уголок, то им может быть разве что вотчина семьи Кимов. Правит

которой мой ровесник. Только подумать: мой ровесник правит целой Северной Кореей!

Человек появился — буквально через четверть часа после того, как я прошёл все формальности и сообщил в статус миссии о прибытии. На парковку уверенно зарулила серебристая «Тойота Ленд Крузер» в двухсотом кузове последних модификаций. Таксисты как-то сразу подобрались и замерли. Автомобиль подкатил к самому выходу, и я, рассмотрев эмблему «Дип Корп» на его двери, двинулся к нему. Навстречу вышел мужчина постарше меня, в умеренно тактическом облачении.

— Дидье Морель, «Дип Корп», — сходу представился он, похоже, по-английски, но с жутким хрипящим французским акцентом.

— Сергей Романов, Наблюдатель, — ответил я и показал удостоверение.

Сканировать ID друг друга мы не стали, француз указал на заднюю дверь внедорожника. Мы погрузились и покатили по слабоосвещённому проспекту. Из-за сильно тонированных стёкол сложно было разобрать урбанистические решения столицы африканского государства. Взгляд выхватывал из полумрака то переполненные мусорные контейнеры, то фасады вполне фешенебельных магазинов, ресторанов и гостиниц. Повсюду, на указателях и вывесках заведений, виднелись французские названия — наследие колониального прошлого страны.

Свет ксеноновых фар высветил впереди перегородивший улицу броневик, рядом с которым дежурила группа военных, сплошь чернокожих, из-за чего издалека казалось, что обмундирование надето на невидимок. Шагнувший вперёд боец с винтовкой, висевшей поперёк груди, замахал рукой, указывая направление объезда. Водитель и встретивший меня сотрудник начали переговариваться на французском, ничуть не переживая, что я могу их не понимать. Я насторожился, оценивая обстановку.

Вся полученная перед вылетом информация о республике Буркина сводилась к тому, что на протяжении двадцати семи лет, пока страной правил узурпировавший власть в 1987 году президент-диктатор, здесь всё шло довольно стабильно и мирно. До 2014 года, когда засидевшийся правитель, очевидно, перестал устраивать кого-то из заморских или заокеанских партнёров и его решили убрать давно

проверенным методом возбуждения народных масс на восстание против режима. С тех пор страна балансирует на грани между прежней, пусть бедной, но мирной жизнью и пламенем большого африканского раздора, поглощающего всё новые регионы континента.

Как я подписался на командировку в Африку, где, как известно, злые не только крокодилы, но и многочисленные воинствующие племена аборигенов, наёмники, террористы, пираты? Да собственно, и выбора как такового у меня не было. Самая сложная миссия досталась наиболее опытному из нас Максиму: он отправлялся в Восточную Азию, где сейчас закипал адский суп, замешанный на эпидемии, голоде, вызванном неурожаем и стихийными бедствиями в Китае, политическом противостоянии того же Китая с Японией и США, а также нестабильности на Корейском полуострове. Его назначение даже не обсуждалось.

Далее шло распределение второго из трёх Наблюдателей мужского пола — Ивана. Тоже более обученного сотрудника, чем я. Ему досталась Турция. Правда, не та, что служила некогда раем для туристов, а та, которую теперь раздирали гражданская война и бунты беженцев, — хоть и близкая страна, но не менее опасная.

Сложность обоих заданий заключалась в густонаселённости целевых регионов, что сужало поле для манёвров в случае трудностей. Затеряться в толпе, говорят, проще — но не в той толпе, где каждый пятый является потенциальным носителем смертоносного вируса или обладателем не менее смертоносного оружия, готовым его применить для грабежа, мести, священной войны и тому подобного. Сотрудники на заданиях тщательно охраняются, но там, куда отправились Максим и Иван, не исключались такие заварухи, из которых даже под прикрытием десятка наёмников можно было не выбраться.

Нам же с Мариной достались на выбор относительно спокойные и просторные Аляска и Африка. На мой взгляд, выбор был очевиден, однако прения затянулись на добрые пару часов. Я апеллировал к тому, что не стоит русской девушке — высокой, стройной и светловолосой — ехать на «чёрный континент», где любой, скажем, туарег не станет долго противиться соблазну похитить это чудное создание. Но безопасность обеспечивали сотрудники «Дип Корп», и подобный аргумент рассматривался в последнюю очередь. Напротив, в первую

очередь речь шла об уровне подготовки и способности справиться с рискованным заданием.

В итоге решающим оказался языковой фактор. Марина великолепно владела разговорным американским английским — языком Аляски. Ну и заодно в той миссии были важны дипломатические качества, коими девушка несомненно обладала.

Вот я и отправился в Буркина-Фасо выяснять причины потери связи с одной из многочисленных, но почему-то важной лабораторией фонда. Где группа учёных под руководством двух известных неврологов из Колумбийского университета занималась глубокими исследованиями мозга.

Зачем кому-то понадобилось запихнуть лабораторию за тысячи километров от альма-матер, можно было только догадываться. Но и вариантов было не много: похоже, не все эксперименты исследователей были приемлемы для законодательства Соединённых Штатов.

Автомобиль в очередной раз качнуло на резком повороте, и я чуть не влип в боковое стекло. После чего пристегнул ремень безопасности, проверив его свободный ход на случай, если придётся пригибаться при обстреле. Подобным мелочам меня худо-бедно обучил Ерёменко.

Эх. Как там наш Командор? А русские берёзки? Не то чтобы тоска сердце сжимает и слёзы наворачиваются, как у бруклинского таксиста, но родины определённо не хватает. Здесь же, насколько я смог рассмотреть, всё вокруг серо-жёлтое: дорожное покрытие, стены зданий, заборы, редкая растительность. А люди — чёрные либо загоревшие до состояния бифштекса средней прожарки, как мои спутники, например.

Попетляв по лабиринтам тёмных или скудно освещённых улиц и едва не сбив нескольких шатавшихся в неурочное время местных жителей, внедорожник въехал во двор, который окружали группа невысоких зданий и сплошной забор со спиралью Бруно, именуемой также в народе Егозой, тянувшейся по его верхушке.

Мне было не до изучения деталей экстерьера, поскольку к концу поездки меня ощутимо укачало — вплоть до холодного пота, рвотных позывов и жуткого головокружения. Никогда не страдал от морской болезни, но похоже, голод, недосып и усталость наложились на экспрессивную манеру вождения автомобиля, работа подвески

которого была сравнима с ходом среднего по размерам морского судна. Я буквально выпал с заднего сидения, не успев нащупать ногой порог.

Французы перекинулись парой фраз, и лица их, сухие и морщинистые, наполнились озабоченностью. Вряд ли касавшейся конкретно меня.

Один из них повёл меня внутрь здания, придерживая за локоть, и усадив в узком коридоре на скамейку, исчез. Прохладный кондиционированный воздух быстро привёл меня в чувство, и я стал озираться по сторонам. На двери, рядом с которой меня оставили, было написано «Medicine». Неужели я действительно так хреново выглядел?

Через несколько минут из полумрака коридора показался мой провожатый вместе с довольно молодым на вид азиатом. И так узкие от природы глаза парня сейчас представляли собой едва различимые щёлочки. Всё ясно — его выдернули из глубокого сна.

Француз без лишних слов оставил нас вдвоём и удалился. Похоже, всю необходимую информацию обо мне уже успел сообщить.

— Спик ин? — поинтересовался азиат без тени раздражения.

Я ответил утвердительно.

— Снимай верх и садись на кушетку, — велел он на беглом английском, когда мы вошли в кабинет, запертый аж на три замка.

Я сделал то, что он просил, параллельно разглядывая обстановку. Кабинет как кабинет. Вроде поликлинического. Только в противоположной от меня стене — массивная дверь с наклеенным значком опасности биологического заражения. Наклейка эта — по-видимому, местный юмор, как и надпись «Medicine» на двери.

— У тебя есть вакцина от жёлтой лихорадки? — поинтересовался врач, надевая маску и перчатки.

Я кивнул, умолчав о том, что вместо вакцины у меня только сертификат о её наличии, купленный в аэропорту Касабланки за сотню баксов. Когда встал вопрос о наличии у меня данной прививки, я не поленился посоветоваться со своим «ангелом». Даша велела не заморачиваться на эту тему, тем более в столь сомнительных местах.

Врач ощупал моё горло, затем уложил меня на кушетку и пальпировал живот. Хмыкнул, встал и начал снимать перчатки.

— Ты здоров, мужик, — констатировал он.

— Знаю, — подтвердил я.

— Так какого ж фака меня вытащили из постели? — риторически поинтересовался врач.

— Разве что укачало в машине, а так всё нормально, — сказал я. — Меня не спрашивали, просто затащили сюда.

— Окей, шагай за мной, — предложил врач, снова запирая дверь на все замки. — Меня зовут Янлин, я медик, если ты не понял.

— Сергей, — представился я, следуя за новым знакомым по извилистым коридорам.

— Ты откуда?

— Из России.

— Из России?! — азиат остановился и вытаращил на меня глаза, мгновенно ставшие круглыми. — Каким факом тебя сюда занесло?

— Тем же факом, что и тебя, — работа такая, — буркнул я. — Думаю, твой дом не ближе.

Янлин усмехнулся, хотя я не шутил. Эти «факи», применяемые окружающими по делу и без, постепенно напрягали. И ведь это только начало.

— Мой дом в Канаде, ты прав, тоже не близко, — согласился собеседник. — Просто нечасто я встречал чистых русских в этой заднице.

— Что значит «чистых»? — не пропустил я незнакомый термин.

— Значит, — оглянулся на ходу Янлин, — что раньше все, кто из Советов, были русскими, а теперь много видов стало, даже воюете. И только те русские сейчас, кто из России.

— Нас и в России столько видов, что ты охренеешь, друг, — произнёс я по-русски.

— Что? — переспросил азиат.

— Я сказал, что Россия так же многонациональна, как Канада и Америка, — выдал я политкорректный перевод.

Хотел было спросить, откуда сам медик родом, уж не чистокровный канадец же, как мы спустились, по ощущению, в подвал и достигли наконец цели. В просторном помещении находилась явно столовая. Янлин объяснил, как здесь можно самостоятельно быстро перекусить, а затем показал дорогу к комнате отдыха, где мне предстояло забыться глубоким, но коротким сном.

***

— Объект фактически находится в Мали, но там сейчас хаос. Кроме того, от Уагадугу гораздо ближе до места, чем от Бамако, — вещал на брифинге один из экспертов. Это был эпидемиолог или кто-то в таком роде. Я прослушал.

В начале брифинга я был просто куском мяса, грубо разбуженным и не способным воспринимать окружающую действительность. Хотя сейчас, после трёх стаканов кофейной болтанки сознание прояснилось, и я стал пусть с трудом, но всё-таки воспринимать информацию. Второй эксперт являлся специалистом по связи и выглядел как полноватый, круглолицый и розовощёкий ребёнок лет тридцати. Во всех помещениях базы «Дип Корп» было относительно прохладно — работали кондиционеры, но связист всё равно обливался потом и извёл на себя уже целый рулон бумажных полотенец.

— В итоге наша задача заключается в скрытном пересечении государственной границы и прибытии на первую точку, — продолжал вводную эксперт, указывая лазерным лучом на карту. — Там мы оценим обстановку и попытаемся установить ближнюю связь по резервному каналу. Так, Фил?

Бедный связист Фил, таявший на глазах, кивнул и растерянно улыбнулся.

— Я закончил, — сообщил эпидемиолог. — Месье Гобер, вам слово.

Гобер — командир группы обеспечения безопасности, невысокий, но широкоплечий и мускулистый дядька уверенно встал и шагнул к карте.

— По последним данным с беспилотников, — начал без лишних предисловий командир, — в районе переправ и на границе царит нездоровое оживление. Поэтому мы возьмём проводника и двинем напрямик через Сахель. Первую остановку сделаем на берегу, в девяти-десяти милях от объекта. При необходимости пересечём реку на лодке в безопасном месте. Вопросы?

— На кой нам лодка? — спросил один из бойцов. — Неужели в допустимом радиусе мы не найдём брода? Будем тащиться десять миль пешком?

— Объясняю для тех, у кого протез на плечах, — вскинулся Гобер, — а особенно для тебя, Мартинес. Дожди льют через день. Ты представляешь себе, что значит пересечь Нигер в сезон дождей, когда

все доступные переправы находятся под контролем предположительно недружественных сил? А я представляю, и очень отчётливо. Поэтому назначаю тебя ответственным за погрузку нашей надувной подруги. Ещё вопросы?

— На мне снаряжение «випов», сэр, — проголосил Мартинес, резко сменивший тон в пользу правил субординации.

— Значит, ты должен ускориться, а Морель тебя проконтролирует, — парировал Гобер. — В следующий раз не будешь задавать тупые вопросы. Итак, джентльмены, у нас крайне мало времени. За работу.

— У меня вопрос! — поднял я руку, судорожно складывая в голове нужные фразы. — Что могло произойти в лаборатории? Чем конкретно её сотрудники занимались, когда пропала связь?

— Кстати, у нас новый член вип-группы. Мартинес, экипируй человека по варианту «Б», — кивнул в мою сторону командир и спросил: — Как тебя зовут, парень?

— Сергей Романов, — ответил я.

— Окей, Романов, ты едешь в одной машине с коллегами. У вас будет время пообщаться на интересующую тебя тему, — сообщил Гобер и приказал: — Даю всем сорок минут на сборы, пять минут на посадку в автомобили, и в течение часа мы должны выехать из города!

Бойцы первыми покинули помещение, а мы с моими так называемыми коллегами познакомились и согласовали дальнейшие действия. Вплоть до окончания миссии нам необходимо было держаться вместе.

Менее чем за полчаса я принял душ, позавтракал и вместе со всеми прибыл в комнату экипировки. Двое молодых ребят — уже известный мне Мартинес и ещё один высокий негр — распределяли на широком столе снаряжение под контролем сурового Мореля. Спустя ещё полчаса мы покинули базу на двух внедорожниках, под завязку набитых людьми и грузами.

В первой машине — знакомой мне «Тойоте Ленд Крузер» — ехала исключительно охрана. Следом шёл схожий «двухсотый», только более ранней модификации; автомобиль был белого цвета, с буквами «UN» на дверях, что намекало на его принадлежность к автопарку Организации Объединённых Наций. Однако я сомневался в наличии на борту сотрудников данной организации.

Впереди сидели те же ребята, что встречали меня в аэропорту, — Морель и лысый бородач, чьего имени я не запомнил. На заднем сидении с относительным комфортом разместились «випы», в число которых входил и я. Правда, экипировали нас почему-то по-разному. Мне, помимо надетых ещё дома туристического типа рубашки, брюк и ботинок, выдали бронежилет-разгрузку без подсумков, бейсболку, очки и компактный рюкзак с предметами первой необходимости. Эксперты же были в одинаковых светлых брюках и синих куртках, под которыми прятались совсем уж лёгкие гражданские бронежилеты. «Почему так?» — вопрос оставался открытым.

Фил продолжал потеть и тяжело дышать, хотя климат-контроль отлично выполнял свои функции. Предполагая такое, а также то, что буду отсыпаться в пути, я намеренно занял место на другом конце сидения. Между нами сидел «эпидемиолог» Пит Скиннер.

— Скажите, Пит, — начал я, как только автомобили вырвались из напряжённого города, — что же произошло в лаборатории?

— Я помню вопрос, — окинул меня взглядом эксперт, словно оценивая, можно ли мне доверить информацию, — только, боюсь не смогу на него ответить. Первые данные мы получим, как только доберёмся до места.

Я лишь косвенно представлял, зачем еду. Мне предстояло оценить состояние одного из «маяков», указывающих на активность или пассивность плана «Суховей». «Маяком» являлась обстановка на определённом объекте или местности. Если картина обычная и спокойная, значит, «маяк» пассивен и «Суховей» спит. А если нет…

Именно по причине скудности начальных данных я и продолжил расспросы.

— А предположения как у специалиста у вас имеются? — зашёл я с другого конца.

Скиннер повернулся к Филу и, поняв, видимо, что от него как собеседника толку не будет, решил удостоить беседы «этого надоедливого русского».

— Я бы и сам хотел знать, зачем специалиста такого уровня вызвали на обследование нейробиологической лаборатории, — выдал он. — Яйцеголовые занимаются там сканированием мозга посредством запуска в организм животных модифицированного вируса рабиес.

Вирус пожирает нейроны, оставляя дорожки, по которым учёные составляют карты. Очевидно, ключевое слово здесь — рабиес.

— Простите, что за рабиес? — решил я получить разъяснение незнакомого слова.

— Ну, рабиес, гидрофобия, — начал объяснять чуть ли не на пальцах Пит. — Это когда собака или енот кусает человека и тот умирает от поражения нервной системы, если не ввести вакцину.

— Я понял, — ответил я.

И действительно понял. По описанию вирус походил на бешенство — редкое среди людей, но опасное заболевание. Теперь всё встало на свои места. Неужели нет более безопасных методов исследования мозга?

В голове начали выстраиваться мрачные логические цепочки: Африка, бешенство, отдалённая лаборатория, опасные эксперименты с вирусами. Я вспомнил массу фильмов и компьютерных игр апокалиптического жанра, где завязка опиралась именно на такие вводные. И эта тема вполне популярна до сих пор. Более того, совсем уж смешные сценарии конца света, где вирус превращает людей в бездушных зомби, муссировались и в СМИ, и даже в блогах официальных правительственных организаций.

Я уставился в окно, созерцая унылый пейзаж, нищету редких поселений и мелькавшие то и дело остовы различной техники.

Люди и так разобщены. По религиозному, национальному, культурному и миллионам других признаков. Немалую лепту в это дело вносят СМИ, социальные медиа, бессмысленные развлечения типа шопинга, массового кино и компьютерных игр. Курильщики против некурящих, веганы против трупоедов, трезвенники против алкоголиков, геи против десантников. Принцип «разделяй и властвуй», возможно, вышел из-под контроля, если уже даже не племена, а отдельные люди готовы броситься друг на друга из-за различий в привычках. Но к чему же нас готовит идеология зомби-апокалипсиса? Не к тому ли, что когда цивилизация рухнет, то человек станет человеку не волком, а зомби — конкурентом в добыче ресурсов для выживания? А с зомби известно, что нужно делать, — стрелять в голову.

***

Мне вдруг показалось, что я забыл Викино лицо. За последние дни я так мало вспоминал о ней, что начал терять в памяти её образ. Что это, эгоизм? Мне легче бояться только за себя, зная, что она в относительной безопасности? Но нет, мне не нужны такие игры разума, я хочу увидеть её лицо прямо сейчас.

И вот она сидит в кресле возле камина: спиной ко мне, лицом к огню. Как будто в гостиной клуба в посёлке дяди Миши.

— Ты обо мне не вспоминал? — спрашивает она.

— Ну как же не вспоминал, любимая, я ведь писал тебе каждый день! — чуть ли не кричу от досады.

— Я не могла прочесть, — отвечает она каким-то безэмоциональным голосом, — руки не слушаются. Мне кажется, я больна. Не подходи близко.

— Как больна?! — бросаюсь к ней.

Тогда она оборачивается, и в жёлтых отблесках огня я вижу её бледную кожу, серые губы, безжизненные матовые глаза. Я падаю на колени, потому что не в силах сделать и шага, в горле разрастается колючий комок, который душит, не даёт вымолвить ни слова.

«Клац» — я получил удар по голове, да так, что чуть не откусил язык. Меня приложило лбом о боковое стекло, когда внедорожник вылетел на неровную грунтовку. Сколько я проспал?

— Что, весёлая была ночка? — усмехнулся Скиннер, и я даже не сразу сумел интерпретировать его иностранную речь.

Отвечать на риторический вопрос я не стал, а взглянул на часы. Часовая стрелка моих новых «Ракета Полярные» уверенно указывала на пятнадцать. Да, именно на пятнадцать. Я всё же купил часы с двадцатичетырёхчасовым циферблатом, как у Командора, только гораздо более новой модели. Смешно ехать в Африку в часах для полярников, но устоять я не мог; кроме того, нужен был надёжный, защищённый механический хронометр.

Достав из наколенного кармана брюк коммуникатор, я набрал номер, не обращая внимание на отсутствие наземной связи, и спустя долгие секунды ожидания спутникового соединения услышал родной и милый голос Вики.

— Привет, — радостно сказала она и тут же серьёзно поинтересовалась: — Как ты там?

— У меня всё хорошо, погода нормальная, едем на объект, всё спокойно, — на одном дыхании выпалил я.

Ну не командировка, а просто сказочный тур по экзотическим странам.

— Как у тебя дела, как себя чувствуешь? — задал я глупый вопрос, который, тем не менее, так и вертелся на языке после дурного сна.

— Я не беременна, если ты об этом, чувствую себя хорошо, — шутливо ответила девушка. — Живу и работаю сам знаешь где. У нас тоже всё спокойно.

— Я скучаю, люблю тебя… — только и вымолвил я, нехорошее предчувствие развеялось.

— Я тоже люблю тебя, возвращайся скорее, — прошептала она.

Разговор закончился, а меня ещё ждали многие десятки миль вдоль по унылой холмистой саванне.

В какой-то небольшой деревушке остановились, чтобы подобрать проводника и утолить естественные потребности в еде и прочем. Правда, находиться вне кондиционированного салона было некомфортно — ветер нёс мелкий песок, справа на горизонте поднимался столб песчаной бури. Сразу после лёгкой разминки все снова заняли свои места и двинулись дальше.

Спать больше не пришлось, но моё бдение вознаградилось неожиданно скорым приездом к месту первой большой остановки. Проводник, очевидно, знал своё дело.

Мы остановились в метрах двухстах от реки, в развалинах неизвестных сооружений. Фил принялся налаживать аппаратуру, а Гобер с двумя парнями решил выдвинуться к самому берегу для оценки диспозиции. Я отправился с ними, и мне даже показалось, что командир в какой-то степени мне доверяет, раз без лишних слов согласился взять с собой фактически на разведку.

Русло Нигера разделялась здесь на множество рукавов, которые извивались, образовывая острова, полуострова и заводи. Прибрежная часть была абсолютно пологой, но переходила в мелководье, заросшее различными растениями. В эту реку я не решился бы зайти даже по щиколотку: воображение рисовало всякого рода хищников, паразитов и инфекции, кишащие в мутной воде.

Солнце ещё висело над горизонтом, когда после неудачных попыток ближней связи с лабораторией командир принял решение форсировать реку.

21. Звуки во тьме

Память возвращалась болезненными отголосками в черепе. Картинки, увиденные до и после потери сознания, вспыхивали и переплетались между собой. Накатывал отходняк после погони, где я был добычей стаи заражённых модифицированным бешенством местных жителей. Дыхание сбилось почему-то только сейчас, когда я уже лежал на разогретой за день жестяной кровле и хватал ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

Сильнейший удар, сопровождаемый грохотом и скрежетом металла, вывел меня из ступора. Хлипкий сарайчик, крыша которого служила мне временным пристанищем, пошатнулся и, казалось, накренился. Существо, бывшее когда-то человеком, без тени сомнения на полном ходу впечаталось в пусть и тонкую, но металлическую стену. Когда его примеру последовали остальные заражённые преследователи, я понял, что долго моё укрытие не продержится. Кроме того, я взобрался сюда довольно легко, по ящику с какими-то сельскохозяйственными инструментами, и ничто не мешало тварям последовать моему примеру.

Я аккуратно повернул голову в потенциально опасном направлении, и лишь тогда вспомнил об инстинктивно зажатом в правой руке трофее. То был неизвестный мне автомат цвета хаки, который я сперва принял за американскую винтовку M16. Беглый осмотр показал, что в руках я держал немецкий Heckler & Koch модели 416, сейчас абсолютно бесполезный, о чём свидетельствовало уныло черневшее открытое окно затвора. Не веря в очевидное, я всё же отсоединил магазин — и окончательно убедился в отсутствии патронов. Без них эта лёгкая, словно игрушечная винтовка не годилась даже в качестве холодного оружия. Сейчас я бы не задумываясь поменял её на одну из тех лопат, по которым карабкался на крышу.

Беспокойные аборигены всё не унимались, царапая металл и рыча где-то внизу, это побуждало быстрее искать хоть какое-то решение. Запах от них исходил такой, что я с трудом сдерживал рвотные позывы и так давно пустого желудка. Но больше всего я боялся снова встретиться взглядом с жуткими тварями. В их красных от вздувшихся

сосудов глазах кипела животная бессмысленная ярость, направленная против меня одного. Этот взгляд не оставлял мне ни единого шанса на спасение, он ел меня живьём, и я одинаково боялся как шевелиться, так и дальше лежать на шатком строении.

Я осмотрелся, немного приподнявшись. Учёл, что замес начался, когда кто-то с берега открыл огонь по нашей лодке. Следовательно, опасаться стоило не только заражённых. Путь был один — на крышу соседнего дома, от которой меня отделял неширокий проход между постройками. Казалось бы, рукой подать, но дом был выше сарая, и требовался уверенный толчок для преодоления расстояния одним прыжком.

Времени на дальнейшие размышления мне не дали: две пары чёрных рук вцепились в край жестяного настила и стали шарить в поисках добычи. Я отложил бесполезную винтовку, приподнялся в позе бегуна на старте, сделал пару шагов и оторвался от крыши сарая.

Пожалуй, я не рассчитал своего веса, увеличенного бронежилетом и рюкзаком: левая нога не нашла опоры. Зато правая, напротив, соскочила с узкого парапета на спасительную твердь; это и спасло меня от падения на землю, пока я карабкался и переваливался через бортик крыши. Ценой тому были содранная кожа на руке и опасно подвёрнутая нога.

Мой манёвр не остался без внимания. Дикий вой понёсся по округе, в то время как я корчился на шершавой поверхности крыши от пульсирующей боли, осознавая безысходность положения. Пока я жив, но это даже чудом не назовёшь: банальное дурное везение, лимит которого мог быть исчерпан в любую секунду. И что дальше? Я один посреди чужих враждебных земель, без оружия, без поддержки.

На том берегу, у машин остались двое охранников. Может, стоило вернуться вплавь. Всё же риск быть растерзанным обитателями реки явно ниже, чем обитателями деревни, а любое инфекционное заболевание лечится с большим успехом, нежели последствия съедения заживо.

Однако я не мог мыслить рационально тогда, очнувшись на берегу, усеянном трупами, и поняв, что сейчас стану одним из них. Ноги сами понесли меня. Включился тот механизм, который в подобных случаях растягивает время, отключает эмоции и обостряет чутьё. И потом, кто знает, как поступили парни, услышав заполошную

перестрелку, после которой никто из команды не вышел на связь? Возможно, снялись с места, поскольку переправиться вслед за нами у них уже не было возможности. Следовательно, мой заплыв мог оказаться бессмысленным.

Я взглянул в синевшее небо и вспомнил про своего «ангела». Осознал, что я никак не готовился к тому, что механизм Судного Дня окажется активированным. Да, я знал, куда ехал и что мог там найти, но мозг не хотел принимать худший вариант как что-то реальное. Даже теперь, получив доказательства, я думал лишь о том, как бы скорее сообщить информацию в центр, а не о Конце Света и его последствиях.

Сняв рюкзак и подложив его под голову, я извлёк коммуникатор и с надеждой утопил кнопку включения. Экран засветился и продемонстрировал цепочку сообщений, помеченных красным цветом как очень важные. Даша упорно вызывала меня на протяжении получаса, и среди стандартных для подобной ситуации «Как обстановка?», «Что случилось?», «Ответь!» я обнаружил более содержательное послание. Даша писала: «Внимание, Сергей! Наша спутниковая связь взломана. Пишу через резервный сателлит (только текст), но он уходит из зоны твоего приёма. Следующее окно завтра, в районе шести утра. Вся срочная связь через командира охраны. Подтверди».

Приехали. Теперь я точно один. Хотя нет, где-то внизу беснуются и лезут на стены обезумевшие кровожадные существа. Опускается ночь. Возможно, последняя в моей жизни.

***

Словно акробат под куполом цирка, стараясь не смотреть вниз, я двигался вперёд по крышам и заборам. Попутно благодарил неизвестных строителей за архитектурные решения, позволявшие передвигаться по деревне, практически не спускаясь на землю. Плотная застройка, широкие глинобитные заборы и узкие улочки между домами, порой даже соединённые арками, играли мне на руку.

Деревня походила на соты, построенные гигантскими осами при помощи раствора основанного на их слюне, глине и древесных волокнах. Хотя с деревом в качестве строительного материала здесь, похоже, было неважно. Редкие тонкие деревца вряд ли могли достичь объёма, достаточного для производства товарного леса.

Вспомнил, как в университете один однокурсник прилюдно хвастался крутизной своего папаши, который, мол, был не последним авторитетом на Новгородчине и топил камин исключительно дубовым паркетом. Из всех примитивных понтов, кидаемых однокурсником перед раскрашенными во все цвета радуги девицами, мне в память запал именно этот. Я представил себе, как лесорубы валят столетние первоклассные дубы; деревья доставляются на пилораму, затем на фабрику; мастера кропотливо изготавливают паркетины. Ценные природные ресурсы и десятки единиц людей и техники участвуют в этом процессе, чтобы какой-то зажравшийся господин спалил результаты их труда в своём камине. Именно принцип «Могу — значит, можно» и довёл человечество до нынешнего состояния. Мир, разделённый на инфрабедных и ультрабогатых, дал трещину, расширение которой не остановить.

Подобные философские суждения о судьбах мира рождались у меня всякий раз, когда я останавливался перевести дух. А останавливаться приходилось часто. Подвёрнутая ступня напоминала о себе тупой болью, едва я опирался на неё сильнее, чем стоило. От этого сбивалось дыхание и выступал холодный пот. Но слава Богу, не перелом. Когда я думал о возможном переломе (как прочная кость ломается, рассыпается на части; как её острые края рвут мышцы и нервы; как частицы костного мозга, попадая в кровь, а дальше в лёгкие, сердце, мозг, вызывают одышку, судороги, потерю сознания), мне становилось нехорошо. Однако я заглушал деструктивные мысли конструктивными и двигался дальше.

На ночной забег по крышам меня подвигли два фактора. Во-первых, мне было банально страшно снова увидеть чёрные руки со стёртыми до мяса ногтями, тянущиеся через край крыши. А во-вторых, то ли как надежда, то ли как её крах, спустя некоторое время над деревней пронёсся звук длинной пулемётной очереди.

Пока солнце отдавало последний свет, погружаясь за горизонт, я высматривал неизвестных стрелков, но так никого и не увидел. Позиция была не лучшей. Поэтому я наметил более высокое, чем остальные, здание, но не самое высокое, ведь таковое уже могло быть кем-то занято, а встретить врага мне было нечем. Пустую винтовку я бросил на первой крыше, а теперь скинул и свой бронежилет, который отягощал меня и сковывал движения. Один раз я уже поплатился за

перегруз. Оставив за плечами только нетяжёлый рюкзак, я выдвинулся под покровом ночи.

Сейчас до нужного дома было рукой подать, но я угодил в тупик: крыши и заборы закончились — впереди лежала широкая улица, справа расположилась круглая площадь, а манёвр влево затрудняли странные хозяйственные постройки без крыш как таковых. Можно было вернуться назад и ценой новых мучений и риска попробовать найти обходной путь. Но «мой» дом — вот он. Я почувствовал, что сил осталось только на последний решающий рывок. Иначе слабость, ошибка, падение, смерть. Я снова огляделся и стал разрабатывать план. На улице и площади, насколько я мог рассмотреть, никого не наблюдалось. Редкие отголоски возни и рычания доносились откуда-то сзади, из лабиринтов узких улочек, которые я миновал незамеченным. Внизу виднелся козырёк, который мог помочь мне спуститься на землю. Дальше следовало тихо и быстро перебежать улицу и взобраться на похожий козырёк уже нужного здания. Там крыша была заметно выше, но я рассчитывал на месте найти возможность на неё залезть. Даже с того козырька меня уже будет так просто не достать.

Повторив про себя всю последовательность действий, я приступил к спуску. Навес стал с хрустом отделяться от стены, когда я ступил на него обеими ногами. Хвататься было не за что, и как я ни пытался сгруппироваться, всё равно упал мешком на твёрдую землю. Ногу сберёг, но весь вес пришёлся на пострадавшую руку. Засохшая было корочка на месте содранной кожи лопнула, и в глазах вспыхнули яркие круги. Из-за острого болевого укола в мозг я не услышал ни грохота развалившейся конструкции, ни глухого топота десятков ног, нёсших своих обезумевших хозяев к славному угощению. Ко мне.

Я перекатился на живот, встал на четвереньки, поднялся на ноги, пошёл, хромая и шаркая. Расстояние насчитывало с десяток шагов, но как тяжело они давались! Периферическим зрением я выхватил некое движение на площади — похоже, «гости» перед ужином собирались там. Рядом с навесом к стене была прислонена тележка с большими колёсами. По ней я полез на козырёк, молясь, чтобы тот выдержал.

Несколько серых силуэтов появились в середине улицы буквально через секунду после моего подъёма. Я разобрал их сопение и скрежет зубов, когда сердцебиение немного успокоилось. Я затаился, слился с шаткой конструкцией, как мог, приглушил тяжёлое дыхание,

уткнувшись лицом в сгиб руки. Больше всего мне сейчас хотелось стать неприметной кучкой мусора, и возможно, я был близок к этому.

Ни о какой попытке лезть на крышу речи не шло: так я снова раскрою своё местоположение и сведу на нет все усилия. К счастью, пока меня не заметили; возможно, заражённые менее активны и чувствительны ночью. Они стояли на месте и словно принюхивались, вертя головами.

Тишину нарушил хлопок, а через мгновенье окрестности осветились огнём осветительной ракеты. Судя по траектории, она была выпущена в некотором отдалении, но в мою сторону. Аборигены все как один уставились на снижавшийся яркий объект, а я стал сильнее вжиматься в стену, с удивлением обнаружив, что та поддаётся. Сначала в приоткрывшееся слуховое окно проскользнула моя рука, затем плечо, а потом я и сам заглянул в полумрак комнаты. Насколько я успел в тающем свете рассмотреть помещение, оно было пусто — вернее, не занято никем живым или мёртвым. Но когда огонь погас, тьма сгустилась с новой силой, и вместе с ней пришёл страх. Хотя другого пути уже не было.

Я вдавил линзу фонарика в ладонь и нажал кнопку. Кисть засветилась. Я нажал снова, и интенсивность свечения упала. После третьего щелчка мне показалось, что фонарь выключился, однако когда я отвёл его от руки, выяснилось, что тот светит тусклым красным светом. Попав в незнакомое помещение, первым делом я захотел оглядеться; в слабом луче тактического фонаря предстала комната, квадратов десять, служившая, похоже, гостиной, кухней и столовой. В стене напротив зиял дверной проём, куда свет не доставал. От этого становилось жутковато. Я выставил на всякий случай впереди себя рюкзак и медленно двинулся в чёрный прямоугольник. Здесь была спальня: две кровати, шкаф и полки на стенах. На уровне выше человеческого роста — пара узких горизонтальных окон. Глаза привыкли к темноте, с улицы проникало немного лунного света, и я выключил фонарь.

Усевшись в углу комнаты на пол, я какое-то время сидел без движения и, казалось, без сознания. Адреналин схлынул, и я в полной мере ощутил всю тяжесть полученных впечатлений и травм. Если бы не начавшая неметь распухшая в ботинке нога, я бы мог просидеть так до утра. Но нужно было продолжать бороться. Пришло время

подробно исследовать содержимое рюкзака. Большим подарком стал фонарь с режимом «невидимого» со стороны красного свечения. Чуть ранее я обнаружил в рюкзаке гидратор, который уже наполовину опустошил. А теперь было бы неплохо подлататься и перекусить.

Аптечка нашлась сразу, но на изучение её содержимого и инструкции ушло не меньше получаса. В итоге я чуть ли не целиком обтёрся влажными стерильными салфетками, затем засыпал ссадину на руке антисептическим порошком. Непослушными пальцами нащупал рассечение на затылке, которое получил ещё при выпадении из лодки. Возможно, оно и спасло меня от быстрой смерти. Но сейчас рана покрылась грубой коркой, из-под которой что-то сочилось. Как мог, я промыл повреждение, промокнул салфеткой и покрыл толстым слоем жидкого бинта.

Напоследок я наложил на ступню охлаждающую повязку, закинул в рот часть аварийного пищевого рациона, выпил таблетку анальгетика от неутихающей головной боли и просто отключился.

Все стрелки часов указывали на три, когда я проснулся, как вначале показалось, от холода. Я так и проспал сидя всё это время, отчего тело затекло и конечности отказывались слушаться.

Когда я немного пришёл в себя, то сразу оценил степень сгустившейся темноты вокруг и… странную вибрацию. Я ещё валялся на полу в приступе парестезии после онемения ног, когда всё отчётливей стал ощущать эти периодические земные толчки. Словно нечто очень большое передвигалось тяжёлой поступью по улице за стеной.

Я так и лежал, прислушиваясь и глядя в непроглядную тьму, как вдруг всё стихло — нечто прекратило движение. Оно было близко. Настолько близко, что я расслышал его дыхание. Словно дыхание самой смерти, клокочущее сухое сипение, заставлявшее сердце и лёгкие сокращаться чаще, а мышцы — цепенеть.

Я стал судорожно шарить вокруг в поисках фонаря, тщательно опознавая пальцами каждый предмет. Попадались упаковки и их обрывки, мультитул, моток паракорда, цилиндры сигнальных патронов и прочие бесполезные в данный момент вещи. Но фонарь, который должен был находиться на расстоянии не дальше вытянутой руки, как в воду канул.

Вдруг комната немного осветилась странным бирюзовым светом, проникшим через узкие окна. Я не стал тратить время на изучение его природы, а сразу отыскал взглядом то, что так хотел разглядеть в темноте, — узкую деревянную лестницу, прикреплённую к стене и поднимавшуюся к люку в потолке.

Иррациональный ужас, вызванный присутствием чего-то неведомого, заставил меня буквально лезть на стену. Я поднялся при помощи лишь трёх конечностей, поскольку боль в ступне не позволяла полноценно пользоваться одной ногой. Перед своим манёвром я только и успел, что стиснув зубы натянуть на неё полностью расшнурованный ботинок.

Собирать распотрошённый с вечера рюкзак я не решился и по шаткой лесенке взобрался на низкий чердак уже совсем «сухим» — без каких-либо средств для выживания. Свечение попадало и сюда, но затворив за собой квадратную дверцу люка, я почувствовал себя в чуть большей безопасности. Я положил голову на сцепленные пальцы рук и просто стал слушать. Несколько мучительных минут вслушивался в неразборчивые звуки с улицы, прежде чем свет погас, а ещё через мгновение нечто пришло в движение и такой же тяжёлой поступью удалилось прочь.

Это был бред. Сейчас я не мог сказать точно, воспринимаю окружающую действительность адекватно или схожу с ума. Самое страшное, что душевнобольной человек не понимает своего состояния, ему кажется, что он нормальный. Как уловить пересечение той жуткой границы, возврата из-за которой нет?

Начало светать, когда ожил мой коммуникатор, сообщив об этом слабой вибрацией. В центре, похоже, получили мои краткие отчёт и выводы, потому как «ангел» написала только: «Жди вертолёт через час! Ничего не предпринимай! Сообщи текущую обстановку».

Чтобы оценить обстановку, мне пришлось подниматься ещё выше, на саму крышу, ради чего, собственно, я и пробирался именно к данному строению. Появившаяся связь и вместе с ней надежда на спасение придали сил.

Я не ошибся в выборе места — с этой точки вся деревня была как на ладони. Только на небольшом отдалении — я не поверил своим глазам — высилось здание, увенчанное главным христианским символом. Оно было одним из немногих строений с двускатной

крышей, а на коньке располагался накренившийся крест. Больше ничего необычного я не обнаружил: какая-либо возможная активность скрывалась в домах и узких улочках. Правда, я получил хороший ориентир в виде приметной церкви, от которой я находился, судя по солнцу, строго на западе.

Минуты потянулись одна за другой. Я лежал за высоким бортиком и даже не шевелился — намечался конец затянувшегося кошмара. Стоило бы радоваться, но эмоции покинули меня, хотя потребности и инстинкты всё же сохранились. Справив кое-как лёжа малую нужду, я обратил внимание на тёмный цвет мочи, что говорило о повышенной обезвоженности организма, да и просто хотелось промочить горло.

В комнате подо мной остался гидратор с не менее чем литром воды, однако рисковать только для того, чтобы утолить жажду, когда спасение уже близко, я не собирался. Но тут мозг подкинул мне дополнительную причину спуститься: помимо прочих полезных вещей в комплекте для выживания имелись три пиротехнических устройства — сигнальная ракетница, фальшфейер и дымовая шашка. Они могли существенно упростить моё обнаружение с вертолёта, и я, тихо матерясь, полез в люк.

В комнатах царили полумрак и тишина. По полу стелилась ночная прохлада. Я собрал в рюкзак все вещи, включая использованные салфетки и упаковки от лекарств и продуктов. Не хотелось оставлять следы. И я как раз стирал со стены свою кровь, когда входная дверь скрипнула.

Я автоматически закинул рюкзак за спину и застыл. Кто бы то ни был, я нахожусь в замкнутом пространстве, без средств самообороны и вариантов отступления. Единственный путь сейчас — наверх, но лестница расположена сразу напротив прохода; бросившись к ней, я повернусь к врагу спиной и гарантированно сделаюсь лёгкой добычей. А в том, что в дом зашёл именно враг, я не сомневался. Убежище стало ловушкой, просто потому что я не удосужился вчера проверить и при необходимости заблокировать входную дверь.

Крадущейся походкой в комнату проследовало существо. Было ли оно когда-то хозяином этого дома, я не мог знать, но точно видел, лёжа под настилом, служившим кроватью, его тёмно-лиловые грязные ступни с кое-где сорванными ногтями и запёкшейся кровью.

Заражённый двинулся по комнате, рыча и словно принюхиваясь. Мне пришлось рассмотреть его ноги в неприятных деталях, когда он остановился в метре от меня. Я расположился под настилом как попало, и мог наблюдать за происходящим в комнате, только неудобно вывернув голову назад. Существо вдруг резко присело и запустило руки под настил, прямо ко мне. Нужно было действовать немедленно. Я упёрся в доски спиной и начал поднимать их, заваливая в сторону угрозы, поднимаясь сам. Конструкция перевернулась, на миг придавив заражённого. Миг, которого мне хватило, чтобы добраться до лестницы, но не вскарабкаться по ней.

Кровать разлетелась от мощного толчка, и тёмная фигура бросилась в мою сторону, когда я только начал взбираться. Рука твари, цепкая и сильная, схватилась за рюкзак. Я не видел, но почувствовал это, чуть не отпустив перекладину от резкого рывка. Оставалось лишь дёрнуться изо всех сил вверх, что я и сделал. Ткань затрещала и лопнула по швам, на пол посыпались мои припасы. Возможно, это немного отвлекло заражённого и позволило мне втащить своё тело в люк.

Атака не прекратилась. Встав на четвереньки и взглянув вниз, я вначале отшатнулся, потому что тварь не очень ловко, но целеустремлённо карабкалась по лестнице вслед за мной. И тут я сорвался. С яростью загнанной в угол крысы я схватил валявшийся на чердаке шест и начал наносить удары по оскалившейся в проёме морде. Сперва высыпались зубы, затем хрустнул и вмялся внутрь черепа нос, лопнул глаз, но тварь крепко держалась за перекладину и выла. Позади заражённого показались ему подобные — подтянувшиеся на шум. Тогда я вставил шест между стеной и лестницей, и получившимся рычагом сорвал ту с креплений. Конструкция рухнула на головы бесновавшихся аборигенов.

Я захлопнул крышку люка и выпустил окровавленный шест из трясущихся рук. Поднявшись на крышу, я услышал рёв и топот сотен обезумевших жителей деревни, собиравшихся вокруг здания. Следовало срочно убираться, благо сделать это было несложно — дома вдоль улицы стояли слитно.

На третьей или четвёртой крыше слух уловил новый звук. Стрёкот. Спасительный стрёкот вертолётных лопастей. Я обернулся на восток, где разгорался жаркий африканский день, и увидел

винтокрылую машину, шедшую над горизонтом по траверзу к линии моего взгляда . Я хотел подать сигнал, но вспомнил, что уже нечем — рюкзак был выпотрошен в схватке с заражённым. Однако вертолёт вскоре сам начал менять курс, заворачивая в сторону деревни. Теперь силуэт как будто застыл в воздухе, но я знал, что он приближался.

Вдруг воздушное судно дёрнулось и стало заваливаться вправо, а пространство вокруг него расцвело яркими фейерверками. Ещё мгновение — и надежда на спасение скрылась за холмами, а в том направлении от церкви на окраине прочертилась белая линия, завершившаяся облачком чёрного дыма.

Я просто стоял и пытался осознать произошедшее, надеясь каким-то чудом снова увидеть вертолёт, когда настойчиво завибрировал коммуникатор. Я достал его и прочитал сообщение: «Вертолёт атаковали. Они ждут 15 минут и уходят. Ты должен найти источник угрозы и попробовать отвлечь внимание противника. Тогда вертолёт подойдёт с запада, с реки. Или найди укрытие на сутки. Завтра прибудет наземная группа».

Ещё одна ночь в этом аду? Нет! Я сойду с ума, что гораздо хуже смерти. Вновь вспыхнувшая ярость понесла меня в направлении церкви, где засели какие-то ублюдки, стоявшие между мной и моим единственным шансом на спасение. Я забыл про боль в ноге и шнырявших внизу людоедов и через несколько минут очутился на месте.

Здание под крышей с накренившимся крестом было обнесено высоким сетчатым забором. Снаружи забора валялись многочисленные трупы. И только с одной стороны естественной преградой служила сплошная стена дома, на котором я и оказался. Из церкви доносились крики на неизвестном мне языке. Во дворик выходили высокие окна и дверь, рядом с которой мерно тарахтел генератор и валялась куча какого-то хлама. Я сел за бортик крыши, чтобы меня не заметили через окна, и стал соображать. Я буквально чувствовал, как таяло горючее в баках спасательного вертолёта и вместе с топливом сгорали драгоценные минуты до момента, когда пилот будет вынужден возвращаться на базу. Ещё я чувствовал, что в спину упиралось нечто твёрдое, хотя там уже не было рюкзака — остались только лямки на плечах да обрывки спинки. Я завалился на бок, стягивая испорченный предмет экипировки, а когда увидел его, то грубо выругался, но не от

злости, а от удивления. В жёсткой спинке, во внутренних карманах уцелели пиротехнические средства — те самые дымовая шашка, ракетница и фальшфейер.

Идея родилась быстро. Рядом с генератором стояли металлические и пластиковые канистры, следуя логике — с горючим. Нужно отвлечь внимание? Отлично, я отвлеку его. Открутив колпачок, я дёрнул шнур из пластиковой гильзы и по пологой траектории забросил её в скопление канистр. Фальшфейер немного подымил, а затем вспыхнул ярким красным пламенем. Стоило бежать, но я должен был убедиться в успехе своего плана. Какое-то время огонь горел безрезультатно, тянулись секунды. Но тут пластиковый корпус одной из ёмкостей не выдержал, и её содержимое пыхнуло огненным облаком. Меня спас бортик крыши, хотя волосы слегка опалило.

Я бежал по крышам не разбирая пути, только бы поскорее спуститься к реке. За спиной послышался взрыв — похоже, огню поддалась металлическая канистра. Теперь в достижении нужного эффекта я уже не сомневался. Уроды в церкви, кем бы они ни были, получили по заслугам за ребят из «Дип-корпа».

Я ненадолго остановился и написал «ангелу», что всё чисто и меня можно снова забирать у реки. Теперь только вперёд. Ближе к руслу местность пошла под уклон. Дома сменились сараями и лачугами. Наконец постройки кончились: впереди лежали поля, пересечённые узкими каналами. С того момента, как я ступлю наземь, моими главными врагами станут заражённые. Убежать от них в чистом поле у меня не будет никаких шансов.

Я бы ещё долго решался на прыжок с невысокого забора, но звук приближавшегося вертолёта подтолкнул меня. Не уверен, был ли в том смысл, но я зажёг и бросил дымовую шашку в место, где к полям выходила деревенская улица. Теперь у меня в руках была зажата только ракетница, и я бежал по рыхлой сырой земле поймы реки к спасительному для меня шуму. Больная нога как назло всё норовила подвернуться, и со стороны мой забег, очевидно, представлял жалкое зрелище. Но я надеялся, что за мной сейчас никто не наблюдает. Был только один человек, внимание которого я хотел бы привлечь, — пилот. Поэтому я на ходу отвинтил защитный колпачок, расправил шнур и выстрелил красной ракетой в направлении своего движения.

Я непроизвольно оглянулся назад — и тут же пожалел об этом. Сквозь клубы оранжевого дыма, словно лава из жерла вулкана, с улицы на поле вытекала плотная толпа заражённых.

Мне показалось, что я понёсся быстрее ветра, но фактически лишь хлюпал ботинками по мелким лужицам, понемногу продвигаясь вперёд. Точно такое же неприятное ощущение бывает в вязких снах, когда ты со всей силы толкаешься ногами и пытаешься идти, но что-то держит, сковывает движения. Только сейчас не сон: весь этот немыслимый кошмар реален. Я уверен, что буду ещё жив, когда беснующаяся орда примется растаскивать меня на части.

За спиной уже слышались шлепки босых ног — слишком близко. А впереди, за редкой лесополосой маячил синий борт вертолёта — слишком далеко. Я даже мог разглядеть пулемётчика в шлеме и очках, который махал мне рукой сверху вниз. И мне бы несколько сильных толчков, чтобы оказаться там, но нога за что-то зацепилась, и я мешком повалился в чёрную жижу.

В тот же миг пространство прорезал оглушительный треск, который всё не стихал. Почему-то в этом адском шуме мне вдруг стало хорошо и спокойно, я лежал в грязи, хватая ртом воздух и теряя связь с реальностью.

Чьи-то руки вцепились в плечи и потянули вверх. Двое крепких ребят, с ног до головы увешанных тактической экипировкой, поволокли меня к люку вертолёта и закинули в него. Там меня усадили, пристегнув, в каркасное кресло, и машина резко взмыла вверх.

Какое-то время — казалось, очень долго — мы плыли над бурыми пустошами. Бойцы пялились на меня, а я пялился в никуда. Когда вертолёт накренился, закладывая вираж, в открытом боковом люке я рассмотрел интересную картину: между холмов, по вершинам которых тянулось высокое монолитное ограждение, раскинулся оазис с ослепительно голубым озером в центре. Среди деревьев виднелись белые однотипные постройки, похожие на таунхаусы. В пределах периметра располагалась и большая площадка, заставленная временными сооружениями и техникой. Туда же взял курс пилот.

Когда ноги мои коснулись бетона и я вышел из-под молотивших воздух лопастей, мне навстречу шагнул матёрого военного вида мужик.

— Ты как, парень? — спросил он по-английски.
— Нормально! — ответил я на родном языке.
— Ты что, русский?
— Да.
— Ты молодец, русский!

Сказав это, он хлопнул меня по плечу, а я всё сжимал в руке стреляную картонную гильзу сигнальной ракетницы.

22. Сжатие на излом

— Серёж, вставай, — теребила меня мама за плечо, — поешь. Нельзя же так, голодным весь день.

Я сел на кровати. Мама, давно не видевшая меня в одних трусах, немного смутилась, сказала: «Спускайся, я испекла мясной пирог», — и выскользнула из комнаты.

Вот бы можно было так просто очнуться от африканского сна, но то пробуждение длилось неделю. Семь жарких, пыльных и липких дней, пока я добирался домой. Я не получил тяжких психологических травм и кошмары не преследовали меня по ночам: случилось нечто гораздо более плохое — реальность стала кошмаром. Я видел то, что человек разумный, венец эволюции и хозяин природы, никогда не должен был бы увидеть. Новые миры, рай на земле, победа над болезнями и старостью — это должен был лицезреть человек XXI века, а не живых мертвецов, жаждущих разорвать его в клочья. И что еще хуже, я понимал суть происходящего.

Через открытое окно откуда-то издалека доносился монотонный гул тяжёлой техники. Похоже, дядя Миша действительно всерьёз взялся за посёлок. Откуда только силы и средства? Возможно, скоро в этих трудах уже не будет никакого смысла…

Снизу, из кухни, потянуло приятным ароматом свежей сдобы, зашумела кофемолка, но не о еде я сейчас думал. За все последние дни я лишь один раз поговорил с Викой. В остальное время мы могли лишь обмениваться сообщениями, теми немногими, что успевали проскочить в окна между сбоями связи.

Вику вместе с остатками коллектива питерского офиса эвакуировали вглубь страны. Новое месторасположение являлось тайной даже для самой девушки. Успокаивало то, что она была не одна: рядом находилась хрупкая на вид, но стальная характером девочка Даша — мой «ангел». При помощи коротких текстовых сообщений она вытащила меня из ада, и я наделся, что за Викой Дария тоже присмотрит.

В офисе на набережной Мойки остались только два человека: профессор Лавров и Паскаль, фактически ставший его помощником.

Они пока не настаивали на срочном прибытии в офис, однако держали меня в абсолютном информационном вакууме относительно Вики, ребят из нашей команды, да и всего остального. Шёл третий день после моего возвращения. Часы Судного Дня гулко отсчитывали секунды в пустоте, порожденной осознанием факта их существования. И если имелся хоть один шанс остановить зловещий механизм, то только внутри Прехистората, чем бы он ни являлся. Спустя два часа я покинул родительский дом, взяв курс на Санкт-Петербург.

Конец июля выдался нетипично жарким. Даже ночью над городом висело влажное дыхание рек. До места я добрался без проблем, хотя на подъездах к городу блокпостов прибавилось: стояли как усиленные наряды полиции, так и гвардейцы на «Тиграх» и БТР. Один раз пришлось обгонять длинную колонну военной техники, следовавшую в том же направлении.

В офис я попал традиционным способом, но впустил меня Паскаль: ворота во внутренний двор оказались запертыми на механический замок. Бонне сходу накинулся на меня с расспросами, однако старался не касаться главного, пока мы не поднялись в его кабинет и не расположились друг против друга на удобных диванах.

В большом рабочем помещении просматривались признаки длительного нахождения в осадном положении: бросались в глаза развешанная на спинках кресел одежда, полотенца, туалетные принадлежности, упаковки от еды быстрого приготовления и закусок, различная посуда. При этом, к чести Бонне, его пристанище не напоминало медвежий угол.

Как выяснилось, они с профессором остались в городе ради эвакуации не столько технического обеспечения офиса, сколько архивов, оборудования и хранилищ Института Растениеводства, в здании которого мы собственно и находились. Фонд Глобального Наследия был тесно связан с институтом, настолько тесно, что сейчас вывозил весь научный центр в свои отдалённые убежища. Особую ценность представляло большое хранилище семян генетически чистых растений.

— Так, — выдохнул Паскаль, — а теперь давай о главном. Мне нужен устный рапорт о твоей поездке. Как можно более подробный.

— А ты не будешь ничего записывать, помечать? — поинтересовался я после некоторой паузы, подразумевая, что хорошо

бы мне было разделаться с данной обязанностью за один «сеанс».

— Зачем мне записывать? Она нас прекрасно слышит, — сказал Бонне.

— Кто «она»? — не понял я.

— Сестра. Кто же ещё? — кивнул собеседник вглубь кабинета и спросил у пустоты: — Не так ли, Мэри?

— Подтверждаю, Паскаль, — раздался приятный женский голос. — Сергей, здравствуйте!

Я вскочил с дивана как ужаленный и заглянул в рабочую зону помещения. Ничего необычного: по обеим сторонам — длинные столы, над которыми расположились стойки с дюжинами мониторов, а в глубине — большой серверный шкаф во всю стену, заполошно мигающими индикаторами. Голос исходил именно отсюда. Я оглянулся на Паскаля.

— Кого ты ожидал там увидеть, детище безумного Ротванга? — усмехнулся тот.

— Она разговаривает! — только и нашёл, что ответить, я.

— Ничего удивительного — просто голосовой интерфейс.

— Но она ведь не просто принимает голосовые команды и озвучивает результаты? Она общается осмысленно? — наконец сформулировал я причину своего недоумения.

— Позвольте, Сергей, — вмешался голос, идущий, как я теперь заметил, из акустической системы. — В обществе людей считается нехорошим тоном говорить о присутствующих в третьем лице. Однако мне всё же льстит, что вы употребили по отношению ко мне местоимение «она», а не «оно». Благодарю!

— Не стоит благодарности, — ответил я, возвращаясь на своё место.

С минуту мы посидели молча, цедя горячий чай из золотистых кружек с надписью «Да пребудет с тобой сила».

— Почему ты назвал Сестру Мэри? — спросил я Паскаля.

Тот тяжело вздохнул и откинулся на спинку дивана.

— Если я сейчас скажу, что это не важно, ты снова обидишься? — поинтересовался он.

— Не обижусь, не девочка, — ответил я. — Но очередную «галочку» поставлю.

— Хорошо, — начал Бонне. — Это просто упражнение для машинного интеллекта. Я называю Сестру определённым именем, а она пытается угадать образ, манеру общения, которые я представлял, называя имя. Наше, скажем так, личное увлечение, не связанное с работой.

Сказав это, он уставился на меня с немым вопросом: «Удовлетворён ли я?» — а затем добавил, обращаясь к компьютеру:

— Прости, Мэри, что мы снова о тебе в третьем лице.

— Не надо извиняться. Было бы сложно как-то иначе сформулировать фразу, — откликнулась Сестра.

— М-да, — потёр я заросший щетиной подбородок, — с вами каждый день как в долбаном фантастическом рассказе. Ну да ладно. Прежде чем я начну докладывать, расскажи, что с остальными.

Паскаль понял, кого я имею в виду.

— Пока вернулся только Иван. Мы отозвали его сразу, как только получили сведения от тебя. Марина в пути, а вот с Максимом связь пропала. Но у нас есть все основания полагать, что он тоже выберется. Остальные — в полной безопасности. А с «ней» вы скоро встретитесь.

После хорошей новости на душе посветлело, и я выдал чёткий и упорядоченный отчёт о своей миссии в Африке. Паскаль выслушал историю, не перебивая, а затем задумался.

— Я правда рад, что ты выбрался из этой мясорубки, — озвучил он свои мысли. — Сейчас я прочувствовал, насколько это было тяжело. Давно Хранители не несли столь существенных потерь.

— Скажите спасибо Ерёменко, — прервал я Паскаля, собиравшегося, судя по всему, изречь ещё что-то высокопарное. — Ну и без чуда, конечно, там тоже не обошлось.

— Василий Иванович практически беспрерывно наблюдал за твоей миссией, после того как начались проблемы, — поведал Бонне. — Он давал советы, пытался предсказать твоё поведение, принимал участие в планировании спасательной операции. И всё удалённо. А когда пришло известие о твоём спасении, он даже как-то умудрился разбить свой коммуникатор. Так что поблагодаришь его сам. От нас он получит нечто более ценное.

Снова повисла тишина. Каждый задумался о своём. Теперь я уже отчётливо представлял, сколько людей работало над моим спасением и чего им это стоило. Стены офиса до сих пор словно хранили

напряжение тех злополучных суток, а ведь проблемы были не только у меня. Что говорить — Максим не вернулся до сих пор. Никто не ожидал подобного, но нас предупреждали, и мы сами подписались на это.

— Что случилось со связью? — нарушил я молчание.

— Со связью? — вышел из раздумий Паскаль. — А, то была хакерская атака на центр управления. Все европейские спутники около десяти минут находились под управлением неизвестного агента. Затем два дня чистили систему, латали «дыры», да и теперь, как видишь, мы всё ещё не получили прежнего доступа.

— Не могла ли эта атака оказаться направленной конкретно против нас? — спросил я.

— Знаешь, учитывая результаты миссии, я не могу этого отрицать, — вновь задумался Паскаль. — Хотя, по основной версии, была попытка изменить траектории спутников с целью их взаимного уничтожения. Ты скажи лучше вот что: не заметил ли ты «там» ещё чего-то… ну, прям из ряда вон выходящего?

— Я же всё подробно изложил. Для меня там всё было «из ряда вон».

— Конечно, но многое из твоего рапорта мы уже знали и так, — пояснил Паскаль. — Ты, наверное, до сих пор не понял сути работы наблюдателя. Прехисторат рискует вами, потому что только вы способны почувствовать и передать то, чего не способны ощутить ни солдаты «Дипп Корпа», ни самые совершенные сенсоры. Как знаешь, у французов есть такая метафора: «Когда палец указывает в небо, дурак смотрит на палец»? В общем, если ты вспомнишь что-то такое, то…

— Вспомнил. — Было, — перебил я собеседника. — Началось ровно в три часа пятнадцать минут по местному времени. Я проснулся... Что-то очень массивное передвигалось по улице, рядом с домом, в котором я укрылся на ночь. От его шагов земля тряслась так, как если бы неподалеку забивали сваи. Затем оно остановилось совсем близко, я даже расслышал что-то вроде дыхания. Загорелся свет, какой-то зеленоватый, не направленный, а рассеянный. Тогда-то я и полез на чердак. Первый в жизни раз прочувствовал смысл понятия «тихий ужас». Оно стояло не больше пяти минут, а затем свет погас и эта штука ушла.

— Мэри, внимание! — оживился Паскаль. — Запись этой части вместе с расшифровкой отправь, пожалуйста, Льву Борисовичу Лаврову.

— Принято, выполняю, — отозвалась Сестра.

— Ты что-то знаешь? — спросил я Бонне.

— Нет, — ответил тот, — но ты меня понял правильно. В будущем учитывай, что именно такого рода информация интересна нам в первую очередь. Не столько мне, сколько старику и тем, с кем он общается «наверху».

— То есть вы в курсе, и это нормально, что помимо изложенного мной ранее, творится ещё какая-то чертовщина на грани фантастики? — не выдержал я.

— Эх, сочувствую я тебе, Сергей, а в чем-то завидую, — вздохнул собеседник, — новый мир ты постигаешь нахрапом, практически без подготовки. Я вот уже ничему не удивляюсь.

— Да что ж вы все меня жалеете!? — хлопнул я себя по коленям. — Не надо меня жалеть. Лучше выдайте табельное оружие.

Паскаль Бонне, вежливый айтишник, сын французского дипломата, в одно мгновенье сбил мой гонор:

— Да без проблем. Пойдем. Только быстро.

Я поднялся и последовал за парнем. Уже на выходе Сестра сообщила, что коммуникатор профессора Лаврова временно недоступен. «Наверное, где-то в подземке. Руководит разгрузкой», — предположил Паскаль, и мы спустились в подвал. Зашли в неприметную подсобку, где за муляжом электрораспределительного щита обнаружилась узкая, но массивная дверь с цифровой панелью. Паскаль ввёл код и приложил свой ID — створка щёлкнула и отворилась вовнутрь. Чёрный проём замельтешил ярким светом разгорающихся люминесцентных ламп.

— «Нет лучшей защиты, чем самозащита», — говорили наши древние коллеги. И поэтому мы имеем тут кое-что на чёрный день, — Паскаль обвёл рукой небольшое помещение, стены которого были увешаны оружием.

— Да уж, день сейчас — черней не бывает, — пробубнил я, рассматривая образцы.

— Мы с профессором не очень-то дружим с оружием, — сказал Бонне, — но тебе может пригодиться. Бери что хочешь. Насколько мне

известно, все экземпляры некриминальные, но, сам понимаешь, и не вполне законные. Так что при любой вероятности соприкосновения с органами выкидывай, не задумываясь, только отпечатки не оставляй. Вот, кстати.

Паскаль указал на плоскую коробку, в которой находились маленькие серые свёрточки. Развернув один из них, я получил пару тонких перчаток из эластичной ткани. Перчатка плотно облегала кисть и при беглом взгляде вообще была не заметна на руке.

Хмыкнув, я стал выбирать — и ведь было из чего. Больше всего — около двадцати штук — в экспозиции было представлено пистолетов Макарова разной модификации, висела пара Стечкиных, и даже ТТ. Я повертел легендарный Тульский-Токарев: в моей руке, вопреки разным отзывам, он лежал как влитой. Старичок отправился на место, оставив на перчатках следы пыли: «Извини, но сегодня нам не по пути — ты слишком грозен и тяжёл».

На другой стене расположились компактные пистолеты-пулемёты: негодные для «серьёзной войны», но громоздкие для скрытого ношения. Эти пока тоже отпадают.

Паскаль кашлянул, напоминая о себе и своих неотложных делах. Я согнал с глаз пелену и быстро осмотрел все образцы. Выбор был очевиден. С третьей стены я снял отливающий матовым блеском Glock — компактный, лёгкий, эргономичный. Девятнадцатая модель, похожая больше на пластиковую игрушку, нежели на настоящий пистолет. Я показал «игрушку» Паскалю, и тот кивнул: бери, мол, быстрее — и пошли.

В ящиках ниже хранились боеприпасы. Я достал коробку с надписью «9 mm Luger» и извлёк на свет увесистые блестящие патроны. Взял только те, что поместились в магазин. Ввязываться в затяжные перестрелки в ближайшее время я не планировал.

Вскоре Бонне оставил меня охранять объект, а сам спустился в тоннель узкоколейки, где, по его словам, рабочие завершили погрузку последней партии имущества Института Растениеводства, которую следовало сопроводить до места переправки.

Я снова устроился на диване, включил телевизор — шли новости. Ничего нового: истерия. Поупражнялся с пистолетом. «Суховей» запущен, что дальше? Надевать шапочки из фольги и прятаться в бетонных катакомбах? Насколько же хитёр и ленив орган под

названием мозг! Он может до последнего отрицать надвигающуюся опасность, лишь бы жизнь, состоящая из привычных ежедневных манипуляций, шла своим чередом. Беда приходит неожиданно не потому, что внезапно, а потому, что мы упорно не принимаем во внимание возможность и последствия её прихода.

— Внимание! — зазвучал голос Сестры в динамиках. — Несанкционированное проникновение в безопасную зону!

— Да что теперь?! — крикнул я в пустоту кабинета, вскакивая с дивана.

— Сергей Романов. Сейчас вы являетесь ответственным за безопасность охраняемого объекта. Лев Лавров и Паскаль Бонне недоступны для связи. Пройдите, пожалуйста, к дисплеям, я выведу данные с видеокамер наблюдения, — сообщил голос.

Я приблизился к экранам, и те засветились, разделённые на сегменты. Везде вроде бы царили покой и тьма, кроме того сегмента, который Сестра вывела на монитор в полном размере. Картинка с камеры, направленной на главный вход в офис. Возле двери крутились две чёрные фигуры — что они делали, было не разобрать.

— Есть ещё камеры рядом? — спросил я у компьютера.

Ответа не последовало, но соседний дисплей заполнила картинка, показывающая происходящее у двери сверху и сбоку. В руках одного субъекта находился продолговатый предмет длиной с метр, второй держал у двери какой-то инструмент. Вдруг ярко вспыхнул свет, и ближняя камера «ослепла», а дальняя мерцала, не в силах обработать высокочастотные световые колебания.

— Внимание! — снова заговорила Сестра. — Попытка проникновения внутрь охраняемого объекта. Сергей Романов, срочно примите меры по недопущению проникновения в помещение вестибюля на первом этаже.

Я бросился вниз, крепко сжимая в ладони рукоятку «Глока». Оружие придавало уверенности, но я старался держать под контролем это опасное чувство: больше всего сейчас нужны были осторожность и ясный ум.

Когда я аккуратно выглянул из коридора в вестибюль, там было уже тихо. Немного пахло горелым, и в витраже, обрамлявшем входную дверь, зияло отверстие диаметром сантиметров пять, оплавленные края которого светились в полумраке. Паскаль говорил, что за

декоративным остеклением скрывается ещё полметра бронестекла и что проще вынести сейфовую дверь, для того чтобы зайти через главный вход. Но взломщики, похоже, не собирались проникать внутрь сами: в гробовой тишине послышался шорох — и в отверстие просунулась труба. На её конце щёлкнула — и откинулась вверх круглая крышка.

Я ожидал чего угодно: гранаты, отравляющего газа, но не того, что я увидел. Из трубы на пол потекла полупрозрачная тягучая субстанция, образовывая лужу правильной овальной формы. Я стоял и наблюдал за происходящим как заворожённый, не в силах отвести взгляд и двинуться с места. Последние сгустки шлёпнулись вниз, в вязкий студень, и всё затихло, только внутри него, казалось, что-то переливалось.

— Внимание! — прорезал тишину надсадный голос из динамиков под потолком. — Проникновение на охраняемый объект! Срочно покиньте помещение вестибюля на первом этаже!

Я дёрнулся, но не покинул помещения; сгусток на полу тоже дёрнулся и стал принимать форму продолговатого слизня. Ещё мгновение — и он быстро двинулся в мою сторону. Не разворачиваясь, я влетел обратно в коридор и захлопнул дверь. Щёлкнул электронный замок, а с обратной стороны на прочный массив двери налегло нечто тяжёлое, да так, что дерево захрустело.

— Сергей, покиньте коридор и заблокируйте дверь на лестницу, — снова заговорила Сестра.

Я без промедления последовал совету и сразу поднялся на второй этаж: там, на столике в лаборатории Паскаля, разрывался мой коммуникатор.

— Что там у вас случилось, Сергей?! — послышался в трубке нервный голос профессора Лаврова.

— Паскаль уехал, я один здесь. Что-то проникло в офис, и это не человек, — попробовал я описать происходящее. — Я заблокировал его на первом этаже.

— Тебе нужно срочно уходить оттуда, — уже спокойнее проговорил Лавров. — На лестнице чисто?

— Да.

— Спускайся вниз, — начал вести меня профессор. — На площадке, напротив коридора, есть ещё одна дверь. Выйди в неё, и

снова вниз, в широкий освещённый переход.

Я сбежал по ступеням, толкнул дверь и, миновав ещё один пролёт, оказался в большом вытянутом помещении, залитом ярким голубоватым светом. Судя по всему, совсем недавно здесь что-то хранилось. Прозрачные стеллажи были пусты, а на полу валялись обрывки картона и какой-то мелкий мусор.

— Я внизу.

— Хорошо, ступай дальше, — продолжил Лавров. — Выйдешь в лестничный колодец, увидишь дверь напротив — шагай туда.

Миновав хранилище, лестничную площадку и захлопнув за собой скрипучую железную дверь, я остановился в узком технологическом тоннеле, стены которого были заплетены проводами и трубами, а под потолком горели редкие тусклые светильники. В лицо пахнуло сыростью с примесью чего-то неприятного.

— Я в каком-то техтоннеле, — произнёс я в трубку, но та ответила прерывистыми гудками: связь пропала.

Пути обратно не было — только вперёд. И я шагнул в вязкий, гнилостный полумрак. Шаг, ещё шаг. Под подошвами скрипели влажные куски штукатурки. Что-то будто бы слабо стукнулось в оставленную позади металлическую дверь. А может, это в трубах? Впереди замаячила серая стена. Тупик? Я нервно оглянулся. Опять приглушённые звуки. Ещё несколько шагов, и стало понятно, что тоннель поворачивал под прямым углом. Снова длинный пролёт — и снова поворот. Дзинь, дзинь — послышались сухие металлические удары, как будто снова сзади. Я ускорился. Глаза разобрали ступени, ведущие наверх. Взлетев по ним, я упёрся в закрытую дверь. Только внизу, через проволочную сеточку, сочился свет. Я подёргал ручку, налёг плечом — бесполезно. Стал прикладывать ID-карту к разным местам двери и вокруг неё и в какой-то момент услышал долгожданный щелчок электронного замка.

— Ты в «Астории», — объявил профессор, после того как мы вновь созвонились. — Теперь не суетись. Попроси администратора вызвать такси и убирайся подальше от города, сам знаешь куда. В свою квартиру не заезжай. А теперь самое главное. Благодаря вам, я выиграл три бесценных дня и сделал то, что должен был. Ты обязательно узнаешь, насколько всё это было важно. Но теперь, в свете последних

событий, нам нельзя возвращаться в город. Я и Паскаль отбываем вместе с грузом. Здесь, наша миссия кончена.

— Я не понял, а как же обещанная эвакуация? — спросил я, убедившись, что никто поблизости не слушает разговора.

— Подобных предписаний, насколько мне известно, пока не поступало, — ответил Лавров, — и в этом есть некая загадка. Некоторым сотрудникам по всему миру, так же ничего не пришло, и объединены вы, больше, по территориальному признаку. Но не только. Маловероятно, что имеет место сбой системы, скорее, я допускаю существование убежищ, о которых неизвестно даже руководителям моего уровня. В любом случае, по приезде на место, я разрешу данный вопрос, и мы примем решение. Не волнуйся, никого из вас я не брошу, а лично тебе, Сергей, рекомендую просто отдохнуть. Что касается Виктории, то ничего не мешает вашей встрече. Она проходит стажировку, но сам понимаешь, я могу снять её в любое время. Езжай к ней сам, или приглашай вернуться — тут уж решать вам. Как договоритесь, сообщи Даше, она всё устроит. Да и по другим вопросам — тоже к ней. Неизвестно, что у нас будет со связью в пути.

— Скажите, — прикрыл я рукой трубку, — правильно я понял из вышесказанного, что ядерный Апокалипсис, либо нечто подобное тому, что я видел в Африке, у нас не ожидается?

— Звучит чудовищно, — хрипло выговорил Лавров, — но когда всё начнётся, погибнет большинство людей. Уцелевшие случайно — долго не продержатся. Однако это будет контролируемый процесс, с минимально возможным ущербом для ресурсов планеты. Так предполагается. Хотя, вполне допустимо, что земли за пределами убежищ превратится в ад... Предотвратить катастрофу, скорее всего, уже не удастся. На это способен лишь один человек — Верховный Наставник Прехистората. Думаю, он не станет даже пытаться, так как придерживается политики невмешательства в мирские дела. Конечно и сами люди могли бы остановить коллапс, но… В общем, мы у черты. Поэтому держитесь вместе, и ждите сообщения от системы, либо от меня лично.

— Лев Борисович, — заторопился я, буквально чувствуя, как истончается ниточка канала, связывающего нас с собеседником, — вы получили от Паскаля часть моего отчёта, касающуюся ночного происшествия? Что это было?

Лавров замолчал. Надолго. Настолько, что я уже решил, что связь всё-таки прервалась.

— Лев Борисович? — бросил я в тишину эфира.

— Да, да, Сергей. Я здесь, — спохватился профессор. — Знаешь. Понимание данного происшествия лежит за пределами обычного порядка вещей, и уж тем более за пределами традиционной науки. Подобные явления — есть предмет моих исследований, начатых задолго до вступления в Прехисторат. Скажем так, мир сейчас находится на пороге больших потрясений — это чувствуют не только обитатели планеты, но и сущности другого уровня бытия. Они наблюдают, им стало интересно. Что привлекло их внимание тогда — ты или сама обстановка — не могу сказать. Это отдельная тема, требующая вдумчивого анализа. Только не сейчас. Сейчас нам нужно сберечь себя и близких. А теперь извини, но я должен отключиться. Прощай. Ещё раз — спасибо. Да поможет нам всем Господь Бог.

Спустя полчаса я покидал город по тёмной М-10, сидя на заднем сидении такси представительского класса. Светлыми пятнами пролетали посёлки, затем тьма сгущалась вновь. Поток автомобилей в это время был разреженный. Водитель, очень полный мужчина в костюме, расплывшийся на добрую четверть просторного салона, за всю дорогу не проронил ни слова. Из динамиков тихо лилась спокойная музыка.

Я достал коммуникатор и в очередной раз решил попробовать связаться с Викой, как вдруг машина дёрнулась, а водитель, тяжело дыша, зашарил рукой по карманам пиджака. Он съехал на обочину и принялся судорожно срывать себя галстук. На все мои вопросы о том, что происходит, он не отвечал, затем схватился за грудь и застонал. Я дёрнул ручку одной двери, другой: они оказались заблокированными. Тем временем водитель совсем обмяк и затих.

Пришлось перелезть на переднее пассажирское сидение, чтобы оценить обстановку. Мужчина сидел без движения, и, как казалось, без дыхания. Я снова взял в руки телефон, на сей раз для того, чтобы вызвать помощь, и тут заметил сквозь тонированное заднее стекло яркие фары подъехавшего и остановившегося за нами автомобиля. Сердце сжалось и забилось быстрее.

Распахнулись двери, и, насколько я мог рассмотреть, из машины вышли двое. Один остановился, а второй двинулся вперёд и подошёл к

нам со стороны водителя. Наклонился.

Уж кого я меньше всего сейчас ожидал увидеть, так это главу местного «Дипп Корпа» и по совместительству начальника Департамента безопасности — Черенова. Увидев меня, тот расцвёл неприятной искусственной улыбкой. Продолжая скалить зубы, он подёргал ручку двери, а потом указал на консоль управления на водительской двери — открывай, мол.

Я поколебался, но всё же перегнулся через толстяка в поисках кнопки снятия блокировки. И вдруг водитель ожил. Нет, он не шевелился и сохранял прежнюю позу, однако я услышал тихое: «Извини, парень, я тут ни при чём».

Мне стоило усилий сохранить спокойствие, и я замешкался лишь на несколько секунд. Двери, теперь, я решил не отпирать, вместо этого приопустил водительское стекло и сел обратно.

— Узнал меня? — начал без предисловия Черенов.

— Возможно, — ответил я нейтральным тоном и добавил: — Здесь человеку плохо.

— Да мне плевать на этот жирный кусок дерьма, — ухмыльнулся «безопасник». — Да и на тебя, собственно, тоже. Но есть одно дело. Открывай, поговорим.

— Что вам надо? — продолжал я невозмутимо.

— Что нам надо, что нам надо… — передразнил меня Черенов, — шоколада! Кусков пять или шесть, из тех, что ты привёз в штанах из Африки!

Он обернулся к напарнику, и заржал в такт своей шутке. Глаза его блестели нездоровым блеском бешеного бультерьера. Толстяк, вполне успешно, симулировал клиническую смерть. Мимо пролетали машины, совсем не интересуясь тем, что происходит на тёмной обочине трассы.

— Да что ты там спрятался, как педик какой-то, выходи, говорю, дело есть, — снова нагнулся Черенов к проёму. — Твоей жалкой шкурой заинтересовались «наверху». Ты понимаешь, что это значит? Меня попросили доставить тебя на встречу.

— Мой непосредственный начальник — Лев Лавров, — парировал я. — И от него я недавно получил совершенно другие указания.

— Про Лаврова забудь, он уже не при делах. Я же говорю, тебя ждут «там», — процедил сквозь зубы безопасник, тыкая пальцем вверх. — Да и со своей подружкой ты разве не хочешь повидаться? Она там скучает.

— Все мои подружки при мне, — отрезал я.

— Да, ты так уверен? — ухмыльнулся Черенов. — А ты позвони, узнай, как у неё дела.

— Связи нет.

— Связь будет, набирай.

Какое-то нехорошее предчувствие закралось в душу. Я поднял коммуникатор и нажал на заветную запись в контактах.

— Ну наконец-то! — послышался радостный голос Вики в динамике. — Неужели ты прилетел?

— Привет. Я ещё не вылетел, но собираюсь, — решил я солгать, чтобы не пугать девушку и выведать подробности. — А откуда ты узнала?

— Ну как же, твой приятель, Лёша, с которым вы работали в Питере, сегодня заходил и передал от тебя привет. Я так скучаю! Приезжай скорее!

— Хорошо! — пообещал я и добавил тихо: — А ты пока держись поближе к Даше и другим нашим. Дождись меня или моего звонка. Целую.

Конечно, никакого приятеля Лёши у меня нет и не было. Выходит, к Вике подобрались даже там, куда она уехала. Значит, Черенов и есть «крыса» — один из них. Всё это время в салоне продолжала ненавязчиво звучать музыка. Я не обращал на нее внимания, но вдруг заиграла знакомая, любимая «Дорога в ад» Криса Ри. Словно некий знак. Я стиснул зубы и сжал кулаки.

— Ну что задумался, Ромео? — принялся брюзжать мерзким голоском Черенов. — Все тебя ждут. Или, может быть, ты и правда из «этих»? Так оставайся, езжай к своему папаше, меняй ему подгузники. А девочке нужен настоящий мужик. Вон, есть у нас Григорий. Уж он-то удовлетворит все потребности молодой самочки. Да, Григорий?

Он снова обернулся к коллеге и принялся хохотать. Я воспользовался этим мгновением, разблокировал двери и выскочил наружу. Теперь нас с Череновым разделял корпус автомобиля. Фары сзади хорошо освещали наши лица — и я взглянул ему в глаза. В

немного удивлённую морду безопасника смотрел и ствол моего «Глока». Я не собирался стрелять, но взгляд мой, похоже, говорил об обратном. Черенов резко присел, скрывшись за бортом машины. А я краем глаза заметил, как засуетился второй. Так и есть, его рука уже скользнула за полу пиджака.

Я хотел было упасть прямо там, где стоял, но пространство под автомобилем простреливалось с другой стороны — где залёг первый. Не оставалось ничего другого, как прыгнуть под откос. В полёте я почувствовал щелчки у себя над головой, хотя самих выстрелов слышно не было. Скатившись бревном с дорожной насыпи, я застыл, целясь зажатым в обеих руках пистолетом вверх, туда, где в свете фар двигалась массивная тень.

Вот показалась голова, втянутая в широкие плечи, затем корпус. Выстрел, второй, третий, четвёртый — я убрал дрожащий палец со спуска, когда силуэт завалился набок и исчез из поля зрения. Вскочил и помчался вдоль насыпи, затем начал забираться на неё, обходя автомобиль противника сзади.

За большим чёрным внедорожником легко было спрятаться в полный рост, и я теперь хорошо видел, что происходит впереди. Черенов поднялся и, пригнувшись, побежал в моём направлении. Я думал, что тот проверит тело напарника, лежащее на обочине, но он пробежал мимо, даже не взглянув в ту сторону.

Я сделал два лёгких шага и ткнул ствол пистолета в затылок безопасника, когда он уже собирался заскочить на место водителя.

— Руки в небо, мразь, — прорычал я, схватив его за ворот костюма и немного наклонив назад, не давая принять устойчивое положение.

—Ну-ну! Мы ж не собирались тебе ничего делать. Просто доставить на встречу с важной шишкой. А ты крут, приятель, не ожидал, — затараторил Черенов, осознав, похоже, шаткость своего положения.

— Откуда вылет? Куда? — я сильнее упёр ствол в череп.

— А вот хер! Без меня тебе не улететь, — тяжело дыша, выдал безопасник. — Убери ствол, садись в машину, и представим, что ничего не было. Подумай о своей…

Я не дал продолжить мысль и сильно потянул его на себя, отступая назад, обводя вокруг машины. Затем развернул лицом к краю

дороги и толкнул вперёд, не отпуская ворота.

— Ваши коллеги из Буркина-Фасо, которых недавно заживо сожрали в Африке, передают вам привет, — сказал я. — А от себя, на память о нашей последней встрече, я оставлю вам это…

Я перевёл ствол пистолета с затылка на поднятую ладонь и отпустил спуск.

Нечеловеческий вой заглушил отголоски выстрела. Черенов сжался, обхватив раненую руку, и перешёл на вой с неразборчивым матом и угрозами. Я отпустил воротник и толчком — ногой в спину — отправил его вниз с насыпи. Затем подошёл ко второму и отшвырнул его пистолет: так и есть — с глушителем. Пнул здоровяка под рёбра. Тот застонал, а я носком ботинка ощутил твёрдость бронежилета. Луж крови тоже не наблюдалось. Жить будет.

В кармане пиджака раненого я нащупал ключ-брелок от внедорожника, и занял место водителя. Руки тряслись, но стоило немного расслабиться, как дрожь отступила. Подогнал под себя кресло и зеркало заднего вида. В нём отразились глаза, напряжённо вглядывающиеся в меня, из тёмной глубины салона.

Вспышки страха, должной в подобной ситуации, не произошло, я только отклонился влево, и неуклюже извлёк «Глок» из кармана. Силуэт на заднем сидении даже не шелохнулся.

— Это какой-то вечер неожиданных встреч, — сказал я, опуская ствол. — Ты здесь что делаешь?

Третьим, вернее, третьей, оказалась Галина — та самая душа офиса на набережной Мойки.

— Ты их совсем… Насмерть? — бесцветным голосом спросила она.

— Когда-нибудь слышала, чтобы покойники так орали? — задал я риторический вопрос. — Ничего, думаю, выживут.

— Плохо, — также безучастно промолвила Галя, — он найдёт и тебя и меня.

— Только не надо разыгрывать узницу совести, — нервно усмехнулся я. — Ты была здесь, с ними.

— Была. С ними. Но не за них, — вышла из ступора женщина и её прорвало: — Да, я работала на Черенова — сливала ему информацию о старике. Но и сам Лавров всё знал, он давал мне то, что должны были знать эти ублюдки.

— Какие ублюдки? Кто именно? — зацепился я за слова.

— Не знаю, — выдохнула Галя. — Со мной общался только Черенов, но я всегда чувствовала, что за ним кто-то стоит. Вначале, когда я ещё работала у него в департаменте, он был адекватным, но чем дальше, тем больше он сходил с ума. Им овладело что-то нехорошее.

— Ладно, опишешь всё в мемуарах, — кивнул я, убирая пистолет. — А теперь выходи. Окажешь первую помощь своему радетелю.

— Не надо, Сергей, — взмолилась женщина, — я помогу тебе добраться «туда».

Говорят, возвращаться — плохая примета. Но сейчас мне было покласть вприсядку на какие-либо суеверия. Куда-то делись осторожность и ясный ум. В голове закипал свинец. Ещё не бурлил, а лишь подёрнулся блестящей зыбкой плёночкой. Воздух был влажный и жаркий. От частого дыхания, губы запеклись и покрылись чем-то солёным. Пистолет я выкинул уже где-то на кольцевой.

В здании терминала Пулково-2 было тихо и пустынно. Галя провела меня в зал для важных персон, где к нам вышла девушка в строгом чёрном костюме, которая, очевидно, не ожидала увидеть только нас двоих.

— А где господин Черенов? — спросила она, представившись чьим-то там адъютантом.

— Господина Черенова задержали непреодолимые обстоятельства, — пояснил я. — Боюсь, он не составит нам компанию. А вот Галина, полетит с нами.

Девушка попросила подождать минуту, отошла — и некоторое время вполголоса общалась по телефону.

— Сергей Валерьевич, извините за задержку, — вежливо пролепетала она, вернувшись. — Прошу вас следовать за мной.

Мы спустились в зону вылета. Там уже ждал автомобиль сопровождения, который доставил нас к ангарам, где стоял наготове небольшой частный самолёт.

Пилоты, стюардесса, адъютантша что-то говорили, приветствовали, но их слова скользили мимо. Я занял большое белое кресло, пристегнулся и ещё глубже ушёл в себя.

Когда лёгкий джет оторвался от земли, набрал высоту и взял курс на неизвестные мне отдалённые убежища, я, наконец, смочил губы. На

краю стакана осталось пятнышко солёной крови. Крови моего врага.

23. Прехистор

Треть века я просуществовал с иллюзией понимания окружающего мира. Мне казалось, что я неплохо разбираюсь в своей жизни, в людях и в происходящих вокруг процессах. Фигня! Я лишь овощ — тепличное растение, выведенное в неволе и пребывающее в своём замкнутом микрокосмосе. Мои успехи и амбиции — всё это пепел. Возможно, я чем-то и выделяюсь среди прочих растений, но Господи, нас таких семь миллиардов. А может, три. А может, тринадцать. Я не подсчитывал — так написано в «Википедии». Ещё нам вложили определённую картину мира, сказали, кто мы такие, сказали, что нам есть и пить. Убедили, что мы расплодились безмерно и пора бы уже проредить стадо, иначе планета не выдержит.

И тут начинается вторая глава моей жизни. И в ней я — избранный, один из немногих, кто переживёт Апокалипсис и возродит племя человеческое в более цивилизованном и упорядоченном виде. Вот он, звёздный час овоща.

А ведь мне ничего такого не нужно. В моей жалкой физической оболочке бьётся нечто, заключённое там, как птица в клетке. Ему бы улететь прочь, к центру вселенной и там тихо наблюдать за рождением галактик. Но нет, смысл игры в другом. И у этого, внутри меня, есть всё же некоторые привязанности. Их лишь три: двое дали мне жизнь, а третья тоже, видимо, с неприкаянной птичкой в груди, с ней мы нашли друг друга и больше не хотим терять. Я приехал за ней в огромный подземный комплекс, который язык не повернётся назвать убежищем.

«Сергей Романов, защищённый город Реликт-7 приветствует вас. Ваш статус — внешний сотрудник. Вам открыты зоны и сервисы с первым и вторым уровнями доступа. Режим функционирования города — „Жёлтый“. При изменении режима на „Оранжевый“ вы должны будете либо покинуть город, либо подать запрос на предоставление вида на жительство. При изменении режима на „Красный“ вы не сможете покинуть город; запрос на предоставление вида на жительство будет подан автоматически. Приятного пребывания», — сообщил мне компьютер голосом Сестры, после того как я приложил свой ID к панели идентификации. Однако со мной всё же говорила не

она — компьютер просто воспроизводил фразы по определённому заранее алгоритму.

— Сестра, ты здесь? — спросил я негромко.

Ответа, конечно же, не последовало. Кто я такой, чтобы напрямую разговаривать с искусственным интеллектом всея Прехистората? «Ну и пошла ты», — промелькнуло в голове, и я тут же осёкся, поймав себя на странной раздражённости от невозможности поговорить с ней.

Галя уже прошла процедуру идентификации и теперь нервно топталась у лифта. Где-то в недрах города находился её единственный сын, увидеться с которым ей явно не терпелось. Я так и не понял, использовал ли Черенов ребёнка для давления на помощницу Лаврова, но тот факт, что пацана эвакуировали без участия матери, уже о чём-то говорил.

То и дело в памяти во всех красках всплывал недавний инцидент на обочине, и тогда меня охватывал лёгкий мандраж. Только мысли о предстоящих в ближайшие часы делах отрезвляли и настраивали на конструктивный лад. Если коротко, то я должен был как можно скорее решить все дела в Реликте-7 и свалить отсюда вместе с Викой. Возвращение её матери в страну ожидалось со дня на день. Вдова и дочь Павла Малтиса — военного инженера, втайне курировавшего строительство убежищ, — уже знали об оставленном им наследстве в посёлке Заря.

— Сергей Валерьевич, — прервала мои размышления «адъютант», так же ожидавшая у лифта, — аутентификация пройдена, мы можем следовать дальше.

Створки лифта бесшумно закрылись, и он понёс свой живой груз в неведомые глубины подземного города. Интенсивность белого света, исходившего ото всех поверхностей кабины, заметно убавилась. По ободку под потолком побежали мягкие разноцветные блики. Тихо заиграла ненавязчивая мелодия, на её фоне два хорошо поставленных голоса стали начитывать презентацию города.

За пределами же убежища мир был наполнен не столь радужными мотивами. В екатеринбургском аэропорту «Кольцово», где мы пересаживались с одного самолёта на другой, царило оживление. Но не то, какое наблюдается в период отпусков, а нехорошее, тревожное. Люди с растерянными лицами толпились у касс и табло; другие же, не разбирая пути, продирались через скопления пассажиров, волоча за

собой огромные чемоданы и испуганных детей. Внимание многих было приковано к экранам, транслировавшим новости, сплошь в красных рамках: «Срочное сообщение!», «Экстренный выпуск!», «Прямой эфир!» Беспорядочные кадры военно-морских баталий, где с кораблей взлетали ракеты, а с самолётов сыпались бомбы, сменялись симуляциями, схемами и графиками, затем ведущие беззвучно шевелили губами, и картинки повторялись заново. Где-то сейчас гибли люди, шли ко дну корабли, сжимались под давлением корпуса подводных лодок, разорванные попаданием торпед. И всё напрасно — судьба мира этим не решалась, она была предрешена. В накатывающем хаосе я упорно двигался к цели в надежде успеть.

После пересадки, когда небольшой одномоторный самолёт взмыл в воздух, я сообщил о своём главном условии. Прежде любых других встреч я намеревался увидеться с Викой. И чем ближе был этот миг, там меньше мне верилось в его реальность. И ещё — тревога. Глубинный страх увидеть Вику другими глазами — не теми, какими я смотрел на мир до проклятой командировки.

Вика кинулась ко мне и буквально повисла на шее, ничуть не стесняясь окружающих. Я крепко обнял её.

— Тебя не было двести пятьдесят три часа, — прошептала она, — и сорок три минуты.

У меня кольнуло сердце. Вырванная из привычной жизни, лишённая близких, в казённой обстановке и постоянных переездах, в обществе пусть хороших, но чужих людей она ждала меня, считая минуты. Пусть мои глаза посмотрят на неё как-то иначе, чем тогда, при расставании, я выколю их, ибо буду недостоин смотреть на мир взглядом предателя.

Провёл рукой по её волосам, почувствовал их знакомый горьковато-сладкий запах. Да, это всё ещё я. Пусть другой, но для неё я во что бы то ни стало останусь прежним. Многое бы отдал за возможность вырезать все дни, начиная с того злосчастного понедельника, оставив только её. Но режиссёр не я — готовые сцены уже не переснять. И остаётся лишь пробиваться вперёд, на ходу внося изменения в сюжет.

— Теперь я здесь, я рядом, — взял Вику за плечи и посмотрел в её влажные глаза. — Мне нужно закончить тут одно дело, и я вернусь. Подожди, пожалуйста, ещё немного. А потом мы уедем. Домой.

— Хорошо, я жду. Иди, — Вика повернулась и, не в силах больше сдерживать эмоции, скрылась за дверью операторской ангелов, откуда появилась несколькими минутами ранее.

Тут же подскочила беспокойно переминавшаяся с ноги на ногу неподалёку Даша.

— Ты как? — вполголоса спросила она, осматривая меня на предмет повреждений. — У меня лишь обрывки данных с коммуникатора. Цел?

Изорванный при прыжке с насыпи пиджак я давно выбросил, брюки очистил. О случае на обочине трассы М-10 напоминали только стёсанная на ладонях кожа и еле заметные капельки крови на рубашке.

— В порядке, — ответил я тоном, дающим понять, что эта тема закрыта. — К Вике подобрались. Присмотри за ней. Прошу. Пока меня не будет. Кто-то «наверху» желает со мной встречи. Я туда и обратно.

Мы перекинулись с Дашей парой слов, прежде чем я снова зашагал по широким светлым коридорам вслед за неустанно сопровождающей меня девушкой в чёрном. Интерьер Реликта-7 не был похож ни на одно из виденных мной раньше архитектурных решений: тот же белый свет, исходящий от единой поверхности потолка и стен; плавные биоморфные линии коридоров и атриумов, в которых прогуливались одни люди и спешили по своим делам другие. В некоторых залах были предусмотрены проёмы с панорамным остеклением, смотрящие в огромное помещение, наполненное словно настоящим солнечным светом и зеленью деревьев, — большой подземный парк. И воздух — настолько чистый и свежий, что хотелось в нём раствориться и забыть обо всём.

Но забыться я пока не мог. Не имел права.

Мы миновали оживлённый хаб, куда сходилось множество коридоров и где виднелись не менее десятка лифтов, а в центре из небольшого озерца, окружённого пышной растительностью, бил фонтан. Некий неизвестный мне зодчий в совершенстве владел своим искусством, поскольку сумел органично подружить биотек и фрагменты естественных природных ландшафтов. Глазу следовало бы радоваться.

Но я не мог радоваться — разум и тело сжались, словно перед последним броском.

Ещё немного — и я вслед за «адъютантом» шагнул в кабину лифта. Тонкими пальчиками девушка пробежалась по сенсорному экрану, и механизм пришёл в движение. Затем она повернулась ко мне и посмотрела прямо в глаза — глубоко, испытующе, будто собиралась задать очень важный вопрос. Это было первое за весь наш долгий путь проявление каких-то эмоций с её стороны. Я ответил спокойным уверенным взглядом, и она отвела глаза.

Со спутницей мы расстались у открытой двери, ведущей в неизвестность. Девушка только бросила в пустоту помещения несколько слов на незнакомом языке — и, кивнув, скрылась в лабиринтах коридоров. На уровне, куда мы прибыли после долгой поездки в лифте, обстановка была совершенно иной — никаких светлых оптимистичных пространств. Однако и тут не обошлось без архитектора. Стена с одной стороны — тёмная, матовая, поглощающая свет потолочных точечных светильников без остатка, из-за чего вокруг царил полумрак. Другая же стена — мраморная на вид, по ней чуть слышно струилась вода и вилось экзотическое растение.

Я стоял и изучал стены, хотя следовало бы уже зайти. И я сделал шаг.

Внутри — круглый зал, диаметром метров тридцать, потолочные светильники по периметру, а в центре потолка овальный проём, откуда лился дневной свет и свисали тонкие лианы. Мне показалось, что я попал в музей: по стенам расположились крепления и полки, заполненные экспонатами. По левую руку были выставлены архаичные предметы быта, оружие, инструменты, а справа экспозиция заканчивалась, напротив, футуристического вида объектами, о назначении которых мне сложно было судить. Внимание привлёк небольшой прозрачный куб с белыми гранями, в центре которого слабо светился округлый лиловый огонёк. Я засмотрелся на переливающуюся сферу и не заметил, как из дальней тёмной части зала шагнул чёрный силуэт.

Я чуть отпрянул — столь неправильной показалась высокая фигура в длинной мантии с глубоким капюшоном. Скользнул глазами по стенам, инстинктивно подбирая орудие самообороны на случай опасности. Уроки недавнего прошлого я усвоил на уровне условных рефлексов. С минуту мы стояли друг против друга. В повисшей тишине я слышал только стук собственного сердца и журчание воды в

коридоре. Затем незнакомец начал говорить. Голос его был глубоким и низким, речь текла плавно, переливаясь многозвучием, но я не понимал ни слова. Моя фонетическая база данных не могла даже примерно определить происхождение языка. Любому диалекту присущи свои особенные черты, и напротив, там могут напрочь отсутствовать некоторые привычные звуки. Здесь же я слышал речь, богатую всевозможными сочетаниями гласных, согласных, звонких, шипящих и прочих, при том что обращение содержало небольшое количество фраз. Однако стоило незнакомым словам прерваться, как неожиданно заговорила Сестра — теперь она работала переводчиком.

— Приветствую, Наблюдатель, — заструился отовсюду приятный бархатистый голос. — Твой путь был непростым. Желаешь ли ты утолить голод и жажду или удовлетворить другие потребности перед началом беседы? Желаешь ли ты присесть? Беседа будет долгой.

— Добрый вечер, — ответил я, и первые слова застряли в пересохшем горле. — Пожалуй, я постою.

— Ты не готов к серьёзному разговору, — предположил чёрный силуэт. — Тебя беспокоит неопределённость. Я развею твои опасения, перед тем как мы начнём говорить о главном.

Незнакомец поднял руку, сделал несколько жестов, и в воздухе близ центра зала спроецировалось изображение. Свет из проёма с лианами померк. На виртуальном экране отображался некий пространственный интерфейс, манипулируя элементами которого, силуэт быстро вывел изображение планеты, покрутил шарик, а затем стал увеличивать выбранную область. Из широкого складчатого рукава мантии отчётливее показалась кисть с неестественно длинными пальцами — тонкими и членистыми. Я заставил себя сфокусироваться на голограмме. А там уже вполне явно вырисовывались очертания, знакомые по не раз виденной схеме посёлка Заря. Только сейчас я смотрел на картинку со спутника — даже не на фотографию, а на изображение в реальном времени. И то, что я видел, вызывало массу вопросов.

— Ты узнаёшь это поселение? — не поворачиваясь, спросил «чёрный».

— И да, и нет.

— Верно. Перед тобой один из многих объектов проекта «Зелёная зона». Такой тип наземных убежищ используется впервые, — начал

объяснять «чёрный», подкрепляя переводную речь указанием на определённые точки и области картинки. — Здесь видно, что границы поселения значительно расширены и зафиксированы ограждением в пределах защищённого периметра. Обеспечением жизнедеятельности и снабжением поселения занимаются службы, в которые постепенно войдёт часть населения. Другие займутся задачами по развитию нового общества. В целом люди продолжат своё привычное существование в условиях, приближенных к естественным. В данной «зелёной зоне» на правах граждан проживают твои близкие люди. Не так ли?

Голова в капюшоне тёмной прорезью повернулась ко мне. Я же рассматривал крохотные машинки, снующие по улочкам и возводящие сооружения.

— Человек, который участвовал в постройке этого и других поселений, — Павел Малтис. Его убили, а теперь преследуют и дочь — кто-то, связанный с орденом. Как это можно объяснить? — собрался я с мыслями и спросил.

— В проекте работало множество людей, мне неизвестны их судьбы, — ответил незнакомец, — но если ты имеешь в виду ту девушку, связанную с тобой, то отныне можешь не волноваться ни за себя, ни за неё. В любой системе есть сбойные элементы, и мы устраняем их. Кроме того, информация, интересовавшая отступников, более не является секретной.

— Вы изолируете посёлок, — сменил я тему, в целом удовлетворившись ответом. — От чего?

— Мы спасаем людей от катастрофы, которой скоро суждено произойти, и от последующего неблагоприятного воздействия. Так же, как и в городах проекта «Реликт». И те, и другие сыграют свою роль в Возрождении.

— Что за катастрофа? — решил я дожимать щедрого на ответы собеседника.

— Коллапс цивилизации, выраженный в глобальной войне с применением оружия массового поражения, — услышал я словно зачитанный по учебнику ответ.

— Как же выживут в глобальной войне люди на поверхности?

— Мы не можем предотвратить катастрофу, но мы в состоянии контролировать её развитие и минимизировать последствия для

планеты, — ответил «чёрный». — Поселения «Зелёной зоны», помимо физических барьеров, защищены энергетическими, при необходимости способными изолировать внутреннюю атмосферу от радиологических, химических и биологических частиц.

— Вы не спасёте всех невинных в своих убежищах!

— Невинных? — незнакомец повернулся в мою сторону уже всем корпусом. — Как можно назвать невинными людей, которые своими действиями либо бездействиями привели цивилизацию к упадку и самоуничтожению? Результат бесконтрольного и бессмысленного размножения, наращивания ресурсов, прогресса, роста — всегда неизменен. Цивилизация выбрала неверный путь, мы лишь спасаем самое ценное.

— Люди в большинстве своём неспособны сами выбрать верный путь — они следуют за лидерами. В вашей власти было дать им правильных лидеров и предотвратить Конец света! Не так ли? — выпалил я.

— Наблюдатель, умерь свой пыл. Ты говоришь с самым могущественным материальным существом на планете, — продолжил бесстрастно «чёрный». — В моих руках сосредоточена огромная власть, однако даже я ограничен в возможностях. Истина в том, что не существует абсолютной власти, её нельзя достигнуть. На некоторые процессы невозможно влиять силой пусть высокоразвитого, но единственного сознания. Только массовый разум обладает неограниченными возможностями. Итог стремления данной цивилизации мы наблюдаем сейчас. Невинных нет среди нас, есть те, кто выбран для исправления ошибок. И это не дар — это обязанность. Каждый исполнит своё предназначение.

Я смотрел то на безликий силуэт, то на зависшее в воздухе изображение, напоминающее компьютерную игру-стратегию, то на экспонаты, развешанные по стенам и заботливо расставленные по полочкам. Новые факты и их осознание хлынули в меня мощным потоком, но не наполняя, а опустошая.

— Что будет с остальными людьми после катастрофы? — задал я вопрос, ответ на который был очевиден.

— Кому должно спастись, тот спасётся, — без тени раздражения ответил собеседник, — так написано в Кодексе. И это означает, что шанс имеют не только избранные, но и те, кто приложил либо ещё

приложит усилия для спасения. К примеру, города уже давно охвачены агонией, но далеко не все их жители увидели угрозу, они продолжают цепляться за старую жизнь, которой больше нет. Им не суждено спастись. Для тех же, кто укроется за стенами Прехистората или постарается примкнуть к поселениям позже, откроется поистине новый мир, основанный на совершенно других научных, социальных и духовных принципах. Люди будущего не должны знать болезней, войн, голода, неравенства; они не будут испытывать нехватки чистой энергии, ресурсов и технологий.

«Чёрный» вновь погрузил пальцы в голограмму, и картинка со спутника сменилась видеорядом, демонстрирующим белые аккуратные строения среди лесов и лугов, поселения на берегах водоёмов, утопающие в зелени. Камера неслась над необычными сооружениями, похожими на обсерватории, над куполами которых кружились переливающиеся энергетические сферы. Люди разных национальностей мирно беседовали, прогуливались по паркам и принимали пищу в просторных залах. Далее экран показал умные машины, летательные аппараты без винтов и крыльев, роботов… Очень много различных роботов, выполняющих задачи: от уборки улиц до хирургических манипуляций. Утопия…

— Смотри, Наблюдатель, — изрёк силуэт, — это ваше будущее. Не будет копий и звериных шкур, каннибализма, кровавой вражды племён. Всё зло будет надёжно скрыто в сильных разумах немногих Высших Наставников, кои станут регулировать его проявления в новом обществе. Разве это не достойные результат и смысл тысячелетней работы? Взгляни на эти примитивные орудия на стене — так жили одичавшие потомки древних развитых народов. Они тысячелетиями заново постигали науку, развивали культуру. Мы же сохранили и преумножили знания. Семь с половиной тысяч лет прошло от сотворения мира, когда наши предки вышли из убежищ и начали возрождать общество, создавая государства и примиряя варваров. Это была долгая, тяжёлая работа, которая не увенчалась успехом. В наших же силах теперь сотворить новую эру без порока и поддерживать мир сколь угодно долго.

Я взглянул на древние ножи, чаши и мотыги, а затем перевёл взгляд на правую стену. Значит, здесь красуются достижения народного хозяйства ещё не начавшейся эпохи. Весьма символично: от

дикости до совершенства — один шаг. Я буквально придумал слоган для Прехистората. Наверняка портреты лидера станут красоваться на стягах, развивающихся на утреннем ветерке, пока представители нового общества стройными рядами будут следовать к местам работы. Вместе с заботливо приготовленным роботами завтраком они незаметно для себя уже приняли новую дозу препаратов, контролирующих эмоции. Тут-то и пригодится мой креатив.

— Каково во всём этом моё предназначение? — выдохнул я, заметив появившуюся в голосе хрипотцу — где-то там, на поверхности истекали мои бессонные сутки.

— Мы подошли, наконец, к главному, — силуэт немного приблизился странными скользящими шагами, голограмма за его спиной исчезла, и через проём вновь заструился свет. Мне удалось подробнее рассмотреть одеяние незнакомца — оно было стачано из тёмно-бордового материала с очень детальной фактурой. Рисунок напоминал мелкие элементы на печатной плате сложного устройства. Лицо по-прежнему надёжно скрывал капюшон.

— Я Прехистор — Верховный Наставник Прехистората, — продолжил он. — От моих решений зависели жизнь и деятельность ордена на протяжении пяти веков. Однако главное предназначение Прехистора — быть на грани добра и зла, уравновешивать колебания. К этому имеют способности лишь единицы. Сегодня настал момент передачи моих полномочий новому Верховному Наставнику. Твоё предназначение — стать им.

Сестра покорно закончила перевод последней фразы, и наступила тишина. В центре зала в потоке света среди стеблей свисающего растения вдруг запорхал мотылёк. С его крыльев осыпа́лись мельчайшие чешуйки и, переливаясь в лучах, медленно опадали вниз. Насекомое покружило немного и скрылось в проёме, устремившись вверх.

Очередное повышение? Из разряда избранных — сразу в полубоги? Подсознательно я был готов к чему-то подобному, имелось достаточно времени, чтобы прокрутить всю историю от начала и до конца: от знакомства со стариком до посадки в самолёт на Екатеринбург. Мне казалось, я неплохо мог анализировать, смотреть на мир широко, но в отношении себя я оказался беспомощен. То, что представлялось безумным коконом из связей и событий, внезапно

опутавшим меня, на деле оказалось лишь результатом собственной недальновидности. Неужели линия моей судьбы так очевидна? Неужели всё настолько предрешено? Ведь ключевых персонажей драмы, разыгрывающейся в последние недели, я знал более десяти лет, а сейчас все части головоломки взяли да и сложились. Лавров — мой наставник в ордене — когда-то присутствовал на защите дипломной работы; Павел Малтис — отец Вики — приложил руку к созданию посёлка с символическим названием Заря, призванного в будущем стать «зелёной зоной»; Михаил Иванович — давний друг семьи — строил этот самый посёлок и наш дом; ну и Вика — просто Вика. Хотя нет, не просто. Возможно, в ней находится ключ к выходу из этого лабиринта.

Пока мысли роились в моей голове, Прехистор стоял без движения — ни одна складка на его одеждах не шелохнулась. Стоило бы в очередной раз задать вопрос: «Почему я?», но ответ на него уже никому не был интересен, даже мне самому. Поэтому я спросил о другом.

— Уважаемый Верховный Наставник, я не ослышался? Вы стояли во главе ордена пятьсот лет?

— Верно. Долголетие — дар древних основателей каждому Прехистору. За отведённый природой век разум не способен полностью постичь Знание и Кодекс ордена. Ты получишь этот дар и выйдешь за пределы времени, чтобы создавать, объединять и вести за собой.

За пять веков действительно можно приобрести большой жизненный опыт, возвести новое чудо света, сочинить гениальнейшую поэму всех времён. Однако можно и потерять ту искру, что делает человека человеком.

— Я не пастор и не пророк. Я не готов стать «новым», — медленно начал я. — Вернее, не хочу. Однажды я принял сложное решение наперекор себе и не жалею только потому, что смог найти смысл моей жизни. В остальном много хорошего я не увидел, только убедился, что все ваши лозунги о любви, равенстве и братстве — пустой звук. Я чудом выжил в Африке, где нас оставили без связи и поддержки, и здесь, дома, где чуть не поймал пулю от своего брата по ордену. Пожалуй, хватит: в худшем случае я останусь Наблюдателем, в

лучшем хотел бы забыть обо всём и убраться отсюда вместе с действительно близким человеком.

Снова тишина. Видимо, Сестра подбирала слова для перевода моей эмоциональной речи. Вот теперь я уже не знал, чего ожидать. Я открыл карты, и потекли секунды неопределённости в ожидании вскрытия оппонента. И Верховный заговорил.

— Известно ли тебе, отчего сбываются пророчества и где лежит источник этих пророчеств? История есть истинный пророк. Не нужно видеть будущее, достаточно хорошо знать и помнить прошлое. Раз за разом всё повторяется: возрождение, развитие, упадок, коллапс. Десятки тысяч лет назад мы знали будущее, но надеялись и работали над тем, чтобы его изменить. Только однажды нашим предкам удалось вырваться из порочного круга — и это величайшая загадка, которую, возможно, именно тебе предстоит разгадать. Ты узнаешь, кто мы, откуда пришли и куда идём. И ты способен добровольно скатиться с вершины Знания обратно во мглу?

— Вы верно сказали, что нет абсолютной власти, — проговорил я, вглядываясь в невидимые мне глаза собеседника, — равно как нет и абсолютного знания. Я уверен, что у вас имеются ответы далеко не на все вопросы. Поэтому предпочту остаться при своих. Я хочу остаться человеком.

— Я вижу, что ты не понял сути нашей беседы, Наблюдатель, — изрёк Верховный. — Твоя земля выбрана стать новой колыбелью цивилизации, людям уготованы сведения, ресурсы и технологии иного, чем прежде, уровня. Через сто лет вы освоите ближайшие планеты, через триста — дальние границы Солнечной системы и вскоре после этого отправите первые экспедиции к другим звёздным системам. Сто тысяч лет мира и сотрудничества множества разумных существ — вдумайся в эти слова. Ты выбран из миллиардов подобных, по миллиону параметров. Встать во главе всего вида, привести его к процветанию — это не привилегия, это предназначение, смысл твоей жизни. Другого пути нет.

Слова закончились, тема наконец была исчерпана. Это чувствовалось, витало в воздухе. Своё решение я озвучил и обосновал и не собрался больше вести душеспасительных бесед. Ожидая реакции, я простоял с минуту, не отводя взгляда от Верховного, а затем развернулся и направился к выходу. Прехистор остался Прехистором.

Выход оказался закрыт наглухо. Я обернулся. Силуэт стоял на месте — и вдруг поднял руку. Из широкого рукава в мою сторону протянулись несколько тончайших нитей и ощутимо кольнули в живот в районе печени. Я рефлекторно отмахнулся, но волоски уже превратились в труху и блестящими частицами осыпались на пол. Немного замутило, и рубашка в районе укола напиталась тёплой густой жидкостью. А дальше пружина внутри распрямилась. Затихший было свинец забурлил и выплеснулся наружу. Видит Бог, я никому не давал повода издеваться над собой, но раз вы решили это сделать — поиграть либо проверить на прочность, то не обессудьте.

Я схватил со стены древнее копьё и метнул в чёрный силуэт. Промахнулся. Каменный наконечник звонко цокнул по твёрдому полу и разлетелся на куски. Прехистор вновь поднял руку в моём направлении, воздух рассекли нити, и на сей раз они резанули по бедру. Я взял второе копьё, уже без наконечника, однако заметно тяжелее. Кольнуло в боку, и для точного броска мне пришлось приблизиться. Резко выдохнув, я метнул смертоносное орудие, и оно с сухим хрустом вошло в грудь противника. Тот как стоял, так и осел бесформенной кучей тряпья. Древко стукнулось об пол, стены жадно поглотили звук. Убить человека не так просто, как кажется. Но был ли Верховный человеком?

— Что скажешь? — кинул я в пустоту зала.

— Должное сбылось, — ответила Сестра. — Прехисторат приветствует нового Верховного Наставника.

— Ну, так я пойду? Может, откроешь дверь? — настойчиво попросил я.

— Сейчас это не возможно по соображениям безопасности, — сообщил машинный разум. — Город перешёл на «красный» режим. Я анализирую отчёт о внешних угрозах.

Бок потянула тупая боль, не дававшая полностью распрямиться. Я зажал рану на животе, чувствуя, как кровью пропитываются уже брюки, и осмотрелся.

— Анализируй, анализируй, а я пока пройдусь.

С противоположной стороны зала ожидаемо обнаружился второй проход, ведущий в сеть коридоров и комнат. Я двигался, как мне казалось, по основному пути, широкому и изысканно отделанному. Тот поворачивал, поднимался вверх, проходил через просторные

помещения, но не заканчивался, а уверенно продолжал куда-то вести. Сердце стало стучать медленнее и с какой-то натугой, его удары отдавались в висках. Во рту возник металлический привкус. Идти становилось сложнее; показалось, что я брожу кругами. Однако опасения развеялись, когда я заметил, что оставляю за собой кровавые следы: пол впереди пока оставался девственно чистым.

— Так что, Сестра, теперь я буду жить пятьсот лет? — спросил я на ходу.

— Разумеется, — ответил вездесущий голос. — Но прежде необходимо пройти посвящение. Дар Долголетия — это древний вирус, иммунитет от которого есть у всех людей, кроме единиц. Например — тебя. И ты должен принять этот вирус.

— Интересно, — хмыкнул я. — Значит, так вы меня нашли: по анализу крови?

— Верно, — подтвердила догадку Сестра.

— Наверное, есть какой-то подвох? Побочные эффекты?

— Никаких физиологически-негативных эффектов нет, — ответила Сестра, — однако, организм человека не рассчитан на столь долгое функционирование естественным образом. Спустя примерно сто пятьдесят лет, тебе понадобится постепенное биотехнологическое усовершенствование.

С языка почти сорвалась шутка на тему услышанного, но слова застряли в горле. Я вдруг осознал в деталях, какая жизнь мне была уготована. Диалог с компьютером оборвался.

Наконец я остановился у Т-образного перекрёстка. Коридор одинаковыми ответвлениями расходился в обе стороны, а впереди раскрыл своё чрево лифт. Я решил попытать счастья и вошёл в просторную кабину. На загоревшемся сенсорном экране я увидел лишь один пункт назначения и не задумываясь нажал на кнопку. Судя по схеме на экране, я должен был ехать вверх, но в этом лифте вообще не ощущалось движение.

Я достал коммуникатор и попытался вызвать Вику. На стекле остались красные быстро засыхающие отпечатки; датчики перестали адекватно обрабатывать нажатия, и строчки хаотично побежали по экрану. Я хотел было его протереть, но тяжёлый аппарат выскользнул из рук.

Двери открылись. С трудом сохранив равновесие, я поднял-таки телефон и вышел в просторный светлый холл. Впереди за стеклянной перегородкой раскинулся красивейший зимний сад, а сквозь его прозрачный потолок — я не поверил своим глазам — виднелось настоящее небо.

Мгновенье радости сменилось огорчением — я понял, что приехал не туда. Однако решил всё же пройти дальше и убедиться в отсутствии других лифтов. Кроме того, я пробыл в подземелье всего ничего, но меня уже неотвратимо тянуло на поверхность. С трудом переставляя ноги, я побрёл через заросли экзотических растений. Дорожка, засыпанная мелким ракушечником, привела к выходу. Прозрачные створки бесшумно разъехались и выпустили меня на небольшую открытую площадку.

Я стоял на вершине горы, обдуваемой всеми ветрами, и наслаждался свежими порывами треплющими волосы. Вокруг раскинулись вершины поменьше, между ними зеленели леса и поблёскивали узкие речушки. Лишь с одной стороны вид закрывала скальная порода, в которой был пробит проход обратно в подземелье, из-за чего площадка напоминала балкон. Силы покидали меня, но вместе с ними уходила и тревога: на душе вдруг стало как-то светло. Я облокотился о перила и закрыл глаза, но вместо привычной темноты вдруг замелькали картинки.

Вот я лечу на своём первом велосипеде; папа только что снял приставные колёса и теперь бежит следом и поддерживает меня. Ноги то цепляются за педали, то шаркают по земле, но я лечу. Лето, солнце, крики и смех детворы, разноцветные лавочки во дворе.

Вот я с букетом розовых хризантем и большим красным ранцем за спиной в первый раз иду в школу; мама поправляет мне воротник и приглаживает волосы. Мама молодая, стройная, в цветастом лёгком платье.

Эпизоды проносились один за другим, согревая пустеющее сердце. Я уже и забыл эти чувства из далёкого детства, когда жизнь впереди казалось такой долгой и полной открытий. Да и жилось-то одним днём: «вчера» кануло в небытие, оставив только опыт и яркие воспоминания, а «прекрасное далёко» таит в себе что-то новое и интересное. Где тот беззаботный мальчишка и его молодые счастливые родители, где нерушимая вера в светлое «завтра», мечты и фантазии?

На деле жизнь оказалась такой короткой: не успел слетать к далёким звёздам и даже не открыл никаких новых земель за океаном.

Хотя всё же нашёл Её. Судьба хитро поступила с нами: развела, когда мы были ещё не готовы, и свела снова, когда нужный час настал. Но что же! Теперь милая Вика — девочка с грустными и умными глазами — ждёт меня, снова считает минуты, оглядывается каждый раз, когда кто-то входит. А я не в состоянии сделать и шага, даже вдохнуть полной грудью. Светлый ракушечник под моими ногами окрасился алым.

«С любимыми не расставайтесь <…> и каждый раз навек прощайтесь, когда уходите на миг!» — вдруг всплыли в памяти некогда услышанные строки. Мозг зачем-то отдавал мне обрывки прошлого, тщательно накопленные за долгие-недолгие годы. К чему бы это?

Что-то ярко сверкнуло, но уже по ту сторону опущенных век. Я поднял голову и с трудом сфокусировался. Снова яркая вспышка, теперь сбоку… и ещё. На горизонте поднималось серое грибовидное облако; такое же и справа, за горной грядой. Земля едва ощутимо задрожала. Ноги подкосились. Вот и всё. Как-то глупо вышло.

Плотная пелена мягко накрывает, и я погружаюсь в приятную тишину и покой, словно в тёплый безмятежный океан. Время замирает. Дверца в груди тихонько отворяется... Это конец… или начало

Конец книги. Продолжение следует.

Купить бумажную книгу в Лабиринте: https://www.labirint.ru/books/637534/

Купить электронную книгу в Литрес: https://www.litres.ru/igor-stenli/kodeks-prehistorata-suhovey-33812802/